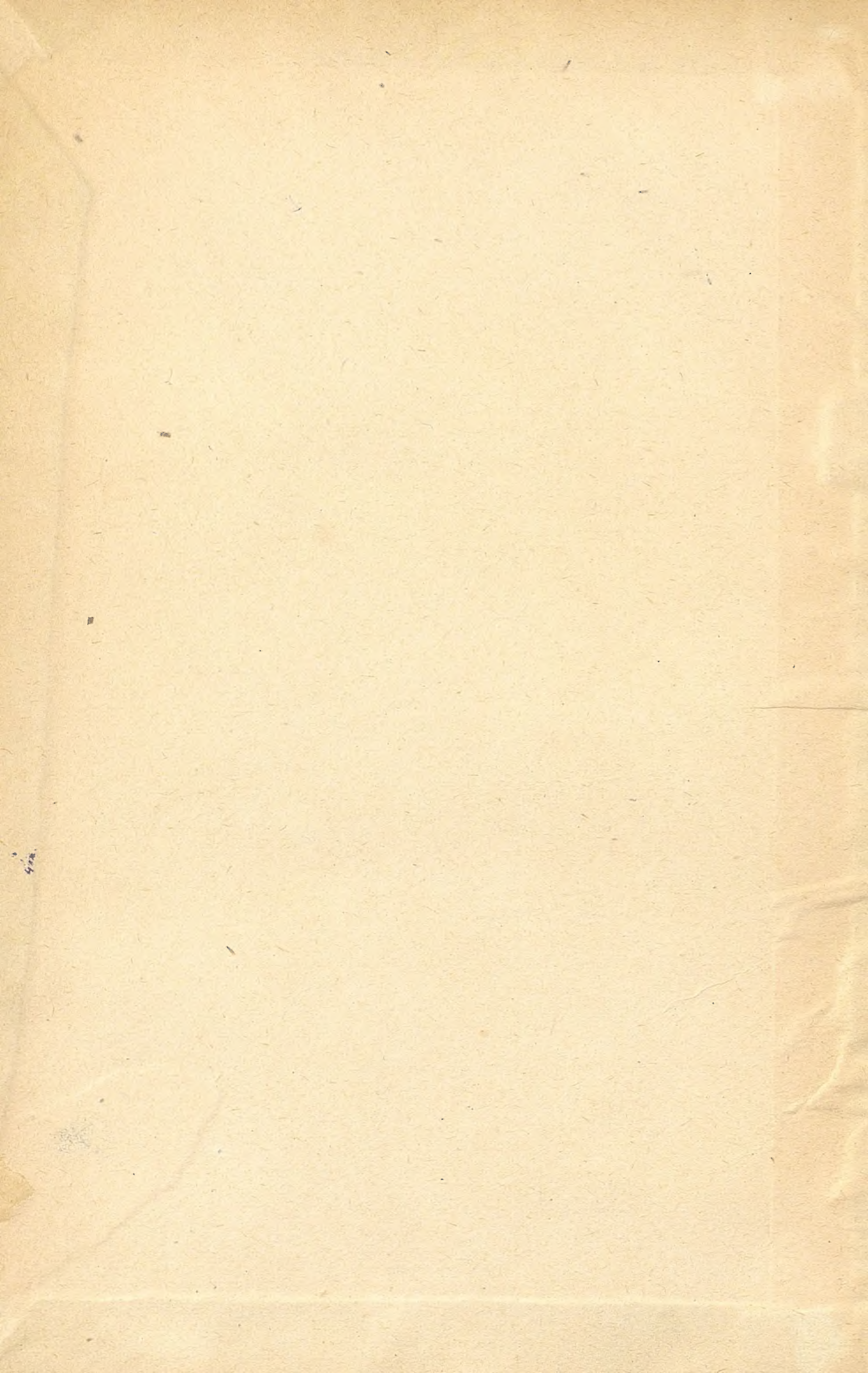

Труды Костромского Научн. О-ва по изучению местн. края, вып. XXIII.

Евг. Дюбюк.

ПОЛОТНЯНАЯ промышленность

Костромского края

во второй половине XVIII и первой половине XIX века.

КОСТРОМА.
2-я Гос. (Советская) тип.-лит.
1921 г.

Издания Костромского Научного Общества по изучению местного края

1. Программа для собирания этнографических предметов. Кострома. 1912 г., 20 стр. ц.

2—10. Отчеты о деятельности Костромского Научного Об-ва, по изучению местного края 1912 г. (год 1-й разошелся) 35 стр.—1913 г. 80 стр. (ц. 40 р.): —за 1914 г., 40 стр.—1915 г. 58 стр.—за 1916 г. 40 стр. (ц. 25 р.): за 1917 г. 56 стр. (ц. 25 р.):—за 1918 г., 34 стр. (ц. 25 р.):—за 1919 г. 20 стр. (ц. 150 р.): за 1920 г., 48 стр. (250 р.).

11—13. Предварительные указания к изучению Костромской губ. Кострома, 1913 г. 24 стр. Второе исправл. изд. 1914 г., 3-е изд. 1916 г. (разошл.).

14. Каталог Кустарного Отдела музея местного края. 8 стр., 1919 г. (разошл.).

15. Труды Костромского Научного Об-ва по изучению местного края, вып. I (разошлись), 147 стр. Кострома, 1914 г. Содержание: В. Смирнов—И. В. Щулепников (некролог). М. Виноградов—Галичское озеро и галичский рыбный промысел. Е. Дюбюк—Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губернии в дореформенное время. С. Барыков—Ученичество в отхожем малярном промысле в Воскресенской вол., Галичского уезда. А. Андроников—Народные сказки Костромской губ. Отдельные сообщения: В. Богушевского, Н. Сколозубова и В. Чарнецкого.

16. Труды, вып. II, 100 стр. Кострома 1914 г. (разошл.) Содержание: А. Жадовский—Ботанические исследования в Костромской губернии летом 1913 г.

17. Труды, вып. III, 184 стр., Кострома 1915 г. (разошлись). Содержание: Е. Дюбюк—Ветлужская вотчина Дурново в канун крестьянской реформы и в первые годы после нее. Подлинные документы Ветлужской вотчины Дурново. (Из собраний Д. П. Дементьева). В. Барыков—Из жизни села Парского, Юрьевецкого уезда Костр. губ. П. Зорин—Как веселится черемисская молодеж. В. Смирнов—Крестьянская изба и ее разные украшения в Макарьевском уезде, Костромской губернии.

18. Труды, вып. IV, 100 стр. Кострома 1915 г. (разошлись). Содержание: В. Смирнов—Н. Л. Сколозубов (некролог). А. Жадовский—К флоре Ветлужского края. Отчет о ботанических экскурсиях летом 1914 г. Его-же—Обзор литературы по флоре Костромской губ. Э. Шпор—некоторые данные о цветении рясок.

19. Труды, вып. V, 134 стр. Кострома 1916 г. (разошлись). Содержание: Костромская деревня в первое время войны по данным анкеты Об-ва А. Языков—Общественная помощь призванным и их семьям. Л. Захарова—Влияние трезвости на жизнь Костромской деревни. Е. Дюбюк—Экономическое положение дерввни осенью 1914 и зимой 1914—15 г.г. В. Смирнов—Отношение деревни к войне. А. Виноградов—К анкете по вопросу о влиянии войны на жизнь местного края (корреспонденция).

20 Труды, вып. VI. „Первый Лесной Сборник", 332—II стр. Кострома 1917 г. (разошлись). Содержание: Г. Ф. Морозов—О типологическом изучении лесов С. Барановский—Естественно-исторические условия роста и возобновления и типы лесонасаждений в связи с основаниями хозяйства в Потахинской и Пелеговской казенных дачах Юрьевецкого лесничества, Костромской губ. В. Квецинский—О типах лесонасаждений в Изосимовской, Нагорной и Заречной дачах Кологривского уезда, Костромской губ. С. Витковский—Типы насаждений восточной и западной частей Изосимовской дачи, Кологривского у. А. Форст—Типы насаждений Екатерининской дачи, Ветлужского у. В. Матренинский—Леса Кологр. у. в естественно-историческом отношении.

21. Труды, вып. VII. „Исторический Сборник", 182 стр. Кострома 1917 г. Содержание: Сотная пригородка Кадуя 1573 г. Сообщил И. Н. Ельчанинов. Описание города Буя, составленное инженер. поруч. Федором Перелешиным в 1778 г. при возводе кол. асес. Серг. Темском. Сообщ. И. Н. Ельчаниновь. М. Смирнов—Костромские вотчины Переславского Горицкого монастыря (материалы). Д. П. Дементьев—Из прошлого Пыщугской и Заводской волостей Ветлужского у. Евг. Дюбюк—Подольская вотчина Кандалинцева (из собрания Д. П. Дементьева). Вл. Апушкин—О дворянских гнездах. (Воспоминания, впечатления и мысли). Выручка Баязета. (Письмо В. Шонорова к А. Н. Прокоровой). Исторические и бытовые материалы, извлеченные из дел Архива Костромско-Ярославского Управления З. и Г. Имуществ. Сообщил А. А. Ширский. К истории Костромских корабельных лесов—А. А. Апушкин—Забытый проект соединения реки Костромы с рекою Сухоною. ц.

Труды Костромского Научн. О-ва по изучению местн. Края, вып. XXIII.

Евг. Дюбюк.

ПОЛОТНЯНАЯ промышленность

Костромского края

во второй половине XVIII и первой половине XIX века.

Печатано на средства Костромского Губернского Отдела Профессионального Образования.

КОСТРОМА.
2-я Гос. (Советская) тип.-лит.
1921 г.

Важнейшие из замеченных опечаток.

Стран.	Строка.	Напечатано	Должно быть.
5	29 св.	но протчем	и о протчем
8	2 сн.	примечаний	примечаниям
9	30 св.	попку	покуп-
19	10 сн.	в ответат	в ответах
25	16 св.	включающем	включающего
27	12 сн.	30.000	300.000
32	18 сн.	Строгалевы	Стригалевы
33	5 св.	их	из
35	15 сн.	Скворцова	Старцова
38	6—7 св.	произству	производству
38	14 св.	быть	было
39	9 св.	Топографии	Топографич.
40	4 св.	их	из
43	15 св.	производять	производить
47	1 сн.	фрепостные	крепостные
47	2 сн.	В-нтов	ф-нтов
47	3 сн.	Клад	Влад.
48	21 сн.	им	или
49	3 сн.	р-нам	кр-нам
51	1 св.	фики	ф-ки
53	12 св.	не бебинтересно	Небезинтересно
55	8 сн.	прописке	приписке
55	1 сн.	не было	не была
56	34 сн.	делеко	далеко
57	2 св.	прикупленным	прикупленных
59	1 сн.	улчшие	лучшие
61	14 сн.	витвы	витьи
65	9 сн.	бес	без
70	16 св.	видели	видела
71	2 св.	случалось	случались
73	9 св.	обмен	общею
73	25 св.	р-к	р-х
74	11 св.	уважание	уважение
75	23 св.	и так	так и
76	16 св.	основанных	основанной
79	15 св.	купленного	купленным
79	22 св.	неот'емляемо	неот'емлемо
83	8 сн.	оштрафаванию	оштрафованию
87	14 сн.	фабричный	фабричных
92	13 сн.	разможается	размножается
96	14 св.	впредь	вперед

Стран.	Строка.	Напечатано	Должно быть.
96	10 сн.	расходные	расходы
101	2 св.	проподает	пропадает
101	15 св.	кустарям	кустарями
104	1 сн.	2069	1269
104	19 сн.	ткань	тканье
108	3 св.	ни свого	своего
109	15 св.	основания	основанная
110	17 св.	имен	имел
110	22 св	размножалась	размножалось
114	заголовок	Полотняные г. Кинешмы	Полотняные ф-ки г. Кинешмы
119	21 св.	положеним	положении
122	4 св.	(безчетверти)	без(четве)рти
122	20 св.	Акимовъ	Якимовъ
124	12 св.	2751	1751
126	4 сн.	июня	11 июня
143	12 св.	фнтов	ф-нтов
144	19 сн.	(Е. Д.)	—
119	у Григ. Стригалева об'явлено капитала в 1790 г.	—	30.000
164	22 сн.	упоминаемо	упоминаемое

Неразработанность русской экономической истории представляет характерную черту состояния наших исторических знаний. В сущности эта область едва затронута исследованием, несмотря на заманчивость темы—дать картину последовательного развития нашего народного хозяйства, и несмотря на обилие сырых материалов, пригодных для этой цели. Сырых материалов, и в столичных, и в провинциальных архивах,—груды, но, по справедливому замечанию проф. Е. В. Тарле, „весь этот клад ждет еще исследователей.“ „Несомненно—говорит он—что и для истории промышленности тоже существуют нетронутые залежи. В обширной книге, напр., М. И. Туган—Барановского „Русская ф-ка“ мы находим лишь 56 страниц на весь XVIII в; это лишь введение, собственно, в историю ф-ки XIX ст. согласно с общим планом исследования. „История русского народного хозяйства XVIII ст. до сих пор еще мало разработана“—говорят нам авторитетные историки России.“ [1])

Таже неразработанность русской экономической истории, но только в отношении XIX в., отмечается и П. Б. Струве. „Русской экономической истории XIX века—говорит он в своем „Крепостном хозяйстве“ [2])—до сих пор не очень посчастливилось. Историки—специалисты как-то чуждались этой свежей, живой и, во всяком случае, полуживой истории. Экономисты, повидимому, всецело ушли в созидание картины экономической современности, и притом рисовали ее—что более чем понятно, в младенческой период экономической мысли с характеризующим его слиянием теоретических проблем и практических вопросов—в значительной мере руководимые

---

[1]) Проф. Е. В. Тарле. Запад и Россия. Статьи и документы из истории XVIII—XX вв. Изд. Былое 1918. Статья: Была ли Екатерининская Россия экономически отсталою страною ? стр, 123.

[2]) Петр Струве. Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1913. стр. 1.

определенными идеалами экономической политики; изобразители экономической действительности всего чаще писали под диктовку экономической политики. Как бы то ни было, славный памятник русской мысли—земская статистика—и истолкование этого памятника поглощали почти все внимание экономистов, и история хозяйственного быта России в истекающем столетии оставалась в загоне".

Если приведенные слова крупных русских историка и экономиста надо признать справедливыми в отношении к целой России[1]), то не менее справедливыми являются они по отношению к отдельным районам, к отдельным частям обширного государства. И здесь, за немногими исключениями, мы наталкиваемся на ту же неразработанность историко-экономических данных. Между тем, несомненно, такая порайонная разработка материалов, освещающих экономическое прошлое отдельных местностей, должна бы предшествовать опытам построения экономической истории целого государства, ибо в длинном ряде случаев речь идет еще о самом элементарном установлении и накоплении фактов, без чего любая теория историко-экономического развития повиснет в воздухе, как бы остроумны ни были ее построения—и что легче сделать в районном масштабе силами многих провинциальных работников, подымающих целину местных архивов.[2])

В приведенном кроется об'яснение и оправдание выпуска в свет настоящего очерка, в котором приводятся некоторые данные, относящиеся к фабричной полотняной промышленности Костромского края второй половины XVIII и первой XIX вв. и извлеченные нами, гл, обр., из архивных материалов.

---

[1]) Того же мнения о неразработанности русской экономической истории держатся и другие видные русские историки, напр., Милюков, Довнар—Запольский и друг. „В русской исторической экономической литературе—говорит проф. М. В. Довнар—Запольский (История русского нар. хоз. т. I)—совершенно отсутствуют труды, посвященные обзору данного предмета" (руского народного хозяйства—Е. Д.) (стр. VIII: см. также стр. 30—32). „Разработка экономической истории России—констатирует П. Милюков (Очерки по истории русской культуры, ч. I, 6-е изд 1909, стр. 81)—едва началась в наше время и не успела дать значительных результатов".

[2]) „При обширности России и при разнообразии ее природных условий —говорит Довнар—Запольский (Указ. соч., стр. 31)—монографическое изучение ее экономической истории должно было бы получить, по крайне мере, по отношению ко многим вопросам, *характер местных иследований*, основанных на материалах провинциальных архивов", Курсив наш.

Однажды[1]) мы уже делали попытку наметить путь развития этой отрасли промышленности, но сведения, к-рыми тогда по этому предмету мы располагали, были отрывочны и кратки и взяты почти исключительно из печатных источников. Между тем, и по состоянию, архивных материалов, и по тому несомненно крупному значению, какое получила полотняная промышленность втечение XVIII в. в Костромской губ. и вообще в России, следовало бы уделить этой отрасли промышленного производства и больше внимания, и больше места.

I.

Возникновение первых полотняных ф-к в Костромском крае.—Данные „Топографических известий“.—Число фабрик в 1773 г.—Сведения из „Описания Костромского наместничества“.—Данные дела № 1872—Картина постепенного роста полотняной фабричной промышленности.—Ее географическое размещение.—Размер ф-к: число р-х и ткацких станков. —Данные по этому предмету „Экономических примечаний“.—Размеры оборотного капитала.—Количество потреблявшейся льняной пряжи и вспомогательных материалов.—Сорта вырабатывавшихся изделий.—Размеры выработки по сортам.—Себестоимость и продажные цены тканей. Сумма годового производства.—Расцвет полотняного производства в конце XVIII в.

Возникновение полотняных ф-к в пределах Костромского края относится к середине XVIII в. Князь Козловский указывает, что Кострома начала славиться своими мануфактурами в царствование Елизаветы. „Первую полотняную ф-ку в городе на 500 станков—говорит он—завел Иван Дмитриевич Угличанинов и получил на оную привиллегию. Вслед за ним Иван Пименов Стригалев, Семен Иванович Ашастин и Дмитрий Федоров Волков[2]) построили значительные ф-ки, на коих работали равендуки, фламские полотна, каламенки и отправляли свои изделия в С.-П-бург.“[3])

В сущности приведенным почти и ограничивались все сведения о начальном периоде существования в Костромском районе полотняных ф-к в печатных работах Костромских историков,

Немногим больше можно почерпнуть из „Топографических известий, служащих для полного географического описания Российской Империи“ и изданных в С.-П-бурге в нача-

---

[1]) См. Евг. Дюбюк. Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губ. в дореформенное время. Труды Костр. Научн. Об-ва. Кострома. 1914 Вып. I, стр. 60—116

[2]) Дед основателя русского театра.

[2]) Кн. Козловский. Взгляд на историю Костромы. М. 1840, стр. 102.

ле 70-х гг. XVIII ст, под редакцией инспектора гимназии Академии наук Лудвига Бакмейстер. Указанные „Известия“ составлялись по ответам на запросы Академии наук и сухопутного шляхетного кадетского корпуса, обращенные в губернские учреждения. В части четвертой тома первого этих „Известий“ (изданной в 1774 г.) заключаются данные, м. пр., и по Костромской провинции. Из этой части можно извлечь лишь следующие краткие сведения о Костромских полотняных ф-х: 1) по запросным известиям, из Костр. воеводской канцелярии присланным в Академию 29 янв, 1764 г. за подписанием воеводы Ивана Жеребцова и т-ща Михайлы Протопопова, „город Кострома имеет 4 ф-ки полотняные“ (стр. 316), а в Костр., уезде „ф-ки полотняные находятся: 1-ая в с-це Опалихах, расстоянием от города на 5 верст, 2-ая в пригороде Нерехте“ (стр. 319) и 2) в Кинешме, входившей в те времена в состав Ярославской провинции, по запросным известиям от Кинешемской воеводской канцелярии присланным в академию 24 мая 1760 г. за подписью Михаила Борноволокова—„при городе есть полотняная ф-ка на выгонной городской земле“ (стр. 311) Вот и все данные о Костр. полотняных ф-х, имеющиеся в „Известиях“. Т. обр., в начале 60-х гг. XVIII ст. в пределах Костр. края имелось 7 полотняных ф-к, в т. ч. 4 в Костроме, 1 в Нерехте, 1 в Кинешме и 1-под Костромой в с-це Ополихах,

Вотчинная ф-ка в с-це Ополихах (Апалихах), упоминаемая в „Известиях“, была одною из первых полотняных ф-к в Костр. крае. Основана она была, повидимому, в 1752, [1]). Владельцем этой ф-ки был граф Воронцов [2]).

Несколько позднее, в 1761 г., была построена каменная полотняная ф-ка близь Нерехты. Основателем ее был ПБургский купец и директор императорского двора Михайло Грязновский-Лапшин вместе с директором Михайлой Большим Пастуховым. О ф-ке этой, м. пр., упоминается в Статистиче-

---

[1]) См. Материалы для ст-ки Костр. губ. Вып IV. Изд. Костр. Губ. Ст. К-та. Кострома 1881. В. Пирогов. Ткацкие светелки под Костромой. Стр. 227. Пирогов указывает, что на этой ф-ке работали крепостные, и работа их продолжалась лет 40, начиная с 1752 г.

[2]) Мат. для ст-ки Костр. губ. Вып. III. Изд. Костр. Губ. Ст. К-та. 1875. В. Пирогов. Очерки промышленности Костр. губ. Пирогов назывaет ткацкую ф-ку в Апалихах принадлежащей князю (графу ?) Воронцову.

ской ведомости доставленной в 1767 г. в Комиссию для составления Нового Уложения [1]).

Некоторые сведения о полотняных ф-х можно почерпнуть также из „Исторического описания Российской коммерции“ М. Чулкова. В названном описании помещен перечень фабрик, находившихся в ведомстве государственной м-р-коллегии в 1773 году (т VI, кн. III М. 1786 г., см. стр. 624—626 и 628). Из Костромских ф-к в этом перечне, м. пр., значатся следующие полотняные ф-ки: в г. Костроме: 1) Козьмы и Петра Углечаниновых (основана в 1751 г.), 2) Семена и Алексея Ашастиных (осн. 1760 г.), 3) Дм. Волкова (осн. 1761 г.), 4) Ив. Стригалева (осн. 1761 г.) и 5) Тимофея Пыпина (осн. 1768 г.); в Нерехте-фабрика Михаи а меньшего Пастухова (осн. 1761 г. и Кинешме—Семена Таланова с братьями (осн. в 1758 г.) Всего 7 фабрик—все заведены по указам м-р-коллегии.

Названные фабрики не были единственными в XVIII ст. Из позднейших данных, а именно из „Описания Костромского наместничества“, составленного в 1792 г. [2]), видно, что в конце XVIII в пределах нынешней Костромской губ. существовали 22 полотняные ф-ки, пользовавшиеся, по словам составителя указанного „Описания“, наибольшим процветанием среди других ф-к и заводов.

Новые сведения о полотняных ф-х Костромского края, значительно пополняющие приведенные выше скудные известия, дают материалы, извлеченные нами из архива б. Костр. губ., пр-ия, из дела с заголовком: „Канц. губ-ра, по арх. № 1872. Дело по сообщ. госуд. коммерц.-коллегии о доставлении сведения о всех произрастениях земных, самородных и диких, и протчем. Ноября 26 дня 1800 г. № 390“. В этом обширном деле, состоящем из 138 листов, под приведенным заголовком,

[1]) См. А. Ф. Васьков. Нерехтский у. в 1857 г. Костр. Губ. Вед., 1872, № 25. Некоторые данные о Нерехотских ф-х находим также у М. Диева в его рукописной „Истории гор. Нерехты“ (хран. в б-ке б. Костр. Арх. Ком. под № 61), а именно там говорится, что „в 1761 г. петергбургский купец и директор имп. двора Михайло Яковлевич Грязновский—Лапшин с Нерехтским купцом и директором двора Михайлом Большим Пастуховым построил для полотняной ф-ки каменный огромный двухэтажный корпус, около 1790 г. поступивший в казну для помещения присутственных мест; на север в нескольких саженях от этой ф-ки в 1778 г. Нерехтский купец Осип Семенов Суворов построил несколько деревянных корпусов также для другой полотняной ф-ки. Эти деревянные корпуса сломаны около 1805 г.“ (стр. 74). Далее (на стр. 88) говорится: „Любопытны статистические о Нерехте сведения 1769 г., потребованные частной коммисии о городах тогда доставленные депутатом Третьяковым, именно..... ф-ка за городом в 10 саж. СПБургского купца и директора Михайла Большого Пастухова“.

[2]) Костр. Губ. Изд. 1859, № 22.

далеко не покрывающим его содержание, имеются интересные данные, рисующие вообще положение промышленности и с. хоз. Костр. губ. в самом начале 19 ст. Предполагая эти данные использовать особо, в отдельном очерке, мы в настоящее время касаемся названного источника лишь в части, относящейся к полотняным ф-м.

В ведомостях названного дела [1]) указаны, м. пр., годы учреждения ф-к, а по г. Костроме кроме того также и кто был их основателями. Пользуясь этими данными, можно, во 1) установить, кому именно принадлежали ф-ки, перечисленные в „Топогр. Изв." и во 2) нарисовать картину постепенного развития полотняного производства в Костромском крае [2]).

Мы уже упоминали, что согласно „Топографических Известий" в Костр. крае в начале 60-х гг. XVIII ст. были 4 полотняные ф-ки в Костроме, 1 под Костромою (в Апалихе), 1 в Нерехте и 1 в Кинешме. Нерехтская ф-ка, как мы знаем, была основана Грязновским-Лапшиным, и Апалихская, вероятно, гр. Воронцовым. Четыре ф-ки в Костроме, существовавшие в 1764 г., очевидно, были: 1) ф-ка Углечанинова, основанная в 1751 г., о к-рой князь Козловский писал как о первой

---

[1]) Ведомости эти—сведения городовых магистратов: по Костроме за 1801 г., по Кинешме—от 14 февр. 1801, по Нерехте—от 11 дек. 1800 и по Плесу от 24 янв. 1801 г. В дальнейших ссылках указанное дело означается кратко: „Дело № 1872".

[2]) Разумеется, с некоторыми пробелами, т. к., с одной стороны, могли быть ф-ки, не дожившие до 1800 и 1801 гг., ко времени составления ведомостей, и потому не попавшие в них; таковы, напр., Пастуховская ф-ка в Нерехте, ф-ка Воронцова в Апалихах и т. д.; с другой стороны, сама регистрация ф-к могла быть не точной. М. пр., в архиве б. Костр. город. управы имеется „Дело по письму его высокопр-ва г-на ген. пор., Костр. нам-ва правителя и кавалера Ивана Варфоломеевича Ламба о учинении обстоятельной выправки на состоящие здесь разные заводы" и т. д. (началось 23 явг. 1792 г.) Меж листов этого дела заложен клочек бумаги, на к-ром тою же рукою, что и б. ч. бумаг дела, написан след. перечень: „Полотняных заводов в Костроме: 1) Углечанинова, 2) Стригалева, 3) Дурыгина, 4) Ашастина, 5) Якова Ашастина, 6) Ивана Волкова, 7) Степана Углечанинова, 8) Алексея Колодкина, 9) Дмитрея Солодовникова, 10) Василия Пыпина, 11) Федора Ознобихина, 12) Ивана Шаровникова и 13) Г. Старошаршавина". В 1800 г. о ф-к Шаровникова и Старошаршавина в Деле № 1872 уже не значится.

ф-ке, учрежденной в Костроме [1]) 2) ф-ка, основ. в 1760 г. купцом Семеном Иван. Ашастиным, 3) ф-ка, основ. в 1761 г., купцом Ив. Тимоф. Стригалевым и 4) ф-ка, учрежденная в том же 1761 г. Дм. Фед. Волковым. Кинешемская ф-ка была, очевидно, ф-ка, основ. в 1758 г. Кинешемским 1-й гильдии купцом Иваном Никифоровичем Талановым, родным дедом Прокопия и Харлампия Талановых, к-рым это ф-ка принадлежала в начале 19 в. [2]).

В 1795 и 1796 гг. в Костроме имелось всего 13 полотняных ф-к, в т. ч. 6 каменных и 7 деревянных, [3]).

По данным „Дела № 1872" в самом начале 19 ст., в 1800—1801 гг. в Костр. крае имелось полотняных ф-к: в Костроме 14, Нерехте 1 Плесе—3 Кинешме 4, а всего 22.

По сведениям этого источника, в г. Костроме полотняные ф-ки возникали в такой постепенности: в 1751 г.—ф-ка Углечанинова (Ивана Дм.), 1760 г.—купца Семена Ив. Ашастина, 1761—купца Ив. Тимоф. Стригалева, 1761 г.—Волкова, Дм. Федор., 1762—его же, 1768—Пыпина, Тимоф. Афанас., 1772—Углечанинова, Степана Михайл., 1778—Дурыгина, 1784 - Ашастина, Якова Ильина, 1786—Колоткина, Алексея Ми-

---

[1]) Из „дела № 1872" видно, что ф-ка была учреждена по данной из Госуд. м-р.—коллегии. К сожалению, эту данную мы достать не могли. Несомненно, в столичных архивах должны иметься материалы по Костромским полотняным фабрикам, напр., в делах м-р—колегии. М. пр., в архиве М-ва Юстиции по „Описанию докум. и бумаг., хран." в нем, значится (книга первая, стр. 14) вязка документов этой коллегии за 1751—1761 гг., т. е. как раз за тот период, когда в Костр. крае возникали первые полотн. м-ры. Будучи летом 1919 г. в Москве, автор предполагал просмотреть эту вязку, но, к сожалению, получить ее для просмотра не мог, т. к., по объяснению служащих, она оказалась заваленной другими связками, и ее не могли розыскать.

[2]) См. Сенатское дело № 1418 мещ. Таланова о долге гражд. Угличанинову 1815 г. (хран. в архиве б. Костр. губ. уч. арх. ком.)

[3]) См. дела архива б. Костр. Гор. Управы: 1) по ген. описи № 688 „об отправлении к его высокопр-ству г-ну ген.—пор. правящему должн. Влад. и Костр. ген. губ-ра и разных орденов, кавалеру Ивану Александровичу о имянитых гражданах, купцах, мещанах, цеховых, ф-х, заводах и о прочем ведомости. Авг. 28 дня 1795 г. и 2) по ген. описи № 759 об отпр. к его пр-ству (и т. д.) о имянитых гражданах (и т. д.) ведомости февраля дня 1796 г.

хайл. [1]), 1787—Солодовникова Дм. Ив., 1789 г.—Ознобихина, Федора Матв., 1792,—купца Бориса Ив. Стригалева и 1800 г. —Красильникова, Федора Алексеевича.

В остальных городах Костр. края ф-ки были основаны: [2]) в Кинешме—в 1758 г. Прокопия и Харлампия Талановых, 1778—Александра Грязнова с братьями, 1778—Сергея Грязнова и 1779—Дм. Таланова с племянниками; в Плесе—1789 г, Ив. Яковл. Ермолина, 1794 г.—Ив. Андреянова Зубарева и 1795 г.—Егора Семен. Шишмолина; в Нерехте—в 1799 г. —Ив. Семен. Брюханова [3]).

Если пополнить приведенный перечень данными других источников о полотн. ф-х, основ. до 1800 г. (Апалихская ф-ка, основ. в 1752 г., Нерехтские ф-ки: Лапшина—1761 г. и Суворова—1778 г.) и распределить эти данные по десятилетиям, то получится такая картина постепенного развития полотн. промышленности в Костр. крае. Всего было учреждено ф-к: в 1751—60 гг.—4, в 61—70гг.—5, 71—80гг.—6, 81—90гг.—5, 91—800 гг.—5, итого 25 ф-к [4])

Т. обр., за вторую половину XVIII в. в Костр. крае было основано 25 полотн. ф-к, в т. ч. в Костроме и под Костромой 15, в Кинешме 4, Нерехте 3, Плесе 3. Приведенные данные все же неполны. В них не вошли полотн. ф-ки в с. Писцове Нерех. у. В последнем в конце XVIII и начале XIX вв., по сообщению Васькова, насчитывалось до 10 ф-к, занимав-

---

[1]) О времени основания ф-ки Колоткина печатные источники разноречат. Так, в „Путеводителе по Волге“, сост. П. П. Нейдгардт (СПБ. 1862. вып. II „Подробное описание пути от Твери до Казани“) сказано, что полотн. ф-ка Колодкина существует будто бы с 1726 г. (стр. 48); по данным „Пам. кн. Костр. губ. на 1862 г.“ она основана в 1755 г., по свед. Крживоблоцкого („Опис. Костр. губ. Материалы для геогр. и ст-ки России, собр. оф. ген. штаба“. СПБ. 1861.)—1775 г. и по материалам „Дела № 1872“—в 1786 г. Повидимому, наиболее верная дата—последняя.

[2]) Рядом с годом учреждения ф-ки указано, кто владел ею в 1800 или 1801 гг.

[3]) В деле архива Канц. Костр. губ-ра 1803 г. № 52 „по сообщ. м-р. колл. о отобрании от содержателей ф-к и з-в сведений, какая плата производится приписным и покупным к оным людям, упоминается, м. пр., полотняная ф-ка в Нерехте 1-й гильдии Костромского купца и ф-нта Федора Борисова Стригалева (на 12 станов), причем управляющим ею по доверенности был Нерех. купец Ив. Сем. Брюханов. Возможно, что эта одна и таже ф-ка.

[4]) Позднее возникают полотн. ф-ки и в некоторых других местах. Так, из „Дополн. сведений к присланным из межевой канц. генер. межев. примечаний на Буевской уезд“, составленных после 7 ревизии, видно, что в г. Судиславле (ныне Костр. у.) также имелась полотн. ф-ка.

шихся ткачеством пестрядок и фламского полотна. [1]) Затем в Костроме в конце XVIII в., как мы видели выше, были ф-ки Шаровникова и Старошаршавина. Там же были ф-ка Ив. и Федора Карашниковых. [2]) В общем надо полагать, что число всех полотн. ф-к в Костр. губ. в конце XVIII и начале XIX ст. было более значительно, чем указано выше—всех полотняных ф-к было, вероятно, около 35.

Повидимому, все это были ф-ки сравнительно крупных размеров, а для XVIII в. даже и очень крупных. Мы приводили уже выше указание кн. Козловского, что на первой полотняной ф-ке в Костроме, заведенной Ив. Дм. Углечаниновым, было 500 станов. По свед. В. И. Семевского[3]), взятым, как кажется, из статистич. ведомости, доставленной в 1767 г. в Комиссию для составления Нового Уложения, на Пастуховской ф-ке в Нерехте считалось 299 ф-х, на полотняной ф-ке Стригалева в Костроме было занято 235 ф-х. О фабрике Стригалева (основ. в 1761 г.) и о быстром ее росте находим некоторые любопытные данные в „Деле № 1872“ (л. 7 об.) Там говорится, что ф-ка заведена „бывшим Костромским 1-ой гильдии купцом Иваном Тимоф. Стригалевым в 1761 г., собственным его капиталом, простиралась сперва на 100 станов, но после того, время от времени возрастая, приумножилась до 510 станов вольнонаемными работниками“. Потом это ф-ка перешла к сыновьям его—Григорию и Василию, а в ноябре 1792 г. третьим его сыном Борисом вместе с детьми последнего Федором, Иваном, Николаем и Александром заведена ф-ка, особливо от братей его, Григория и Василия... из полученной на счет его некогорой части суммы, на 170 станов, к-рая поныне текущий 1801 г., приумножилась до 340 станов, при коей ф-ке ныне употребляется наработу по[illegible]

[1]) Костр. Губ. Вед. 1872 № 44.

[2]) О ней см. копию рукописи неизвестного автора: „Краткое начертание о первоначалии и приращении г. Костромы до открытия губернии“ (архив б. Костр. уч. арх. ком.). В нашем очерке „Основные черты“ и т. д. (стр. 63) в числе полотн. ф-к мы называли ошибочно ф-ку Темерина в Нерехте. Туган-Барановский (Рус. ф-ка, стр. 155) упоминает о миткалевой и плисовой ф-ке Темерина в Нерех. у, а на стр. 157 говорится о миткалевой и полотняной ф-х дворянина Темерина во Влад. и Костр. губ. Отсюда следует, что Нерех. ф-ка была миткалевой, а Владимирская—полотняной.

[3]) Кр-не в царств. им-цы Екат. II-ой, т I, изд. 2-е, стр. 486.

ных у разных помещиков кр-н мужеского полу 39, женска 32 души“ Т. обр., и ф-ки Стригалевых по своим размерам были достаточно крупными [1]).

В упоминавшемся уже „Кратком начертании о первоначалии г. Костромы“, м. пр., говорится о полотн. ф-х следующие: „в 1749 г. при владении имп-цы Елизаветы Петровны город Кострома начал славиться полотняными ф-ками: первый оную завел на 500 станах Иван Дмитриев сын Углечанинов и получил на то привилегию, по нем Иван Пименов сын Стригалев на 300 станках, Дмитрий Федоров сын Волков на 200 станках, на которых работали равендуки, фландские полотна и каламенки; также и в уезде заведены были ф-ки, одна в небольшом расстоянии от города в с-це Апалихах владения графа Романа Ларионовича Воронцова на 130 станках и в пригороде Нерехте Михаила Пастухова на 110 станках“. В другом месте той же рукописи говорится, что „в 1770 г. еще начали заводить в Костроме ф-ки, именно Тимофей Афанасьев сын Пыпин на 60 станках, Иван и Федор Тимофеевы дети Калашниковы на 75 станков и Степан Михаилов сын Углечининов на 50 станов“.

Одной из очень крупных полотняных ф-к была также ф-ка Талановых в Кинешме. Вот что писал об ее возникновении и росте в 1815 г. бывший Кинешемский купец и ф-нт Прокопий Таланов: „Родителя моего Григория Иванова отец, а мой родной дед, Кинешемской 1-й гильдии купец и ф-нт Иван Никифоров Таланов по указу и с дозволения бывшей мануфактур-коллегии в 1758 г. завел при г. Кинешме на 60 станов полотняную ф-ку и к ней купил на собственный свой капитал две деревни кр-н и обучил их на той ф-ке всем нужным операциям на свой счет без всякой казенной помощи.

---

[1]) На примере Стригалевских ф-к, а также некоторых других, напр. Таланова в Кинешме, о к-рой будет сказано ниже, можно убедится, что далеко не всегда сразу же возникали в XVIII в. крупные полотняные ф-ки. В начале нередко заведение имело сравнительно небольшие размеры и лишь впоследствии расширялось. Иногда дело начиналось в сущности с небольшой ткацкой светелки с десятком станов (напр., ф-ка Ф. Б. Стригалева в Нерехте). Тоже наблюдалось и в других центрах полотняного пр-ва. В Переславле Залеском, напр., сначала, в первой половине XVIII в появились так называемые „светелки“ или, иначе говоря, мелкие кустарные заведения, имевшие по несколько станов, где стали вырабатываться полотна на месте. К половине столетия эта отрасль достигла такого значительного развития, что в 1758 г. была открыта здесь большая полотняная ф-ка. На втором десятке лет своего существования она имела 312 станов“ (стр. 179. М. И. Смирнов. Переславль Залесской. Его прошлое и настоящее 1913 г.).

Впоследствие времени та ф-ка размножена была дотой степени что кроме покупных к ней кр-н, обученных сему искусству, обучены и вдруг работали на ней разных окольных помещиков крестьян и разного звания вольно наемных людей до 500 чел." [1]).

Некоторые данные о размерах ф-к можно почерпнуть также из так назыв. „Экономич. примечаний к генер. межеванию". По этим данным[2]) на 15 полотняных ф-х Костромы, Костр. у, Кинешмы и Нерехты всего имелось 1003 станка; из числа этих ф-к на 11 ф-х г. Костромы с общим числом 860 ткацких станков было 1680 р-х, или в среднем на ф-ку приходилось 78 станов и 153 р-х; наиболее крупной была ф-ка Петра и Григ. Углечаниновых—350 станов и 600 р-х, далее в нисходящем порядке идут ф-ки: Вас. Ашастина—250 р-х, Из. Стригалева—200, Алексея Дурыгина—200, Ив. и Ильи Волковых—110, Вас. и Семена Пыпиных—100, Дм. Солодовникова—75, Якова Ашастина—50, Алексея Колодкина—35, Степана Углечанинова—30 и Федора Калашникова—30. Наконец в уже упоминавшемся деле Канц. Костр. Губ-ра 1803, № 52, указывается что на ф-ке Федора Борис. Стригалева в Нерехте было 12 станков.

Сводя вместе данные разных источников о размерах полотняных ф-к (по числу ткацких станков), мы видим, что на ф-ке Углечанинова имелось от 350 до 500 станков, у Ив. Стригалева в разное время от 96 до 510, у Бориса Стригалева от 170 (в 1792,) до 300 и 340 (в 1801), у Волковых от 53 до 200, у Вас. Ашастина 110, у Пыпина 50-60, у Солодовникова—39, у Дурыгина 95, у Якова Ашастина—26, Колоткина—16, Степана Углечанинова 13-50, Калашникова 12-75, гр. Воронцова 70-130. Таланова 20-60 (и, вероятно, больше), Пастухова 32-110, Суворова 21 и Федора Стригалева в Нерехте—12. Как видим, в числе ф-к имеются весьма крупные по размерам.

[1]) Сенатское дело 1815 г. № 1418.

[2]) Установить точно год, к к-рому относятся „Экон. прим", нам не удалось. По г. Костроме это, повидимому, сведения 1788 или одного из более ранних годов, ибо в 1789 г. в Костроме уже существовала ф-ка Ознобихина, в „Экон. примеч." не значущаяся и к-рой в 1788 г. еще не было. Кстати отметим, что вообще „Экон. примеч." по г. Костроме изобилуют описками и явными ошибками: Солодовников переиначен в Ладовникова, Дурыгин в Пурыгина, помимо того включены сюда, видимо, данные разных лет. По г. Нерехте сведения относятся ко времени после 1778 г., т. к. указано, что ф-ка Суворова построена в этом году; по Кинешме, очевидно, ко времени до 1778 г., т. к. в этом году здесь уже были две ф-ки, а не одна, как значится в „Примечаниях".

„Описание Костромского наместничества“, уже цитированное нами, свидетельствует, что на разных ф-х и заводах губернии, среди к-рых наиболее видное место занимали ф-ки полотняные, работало „не малое число людей“. Косвенным указанием на крупный характер производства может служить и то, что из 22 полотн. ф-к 11 помещались в каменных зданиях[1]), а также, что Костр. и Кинешемские купцы—ф-нты „во множестве“ покупали на городских и сельских базарах лен и пряжу для своих ф-к.

Несомненно, что полотн. ф-ки были крупных размеров, если станки и р-ие на них сплошь и рядом исчислялись сотнями. Нужно отметить впрочем, что в этом отношении Костр. губ. не представляла собою исключения; тоже наблюдалось и в других губерниях, где развилась полотняная м-ра. М. пр., в 1780 г., по данным Германа, приводимым Тарле [2]), имелось

[1]) Причем некоторые из этих зданий были достаточно внушительны по своим размерам, напр., здание Мичуринских казарм, где, по рассказам старожилов, в былое время помещалась большая Углечаниновская ф-ка, или здание бывшей Мужской Духовной Семинарии, где находилась ф-ка Стригалева; Малая Углечаниновская ф-ка, как нам сообщил А. Н. Углечанинов, прежде помещалась на Набережной ул., в доме Уездного Земства. Как это видно из „Экон. примеч.“, на ф-ке Петра и Григ. Углечанинова было 60 покоев, т. е. комнат, у Вас. Ашастина 18, у Дурыгина 15, у Ив. Стригалева 14. Местонахождение ф-ки Углечанинова в Мичуринских казармах подтверждает В. Барыков („Льняная крест. промышленность Костр. губ. изд. Костр. Губ. Зем. Кострома 1909, стр. 41). Косвенное подтверждение находим и в „Пам. кн. Костр. губ. на 1862 г.“, где говорится, что по настоящему расположению г. Костромы Полянская слобода находилась в Сергиевской, Полянской, Заводской, частью Троицкой улицах и под строениями Костр. именитого гражданина и ф-нта Углечанинова“. Что здание Дух. Семинарии ранее принадлежало Стригалевым, видно из след. документа: „Духовенству Костр. епархии. Г-н обер-прокурор Св. Синода в своем отношении ко мне от 13 мая за № 2465, м. пр. пишет: „Е. И. В. по всепод. докладу в 11 день сего мая высочайше соизволил разрешить покупку для Костр. Семинарии зданий с землей, принадлежащих поч. гражданам Стригалевым за 22 т. руб.. Платон, Епископ Костр и Галичский № 148, мая 27 дня, 1866 г.“ (Архив б. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком.). Каменная полотн. ф-ка Пыпиных, как это можно видеть из хранящего в том же архиве дела № 2832, „по сообщ. Костр. магистрата о учиниении выправки о имении мещан Ивана и Ал-дра Пыпиных (началось 14 мая 1820 г.“)—находилась где-то по Русиной ул., а принадлежащие к ней деревянная пряжная поварня и каменный зольник состояли по Нижне-Дебринской ул.

[2]) Запад и Россия, стр. 145.—Весьма вероятно, что в число фабричных р-х, показанных у Германа, включались и р-ие на стороне. „Мы не теряем из вида—г-рит Тарле (стр. 146)—что эти тысячи р-х, занятых на русских предприятиях, конечно, далеко не все работали в здании мануфактур.“ Тем не менее и число одних фабр. р-х было весьма значительно.

р-х на мануфактурах, выделывавших холст и полотно: на м-ре Демидова в Перемышле—472 р-х, у Зерского в Суздале 599 р-х, у Михайла Гусятникова в Зарайске—795 р-х, у Петра Хлебникова в Пронске—1059 р-х, у Лариона Лугинина в Туле—1295 р-х, у Данилы Земского[1]) в Московском уезде—1031 раб., в Ярославле у н-ков Яковлева—2637 раб., у Гончарова в Малом Ярославце—2559 раб., у Гончарова в Москве—3479 раб.; на м-ре Трапезникова в Ярославле работало 706 станков. В число этих, несомненно, крупнейших по своим размерам полотняных ф-к можно было бы смело включить некоторые и из Костр. ф-к, напр., Большую Углечаниновскую или ф-ку Стригалева и т. д.

Для несколько более позднего периода, для 1809 г., можно привести суммарное число ткацких станков на полотн. ф-х Костр. губ. По данным Денисова, в 1809 г. в Костр. губ. насчитывалось 24 полотн. ф-ки с 4341 станками, вырабатывавшими 4613 тысяч аршин фламского полотна и равендука[2]) Сравнивая эти данные со сведениями „Экон. примеч.“, мы видим, что примерно с 80-х г.г. XVIII ст. число полотняных ткацких станков увеличилось почти в $4^1/_2$ раза.

О размерах полотняных ф-к до известной степени можно судить также и по показаниям „Дела № 1872“ о том, „сколько к обращению капитала назначено?“ Из ответов на этот вопрос видно, что обычно, помимо собственного капитала, на

---

[1]) Названный Данила Земский не чужд был и Костр. губ. По межевым 1777 г. по Куекоцкой вол. Кадыевского уезда в числе владельцев починка Седякина (межевая от 13 июня) и отхожих пустошей Плоской, Плосково тож (от 7 июня) и Жабиной, Жабоедово тож, наряду с секунд.—майором Ив. Сем Опуриным, Готовцевой, Лукиной и др. значится также „разных ф-к содержатель Данила Данилович сын Земский“. См. Арх. б. Костр. уч. Арх. Ком. Галичские усадебные архивы.

[2]) Денисов. Льняное дело, торговля льном и льняными изделиями. 1909. Петроград. Цитирую по „Куст. пром. Костр. губ. II Ткацкий промысел. В. Барыков“, стр. 15.

это употреблялся также и капитал, на кредит взятый (кредиторский)[1])

Каковы же были размеры этих назначенных к обращению (оборотных) капиталов?[2]).

Число ф-к с оборотным капиталом:

	до 25 тыс. р.	25,1—50	50,1—75	75,1—100	100,1—150	Неуказ.	Всего ф-к.	Сумма капиталов тыс. р.
Кострома	5	4	2	1	2	—	14	694,5
Кинешма	—	2	1	—	—	1	4	140,1
Нерехта	1	—	—	—	—	—	1	12,0
Плес	3	—	—	—	—	—	3	35,0
Всего	9	6	3	1	2	1	22	881,6

[1]) В книге „Деньги“ гр. В. А. Дмитриева—Мамонова и З. Евзлина (серия „Банковское дело“, под ред. проф. М. И. Боголепова) говорится (стр. 71), что „среднее сословие с трудом освоилось с кредитом, нехотя оно обращалось к нему. Вплоть до половины или третьей четверти XVIII в., даже в таких центрах, как Лондон и Гамбург, господствует всеобщее убеждение, что солидный торгово-промышленный деятель должен вести свои обороты только на собственный капитал, а не на капитал, взятый в кредит“. Интересно отметить, что в конце XVIII в. этот предрассудок уже, как видно хотя бы из „Дела № 1872“, среди Костр. полотн, ф-нтов несуществовал. По г. Костроме лишь у одного Григ. Углечанинова показано, что весь обращающийся капитал—собственный; более того: как это видно из сведений, доставленных в Костр. Град. Думу в 1799 г. (См. Арх. б. Город. Управы, дело по ген. описи № 1009) имен гражд. Петром Григ. Углечаниновым, ф-ка его была заведена предками его в 1751 г. „на собственный свой капитал“. На всех остальных полотн. ф-х Костромы и Плеса помимо собственного капитала в обращении был и кредиторский капитал. В отношении ф-к Кинешмы и Нерехты не указано, был ли оборотный капитал собственный только или также и кредиторский.

[2]) Для ф-к г. Костромы показаны цифры капитала употреблявшегося до 1800 г. Отсутствуют данные по ф-ке Прок. и Харл. Талановых в Кинешме. Вообще из „Дела № 1872“ об этой ф-ке известно только, что она существует в производстве с 1752 г., следов., является одной из наиболее старинных, „но сколько к обращению при оной назначается капитала и в каком количестве вырабатываемые полотна отвозятся для продажи к СПБ-ургскому порту, да и насколько по цене—из означенных купцов Харлампий Таланов за отлучкою большего своего брата в СПБурге якобы по неоставлению от него ему по предмету сему документов, вовсем отозвался незнанием“. Мы видим т. обр., что и 120 л. тому назад „деловые люди“ умели отделываться от дачи статистич. сведений.

Всего на 21 полотн. ф-ке было назначено к обращению собственного и кредиторского капитала в круглых цифрах до 900 тыс. р., в среднем на одно предприятие 42 тыс. р. (41981 р.). Из этой же таблички видно, что наиболее крупными ф-ками по величине оборотных капиталов были Костромские. Самой крупной среди них была ф-ка купца 1-й гильдии Алексея Петровича Дурыгина с братьями—обор. капитал не менее 134 т. р., затем имен. купца Григ. Дм. Углечанинова с сыном (120 т. р.), имен. купца Вас. Ив. Стригалева (от 60 до 100 т. р.), 1-й гильдии купца Бор. Ив. Стригалева (65-70 т. р.), 1-й гильдии купца Вас. Сем. Ашастина (не менее 65 т. р.) и т. д. Из некостромских ф-к самой крупною была Кинешемская ф-ка Дм. Таланова (70 т. р.).

По роду производства полотн. ф-ки были ткацкими, а не ткацко-прядильными заведениями[1]). Сырым материалом для них являлся не лен, а льняная пряжа, к-рая не вырабатывалась на ф-х, а покупалась на стороне. Из вспомогательных материалов для производства употреблялись зола (для беления пряжи), дрова (в качестве топлива) и пр. Все эти материалы были российского происхождения, иностранных же сырых материалов не употреблялось.

По данным „Дела № 1872“ можно определить, какое количество льняной пряжи покупалось полотняными ф-нтами ежегодно для нужд своих ф-к. В Костроме в общем всеми 14 ф-нтами покупалось пряжи на 575 тыс. р., в Плесе на 47850 р. По Кинешме пряжа показана в пудах, а по Нерехте количество ее не проставлено вовсе. Для Плесских ф-к имеются параллельные показания в пудах и рублях: в год покупалось льняной пряжи до 4550 пудов на 47850 р., следов., пуд пряжи обходился в 10 р. 52 к. Вероятно, по такой же цене покупалась пряжа и в других небольших городках, Нерехте, Кинешме. В Костроме же цена на пряжу стояла выше, т. к. здесь потреблялось и покупалось ее больше, нежели в малых город-

---

[1]) При этих же ф-к существовали, надо полагать, и белилки. В Кинешме, по „Экон. примеч.“, белильня полотн. ф-ки Кинеш. купца и ф-нта Григ. Ив. Таланова помещалось в особом здании и значится от ф-ки отдельно.

ках. В 1798 г. Григ. и Петром Углечаниновыми было куплено 10395 пудов пряжи ценою 11 р. 50 к. пуд[1]).

Принимая за основание последнюю цифру, получим что всего покупалось пряжи для ф-к г. Костромы 50 тыс. пудов на 575 тыс. р., Кинешемские ф-нты (без Прок. и Харл. Талановых) покупали пряжи в год 9500 пудов (на 99940 р.). А всего Костр., Кинешемские и Плесские ф-нты вместе покупали пряжи ок. 64050 пудов на 722,790 р. По отношению к назначенному оборотному капиталу (к 869,600 р.—без Нерехты) затрата на покупку пряжи составляла 83%. Считая, что в такой же пропорции затрачивался капитал на покупку пряжи и в Нерехте, имеем 9960 р. или, исходя из цены пуда 10 р. 52 к., 947 пудов. Полагая далее, что и на ф-ке Пр. и Харл. Талановых ежегодно покупалось пряжи столько же в среднем, сколько и на каждой из других Кинешемских ф-к, т. е. 3167 пудов (на 33317 р.), получим, что на 22 полотн. ф-х Костромы, Кинешмы, Плеса и Нерехты в конце XVIII—начале XIX ст. ежегодно покупалось льняной пряжи 68164 пуда (кругло около 70 тыс. пудов) на сумму 766,067 р. (кругло 766 т. р.).

Считая, что при ручном прядении из пуда льна выходит $^{1}/_{2}$ пуда пряжи[2]) получим, что на удовлетворение потребности полотн. ф-к в льне сырце ежегодно требовалось до 140 тыс. пудов льна. Для сравнения отметим, что позднее, в конце 50-х гг. XIX ст., общее потребление льна льно-ткацкими и льно-прядильными ф-ками Костр. губ. определялось в 300 тыс. пудов льна[3]), т. е. в конце XVIII в. потреблялось льна для фабричных нужд примерно вдвое меньше, чем в 50-х гг. 19 ст.

Как видно из „Дела № 1872“, пряжа для ф-к закупалась в городах по месту нахождения ф-к, у разных торгующих ею людей, и в окружных селениях. Кроме того для ф-к г. Костромы пряжа привозилась из Ярославской и Вологодской губ. Для Кинешемских ф-к пряжа закупалась „на разных, Кинешемской и Юрьевецкой округ., торжках, да и в са-

---

1) См. Ведомость, поданную в 1788 г. во 2-ю часть Городнических Дел г. Костромы Костр. имен. гражд. Григ. Дм. и его сыном Петром Григ. Углечаниновыми, о том, „какое количество в покупке пряжи и сколько выделывается полотен и по каким ценам“. Ведомость эта хран. в арх. б Костр. Губ. Уч. Арх. Ком.

2) По свед. В. Барыкова („Льняная крест. промышленность Костр губ., стр. 41), крепостному прядильщику выдавалось $1^{1}/_{2}$ ф. льна, из к-рого он должен был представить тальку пряжи весом от $^{1}/_{2}$ до $^{3}/_{4}$ ф. В среднем это составит около $^{1}/_{2}$ ф. пряжи с 1 ф. волокна.

3) Дюбюк Евг. Основные черты и т. д., стр. 103.

мых сих городах, а по недостатку в покупке количества оной привозится из Ростовской ярманки"[1]).

В отличие от крестьянской домашней промышленности, вырабатывавшей в то время исключительно холст, т. е. простую толстую льняную ткань 7-11 вершков ширины, на полотняных ф-х выделывались такие сорта более плотных, тонких и широких (16-24 вершков) льняных тканей, как фламское полотно, равендук и каламенок. Фламское полотно различалось двух родов: беленое или гвардейское и полубеленое или армейское[2]). Равендук—полотно, употреблявшееся для мелких парусов, но легче и тоньше обыкновенного парусного полотна; в торговле различали два его сорта: лучший и обыкновенный. Наконец, каламенок представлял собою гладкую, беленую или суровую ткань, похожую на демикатон и употреблявшуюся на одежду.

По данным „Дела № 1872" на ф-х г. Костромы вырабатывались след. сорта изделий: 1) фламское „ординарное" шириною в $1^1/_2$ арш., 2) фламское широкое—шириною в 45 дюймов (следов., $25^5/_7$ вершка), 3) равендук „ординарный", шириною в 1 аршин, 4) равендук шириною в 36 дюймов ($20^4/_7$ вершка), 5) равендук шириною в 32 дюйма ($18^2/_7$ вершка) и 6) каламенок. На ф-ке Красильникова вырабатывалось фламское полотно в 26 вершков (очевидно, это тоже, что и „широкое" фламское в 45 дюймов); длина куска этого полотна по показ. этой же ф-ки—57 арш. На Плесских ф-х вырабатывалось

---

[1]) Требовавшаяся для беления пряжи зола закупалась по свед. „Дела № 1872" ежегодно для Костр. ф-к приблизительно на 64020 р., в Плесе—до 460 четвертей на 2385 р. (следов., по 5 р. 18 к. четверть), в Кинешме на 3 ф-х—до 800 четвертей. Для Нерехты и одной ф-ке в Кинешме соотвествующих показаний нет, но, исчисляя по тому же способу, что и в отношении пряжи, получим общее количество золы, закупавшееся ежегодно на Костр. ф-ки 12359 четвертей на 64020 р., на Плеские 460 чт. на 2385 р., на Кинешемские 1067 чт. на 5527 р. и на Нерехотские 185 чт. на 960 р., итого 14071 чт. на 72892 р. Доставлялась зола в Кострому на судах по р. Волге из губ. Казанской и Вятской и покупалась у разных торговцев. В числе губерний, откуда доставлялась зола, указана также Оренбургская. Диев в рукоп. „Истории г. Нерехты" (стр. 88—89), опираясь на статистич. о Нерехте сведения 1769 г., доставленные по требованию частной комиссии о городах депутатом Третьяковым, сообщает, что для ф-ки СПБург. купца директора Михайла Грязновского—Лапшина и директора Михайла Большого Пастухова зола получалась в Московском уезде, в провинции Шацкей и Алатырской.

[2]) Из „Табели мундерных, амуничных и оружейных вещей" видно, что флам. полотно на холстной подкладке шло нижним чинам на летние штаны (см. Указы Сената 1800 г., арх. Костр. Каз. пал., л. 466).

фламское ординарное мерою по 50 арш. кусок и равендук ординарный также по 50 арш. в куске, Судя по продажным ценам, и на Нерехтских и Кинешемских ф-х вырабатывались те же сорта фламского и равендука, что и в Плесе. Из уже цитированной ведомости 1798 г., представленной Углечаниновыми во 2-ю часть Городнических Дел, видно, что каламенок вырабатывался шириною в 1 арш., причем в куске считалось по 68 арш., а в равендуке всех трех сортов—по 50 арш. в куске.

Сводя вместе все эти данные, можно установить, что вообще на ф-х Костр. края вырабатывались след. сорта.

Название сорта.	Ширина в вершках	Число арш. в куске.
1. Фламское ординарное .	24	50
2 „ широкое . .	$25^5/_7$	57
3. Равендук ординарный .	16	50
4. „	$18^2/_7$	50
5. „	$20^4/_7$	50
6. Каламенок	16	68[1])

Годичная выработка названных тканей, по данным того же „Дела № 1872“, определялась в след. цифрах:

Выработано кусков полотна:

	Фламского		Равендука			Каламенка	Всего
	в 24 в.	$25^5/_7$	16	$18^2/_7$	$20^1/_7$	16	[2])
Кострома	12798	2893	42322	2013	1890	3996	65912
Плес	2200	—	2450	—	—	—	4650
Кинешма (3 ф-ки)	?	—	?	—	—	?	10500
Нерехта	?	—	?	—	—	—	900
Всего .	14998	2893	44772	2013	1890	3996	81962

В общей сложности всего вырабатывалось разных сортов тканей на 22 ф-х (считая на ф-ку Прок. и Харл. Талановых в среднем 3500 кусков)—85462 куска или кругло 85 тыс. кусков.

В общем заметно сильное преобладание в выработке ординарных сортов равендука (в 1 арш.) и фламского (в $1^1/_2$ арш.). Распределяя выработку Кинешемских и Нерехтских ф-к

---

[1]) По данным „Дела № 1872“ получается не 68, а 70 аршин, п. ч. цена куска ф-нту $24^1/_2$ р., а цена 1 арш.—35 коп.; отсюда в куске 70 арш.

[2]) Переводя в аршины, получим, что по г. Костроме вырабатывалось в год 804.801 арш. фламского, 2 311.250 арш. равендука и 271.548 арш. каламенки.

между сортами пропорционально соотношению существующему для Костр. ф-к, получим выработку разных сортов ежегодно в кусках: фламского в $1\frac{1}{2}$ арш.—18276 кусков, в $25\frac{5}{7}$ в.—2893, равендука в 16 в.—55500, в $18\frac{2}{7}$ в.—2013, в $20\frac{4}{7}$—1890, каламенка в 1 арш. 4890, всего 85462. Выработка равендука ординарного ($55\frac{1}{2}$ тыс. кусков) и фламского ординарного (свыше 18 тыс. кусков) составляла 86% всей выработки.

Из того же „Дела № 1872" можно извлечь данные о себестоимости тканей (по показаниям ф-нтов). По этим сведениям ф-нтам г Костромы обходился кусок: фламского ординарного в 20—$23\frac{3}{4}$ р., широкого 25—$30\frac{1}{2}$ р., равендука ординарного 13—15 р, в 32 дюйма—$15\frac{1}{4}$—17 р, в 36 дюймов—$17\frac{1}{2}$—19 р, каламенка 21 р, 70 к.—$24\frac{1}{2}$ р. (за аршин 34—35 коп,) [1]).

Помножая цены на количество выработки каждого сорта, имеем (для ф-к г. Костромы):

			в ср. 1 к.	1 ар.	1 кв. ар.
Флам. орд.	12797 к.	291740 р.	22 р. 80 к.	45,6 к.	30,40 к.
„ широк	2893 „	84803 р	29 р. 31	51,42	31,99
Равенд орд.	42292 „	587284 р.	13 р. 89	27,78	27,78
„ в 32 д	2013 „	33706 р.	16 р. 74	33,48	29,30
„ в 36 д.	1890 „	35010 р.	18 р. 52	37,04	28,80
Каламенка	3996 „	97046 р	24 р 29	35,72	35,72

Т. обр., себестоимость кв. арш. колебалась от 28 до 36 коп., смотря по сорту.

В Плесе кусок фламского ордин. обошелся в 18 р., в Кинешме в 20 р., Нерехте 22 р., т. е. дешевле, чем в Костроме; равендук ордин. в Нерехте 14 р., в Кинешме 15 р., т. е. дороже, чем в Костроме; в Плесе равендук орд. 12 р. (дешевле Костромы) и в Кинешме каламенка 21 р. (дешевле Костромы)

В „Деле № 1872" имеются и продажные цены на полотно, причем некоторые, ф-нты показывали цены 1800 г., а другие по трехлетней сложности, т. е. очевидно 1798—1800 г. [2]).

[1]) Цены в „Деле № 1872" показаны со ткаческою работою по 3-х летней сложности (ф-ки Григ. Углеч., Бор. Ив. Стригалева). Отметим кстати, что по Нерехте и Кинешме себе стоимость флам. и равендука показана выше продажных цен, а каламенки равная продажной цене.

[1]) Сравнивая цены 1800 г. и трехлетия 1798—1800 гг., не трудно заметить, что первые ниже. Так и должно быть, ибо вообще 1800—801 г. был годом кризиса. М. пр., в ответах по г. Костроме на вопрос, сколько к обращению капитала назначено?—обычно отмечается, что „во обращении капитал употребляется каждогодно неодинаковой" и показывается цыфра капитала до 1800 г., причем по целому ряду ф-к (за исключ. ф-к Григ. Углеч. и Красильникова) указывается, что „в 1800 и 1801 гг. по случаю не получения доныне за проданные иностранным купцам мануф. товары денег, равно ж и за непродажею оставшего при порте товара производство изделий при ф-ке его довольно уменьшено". Из аналогичной пометки к данным по ф-ке имен. купца Вас. Ив. Стригалева видно, что иностранные купцы—это „англинские".

Сводя вместе эти данные и принимая в расчет количество выработки, мы получим следующие средние продажные цены по фабрикам г. Костромы:

	Число кусков, к к-рым относятся цены.	Сумма руб.	Цена 1 куска.	Количество.
Флам. ордин.	12127	284774	23 р. 48	20—25 р.
„ в 45 д.	2863	87523½	30 р. 57	30—33
Равенд в 1 ар.	42322	605961¼	14 р. 29	13—15
„ в 36 д.	1890	37245	19 р. 71	18—20½
„ в 32 д.	2013	35449½	17 р. 61	16½—18
Каламенок .	3996	100767³/₁₀	25 р. 22	22⁴/₅25½ р.
Тоже за 1 арш.				35—37 к.

Кинешемские ф-нты продавали: фламское по 17 р., равендук—12½ р. и каламенок—21 р., нерехотские: фламское—по 18 р., равендук—по 12¾ р.

Как велик был годичный отпуск этих товаров? По данным „Дела № 1872", с Плесских ф-к отпускалось товаров в год на 69250 р., с трех ф-к г. Кинешмы—на 145000 р. (а с четвертой, если считать, что выработка ее равнялась средней выработке остальных трех ф-к—48333 р.), с Нерехтских ф-к на 13050 р. Для Костромы можно привести более детальные сведения:

Фламское орд. . . .	12798	кусков	по 23 р. 48	на 300,497 р. 04 к.
„ в 45 д. .	2893	„	„ 30 р. 57	„ 88439 р. 01 к.
Равендук орд. . . .	42322	„	14 р. 29	„ 604.781 р. 38 к.
в 36 д. .	1890	„	19 р. 71	„ 37251 р. 90 к.
в 32 д. .	2013	„	17 р. 61	„ 35448 р. 93 к.
Каламенок	3996	„	25 р. 22	„ 100779 р. 12 к.
				Итого на 1167197 р. 38 к.

А всего по ф-м Костр. края около 1.442.830 р. 38 к. Следов., в круглых цифрах годичный отпуск тканей можно выразить суммой около 1½ милл. рублей.

Для того, чтобы судить, насколько быстро в течение последней четверти XVIII в. развилась полотняная промышленность в Костромском крае, будет нелишне сопоставить приведенные данные со сведениями, находимыми у Чулкова и относимыми к 1773 г.[1]). Сведения эти следующие:

---

[1]) См. М. Чулков. Историч. описание Росс. Коммерции, т. VI, кн. III М. 1786. „Ведомость, сколько в ведомстве госуд. м-р коллегии находится ф-к и кто содержатели оных имянно, российские и иностранные, в к-рых городах и уездах оные производятся и сколько в год на всякой ф-ке выделывается товаров". Ведомость эта составлена на основании показаний содержателей ф-к. См. стр. 624—626, 628.

Сделано в 1773 г. товаров;[1])

Ф-ки.	Фламского полотна. Сделано на сумму руб.	Цена куска.	Сделано кусков.	Равендука. Сделано на сумму.	Цена куска.	Сделано кусков.	Каламеночных полотен. Сделано на сумму.	Цена куска.	Цена 1 арш. (коп.)	Сделано кусков.
в Костроме.										
1. Козьмы и Петра Углечаниновых.	35523	6р50и7р25	5171	25251	4р60и5р25	5132	33750	—	$10\frac{1}{2}$ и $11\frac{1}{2}$	4383
2. Семена и Алексея Ашастиных.	23452	6р.50	3608	37757	4р.60	8208	35078	6р.30	—	5568
3. Дм. Волкова.	1391	6р15и6р25	224	13716	4р.35	3153	14942	—	$10\frac{1}{2}$ 11	1986
4. Ив. Стригалева	18200	7р.	2600	10700	5р.	2140	14980	7р.	—	2140
5. Тимоф. Пыпина	2095	6р50и7р.	310	3325	4р50и5р.	700	1400	-	11	182
при г. Нерехт.										
6. Мих. Меньшого Пастухова .	5070	6р50	780	15636	4р90	3191	12928	6р50	—	1985
в г. Кинешме										
7. Семена Таланова с братьями.	18221	6р и 6р60	2891	22315	4р и 4р50[2])	5251	11005	6р и 6р60		1747
Итого . . .	103952		15584	128700		27775	124083			17991
Тоже в переводе на аршины.			779200ар			1388750				1259370

Т. обр., в 1773 в общей сложности на всех полотняных ф-х Костр. края вырабатывалось разного полотна свыше 60 тыс. кусков (до $3\frac{1}{2}$ милл. аршин.) на сумму свыше 350 тыс. руб. А в 1800-1801 г.г., как мы видели, вырабатывалось в год в круглых цифрах 85 тыс. кусков на сумму около $1\frac{1}{2}$ милл. руб. Следов, за последнюю четверть XVIII в. производство полотна по ценности учетверилось, а по количеству возрасло на 23%[3]) Наряду с этим можно отметить изменение в составе выработки. В 1773 г. выработка в % к общему числу кусков составляла: фламское – 25%, равендук—45% и каламенка—

---

[1]) Цифры выработки в кусках вычислены нами, исходя из цены куска: в куске принималесь для фламского и равендука 50 арш. для каламенки—70 арш.

[2]) 4 р. цена ткани в 500 ниток, 4 р. 50—в 550 ниток.

[3]) Мы не твердо уверены, что ценность выработки за 1773 и 1800—01 гг. выражена в одной и той же денежной единице, на серебро или на ассигнации. Напомним, что в конце XVIII в. курс ассигнаций уже весьма сильно упал. Поэтому правильнее судить о росте производства не по возрастанию ценности, а по увеличению количества выработки.

30%,, а в 1800-1801 г.г. соответствующие показатели равнялись: 25%—69%—6%. Т. обр., относительно пр-во фламского осталось в прежней цифре, пр-во равендука сильно возрасло, а каламеночных полотен наоборот упало.

Подведем теперь некоторые итоги. Из всего изложенного до сих пор вытекает, что к концу XVIII, началу XIX ст. в Костромском крае имелось около 25 полотняных ф-к (не считая Писцовских), на к-рых работало до $4^1/_2$ тысяч ткацких станков (в 1809 г.). потреблявших ежегодно около 70 тыс. пудов льняной пряжи на сумму до 766 тыс. руб., и вырабатывавших около 85 тыс. кусков разного рода плотных широких тканей на сумму до $1^1/_2$ милл. руб. Цифры эти во всяком случае свидетельствуют о значительном развитии полотн. прсизводства.

Нужно сказать, что как раз в этот период полотняное производство было в цветущем состоянии, находилось в зените своего развития. По словам уже не однажды цитированного „Описания Костр. нам-ва, составл. в 1792 г.“[1]), из ф-к в наместничестве *наибольшим процветанием пользовались полотняные ф-ки*. Слава о них шла далеко за пределы края. Крживоблоцкий[2]) говорит, что находившиеся в то время в губернии полотняные ф-ки, „были известны целой России, и имена Угличаниновых, Дурыгиных, Волковых и Колодкиных были хорошо знакомы не только Москве и Петербургу, но и заграницей“[3]).

Цветущее состояние полотняной фабричной промышленности в конце XVIII в. не могло, разумеется, неотразиться известным образом и на строе тогдашней городской жизни, на его внешнем облике, на его внутреннем укладе. Полотняные ф-нты, городское купечество и мещанство, торговавшие пряжей, богатеют на этом деле, умножая старые, создавая новые состояния и капиталы. Промышленная и торговая жизнь начинает бить ключем, внося струю оживления в захолустье глубокой провинции, каким была Кострома и ее уездные города. Повидимому, этот период был временем наивысшего рас-

[1]) Костр. Губ. Вед. 1859 г. № 22.

[2]) Указ. Соч., стр. 322.

[3]) „Пам. кн. Костр. губ. на 1862 г.“ в числе владельцев полотн. ф-к, пользовавшихся в то время „широкой известностью во всей России“, кроме уже называвшихся Угличанинова, Волкова, Дурыгина, Стригалева, Ашастина и Колодкина называет, (стр. 365) также Ознобихина, Солодовникова и Пыпина.

цвета полотняной промышленности, ставшей „золотым дном“ для фабрикантов и торговцев. Именно в этот период, в конце XVIII и начале XIX ст., по свидельству Васькова (Костр. Губ. Вед. 1872 г., № 25), „многие купеческие дома в Нерехте начали богатеть от выгодной торговли пряжей и холстами“; „это они-то—добавляет историк Нерехотского края - во время своего благоденствия обстроили Нерехту каменными домами“[1]).

И в Костроме в период расцвета полотняной промышленности наступает своего рода „каменный век“, появляются каменные здания. Мы уже отмечали выше, что целый ряд новых полотняных фабрик помещался в каменных зданиях. Связь каменного строительства с фабричною эрою подчеркивает и Л. Скворцов в своих „Материалах для истории города Костромы“ (часть I. Кострома 1913 г.) „Благодаря развитию фабричной промышленности—говорит он (стр. 190)—город стал принимать более благоустроеный вид. За это время были построены пять каменных приходских церквей, каменный дом для присутственных мест (дом нынешней думы), соляной магазин (на этом месте в настоящее время находится дом губернских присутственных мест) и каменные дома купцов *Углечанинова, Стригалева, Волкова, Ашастина, Пыпина,* Соколова, Бородавкина и Панова“[2]). Подчеркнутые фамилии принадлежат Костромским полотняным ф-нтам.

---

[1]) О том же свидетельствует и Диев в его рукописной „Истории г. Нерехты“ (стр. 137): „В конце XVIII и начале XIX в. многие дома в Нерехте разбогатели от хорошего сбыта пряжи для полотняных заводов и холста для армии, отчего в Нерехте с 1812 по 1820 год еще построилось каменных домов 21 двухэтажных и 10 одноэтажных, кроме большого числа каменных палаток“.

[2]) Скворцов, очевидно, пользовался рукописным „Летописцем, веденным Костр. Успенского Собора протоиереем Иаковым Арсеньевичем Арсеньевым“. Летописец этот доведен Арсеньевым до 1843 г. и ныне хранится в Костр. Центр. Научной Б-ке. „До пожара, бывшего в 1779 г.—говорится в этом „Летописце“ (л. 13 об. и л. 14)—были каменные дома Углечанинова, Стригалева, Волкова, Ашастина, Пыпина, довольно значительные и теперь существующие, да три дома: Соколова, Панова, Бородавкина, малые и сломаные, да дом близь Богоотцевской церкви, теперь Песошенским подворьем занимаемый. А из казенного строения казенная палата, где ныне дума и магистрат, да соляной магазин, где ныне присутственные места устроены по разобрании оного“.

II.

Общие условия возникновения и роста крупной полотняной промышленности в Центральном промышленном районе.—Развитие льноводства и вывоз заграницу льна и льняных изделий.—Роль Костромы в этом экспорте—Рынок внутренний и рынок заморский.—Торговая организация по вывозу льняных изделий.—Кто были первые полотняные ф-нты —Работа полотняных ф-к на заграничный рынок.—Отличие крупной полотняной промышленности от крестьянской льняной промышленности —Полотняные ф-ки, как одна из мер к насаждению полотняной промышленности.—Связь полотняной ф-ки с крест. льняной промышленностью.—Скупка ф-нтами крестьянской пряжи в Костроме в 1790-х годах.

Втечении второй половины XVIII в. полотняное фабричное производство в Костромском крае, как мы видели выше, непрерывно развивается, и в конце XVIII—начале XIX ст. промышленность эта находится в цветущем состоянии. Но, устанавливая самый факт этого развития и цветущего состояния, мы не касались пока тех условий, к-рые способствовали этому развитию. Теперь необходимо на этих условиях остановиться и попытаться дать ответы на далеко не праздные вопросы: Откуда все это взялось? В чем источник этого развития? Где нашла полотняная промышленность необходимые для ее возникновения и существования рессурсы, капиталы и сырье, рабочие руки и рынки сбыта, техническую и коммерческую организацию? И почему, наконец, именно в форме крупного, а не мелкого производства возникает эта промышленность? На все эти вопрсcы необходимо дать ответы.

Еще сравнительно в недавнее время был широко распространен взгляд на нашу фабричную промышленность вообще и на текстильную в частности, как на нечто искуственное, как на плод искусственных мероприятий Петровского времени. Для такого взгляда имелись известные основания. Действительно, ф-ки, в т. ч. и полотняные, возникают в эпоху, непосредственно следовавшую за Петровской. Несомнено также, что усиленное покровительство, оказывавшееся Петром фабричной промышленности, в частности установление тарифом 1724 г. высокой пошлины на иностранные товары (в 50—75% ценности на такие товары, как скатерти, салфетки, полотно и парусина) дало сильный толчек развитию крупной промышленности. Но вместе с тем было бы ошибкой думать, что развитие полотняной крупной промышленности и ее блестящее

состояние в конце XVIII в. явились плодом одних искусственных правительственных мероприятий. Туган-Барановский в своей работе, посвященной „Русской ф-ке“, прекрасно выяснил всю естественность процесса нарождения крупного фабричного производства в Петровское и после—Петровское время.

Базисом, на к-ром оно выросло, были: с одной стороны, крестьянское домашнее ткачество, с другой—торговый капитал.

Необходимо подчеркнуть прежде всего, что Костромской край, развивший полотняную промышленность, не представлял собою какого-либо исключения. В середине XVIII в. полотняная фабричная промышленность существовала не в одной только Костромской провинции, но и в целом ряде других. Так, по данным цитированного нами уже ранее первого тома „Топографич. Известий“, включающего в себя сведения по провинциям: Московской, Переславль-Залесской, Володимерской, Суздальской, Юрьев-Польской, Переславль-Рязанской, Калужской, Тульской, Ярославской, Костромской, Новгородской, Псковской, и Великолуцкой, всего в названных провинциях, не считая г. Москвы, по к-рой в „Известиях“ вообще отсутствуют данные о ф-х, значилось в 1760—1766 гг.—9 парусных, 23 полотняных и 6 парусных полотняных ф-к.

По отдельным провинциям ф-ки эти распределялись так. обр:

Провинции.	Число фабрик.			
	Парусных.	Полотняных.	Парусн. полотн.	Всего.
Московская	5	—	5	10
Переславль-Залеская	—	4	—	4
Владимирская	—	1	—	1
Суздальская	—	3	—	3
Юрьев-Польская	—	1	—	1
Переславль-Рязанская	—	—	1	1
Калужская	2	3	—	5
Тульская	1	1	—	2
Ярославская	1	3	—	4
Костромская	—	6	—	6
Новгородская	—	—	—	—
Псковская	—	1	—	1
Великолуцская	—	—	—	—
Итого	9	23	6	38

В названных 13 провинциях Костромская провинция по числу полотняных ф-к занимала одно из первых мест, на ее долю приходилось почти $^1/_6$ часть общего числа бывших в то время парусных и полотняных ф-к.

В 1773 году из 26 полотняных ф-к, числившихся в ведомстве Госуд. М-р-коллегии, 7 ф-к, т. е, почти $^1/_4$ часть всех ф-к, находилась в Костроме, Кинешме и Нерехте[1]),

Но не это только хотим мы отметить. Нам важно подчеркнуть, что и в других провинциях, особенно в тех. к-рые позднее вошли в состав Владимирской губ. (Переславль-Залесская, Володимирская, Суздальская, Юрьев-Польская), а также в Ярославской, Московской, Калужской и Рязанской, т. е. в Центральном Промышленном районе полотняная промышленность в форме ф-к развивалась также достаточно широко. Другими словами, мы сталкиваемся здесь с явлением, присущим не одной только Костр. губ., но характерным и для целого обширного района, с явлением, если угодно, областного значения. А раз это так—значит, были какие-то общие условия, к-рые не только в Костр. губ. но и в целой области одновременно вызвали к жизни фабричное полотняное производство и, вызвав к жизни, способствовали его развитию. В свете этого положения история Костромской фабричной полотняной промышленности приобретает более общее, выводяшее ее за пределы одних лишь местных интересов, значение. Прослеживая эволюцию Костромской полотняной фабричной промышленности, мы до известной степени прослеживаем судьбы и всей областной фабричной полотняной промышленности, поскольку, разумеется, эти судьбы были связаны с общим условиями развития этой промышленности,

Возделывание и обработка льна исстари была домашним крестьянским промыслом. Не заходя слишком глубоко в прошлое, можно отметить, что с XVI-XVII вв. производство льна непрерывно расширяется в северной части Московско Суздальской области, особенно в Ярославском уезде. Отсюда оно перешло в Вологодский уезд, а в конце XVII в. „посевы льна с промышленною целью замечаются и в Костр. области“[2]).

[1]) См. М. Чулков. Историч. описание Российской комерции т. VI, кн. III. М.,. Ведомость о ф-к ведомства Госуд. м-р. коллегии.

[2]) А. А. Рыбников. Очерки развития крестьянского промышленного льноводства нечерноземной полосы России. Сб-к стат. свед. по Костр. губ. вып. 3-й Оц. Ст. отд. Костр. Губ. Зем. Управы. Изд. Костр. Губ. Зем. 1912. стр. 2.

Первоначально обработка льна служила целям натурального хозяйства, но затем крестьянские льняные изделия (гл. обр., грубые холсты) становятся рыночным продуктом, играющим крупную роль не только во внутренней торговле, но и в торговле вывозной, заграницу. Рыбников в уже цитированной работе, используя данные Аристова, Костомарова, Рожкова и др. говорит (стр. 4), что в древней Руси, по свидетельству многочисленных указаний, „лен в изделиях и сырьем появлялся на рынке. Через Балтийское море отправлялся лен в Зап. Европу; шли далеко на Восток наши льняные ткани, достигая Индии. Местами, особенно выделявшимися по производству и торговле льном в древней Руси, были Новгородская и Псковская области. Довольно значительную роль играл лен и во внутренней торговле в XIII и XIV вв. Указанные области являлись поставщиками этого продукта и его изделий в Суздальской и Тверской области. С XVI и XVII вв. производство и меновой оборот льна все больше расширялся в северной части Моск.-Сузд. области, особенно в Ярославском у. Центром вывозной торговли этого края становится Вологда, в уезде к-рой также оказывается уже в то время значительное льноводство",

Т. обр., развитие льноводства стояло в тесной связи с развитием менового оборота.

В XVIII в. на сторону сбывались не только излишки против потребностей крестьянской семьи, но, повидимому, и большая часть производства. Туган-Барановский указывает, что „этот старинный крестьянский промысел достиг значительного развития еще в Московской Руси и что уже в XVII ст. русский холст в большом количестве вывозился заграницу"[1]), О размерах этого вывоза заграницу можно судить по тому, что, по словам Кильбургера, иногда за море из России отпускалось свыше 30.0000 аршин холста в год[2]).

---

[1]) Русская ф-ка в прошлом и настоящем, т. I. СПБ 1898 г. стр. 67.

[2]) См. Сб-к студ. ист. этн. кружка при ун. св. Влад. под рук. проф. Д. Запольского. Вып. VI. Б. Т. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царств. Алексея Мих-ча. Киев. 1915 г. стр. 101. Курц, снабдивший Кильбургера примечаниями, по поводу приведенной цифры говорит (см. стр. 217): „30.000 аршин"—это ошибка или скорее опечатка, п. ч. Кильбургер, следуя за Родесом, должен был поставить цифру 300.000, т. к. у Родеса показано, что в один год вывезено из Архангельска 325.980 арш. полотна". Отметим кстати, что вывозились заграницу только грубые сорта тканей; наоборот, тонкие полотна тогда привозились в Россию из—заграницы. См. Рыбников, стр. 5; также Курц, стр. 274—275.

В этом экспорте льняных изделий заграницу крупное участие принимала и Костромская губ. По свидетельству рижского купца Де-Родеса,, составившего в XVII в. для Шведского пр-ства отчет о промышленности и торговле России, большая часть парусины и разного холста, отправлявшихся через Архангельск в Голландию, шла из *Костромы*, Ярославля и Вологды“ [1]).

В связи с этим вывозом льняных изделий заграницу и обширной торговлей ими внутри государства домашние крестьянские промыслы по переработке льна получают значительное развитие. „Промыслами по переработке льна—говорит Рыбников (стр. 5)-уже в допетровское время известны были местности, где сейчас лежат Ярославская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Вологодская, Архангельская и Олонецкая губ.“, при чем в этой полосе России „особенно тогда выделились на западе—Каргопольский и Валдайский уу., а на востоке—Шуйский, Суздальский и Вязниковский уу. В последнем восточном районе уже в то время пользовались известностью сс. Иваново и Лысково своими полотнами и с. Тейково“. Тоже наблюдалось и в районе юго-зап. части Костр. губ.

В XVIII в. вывоз русских льняных изделий заграницу продолжал развиваться. Наряду с этим внутри государства спрос на льняные изделия достигал в это время уже настолько значительного развития, что на этой почве между заграничным и внутренним рынками возникала даже конкуренция. Соловьев [2]), используя журналы Сената, м. пр., пишет, что „с 1743 по 1745 становили подрядом на войска рубашечный холст по 26 р. 90 к., для нижнего платья—по 22 р. 90 к., подкладочный—по 18 р. 90 к., крашенину—по 23 р. 90 к. за тысячу аршин, но в 1746 г. по публикациям подрядчики не явились, *отпускать за море было выгоднее*; в 1746 и 1747 гг. холста разных сортов было привезено в П-бург 1.901.007 аршин: москвичами 108.050 арш., переяславцами 347.500, ростовцами 618.750, ярославцами 82.029, угличанами—94 552, костромичами—523.927, суздальцами—20.100, вологжанами—45.799, из пригородка Плеса—35.250, кашинцем—23050, торопчанами 2000. Эти купцы требовали с казны по 48 р. за тысячу аршин. Тогда товары их были остановлены. Купцы по-

---

[1]) Крживоблоцкий, 322

[2]) История России с древн. времен. Изд. Общ. пользы, кн. V, стр. 393—394 Курсив далее в выдержке наш.

дали прошение, чтоб завезенный ими к петербургскому порту в заморский отпуск холст позволено им было теперь продать в заморский отпуск, п. ч. главный комиссариат дает им цену малую, а потом пусть правительство запретит привоз холста ко всем гаваням из внутренних городов для лучшего удовольствования армии; тогда холсты подешевеют, и купцы употребят капиталы свои в другие торги и промыслы. Но Сенат отказал в пропуске за море холста, пока вся армия им не удовольствуется".

Из приведенного видно, как обширен в то время был рынок сбыта для льняных изделий—в них нуждалась армия, они находили себе выгодный сбыть за морем. Вместе с тем любопытно отметить, какую видную роль в этом сбыте изделий играла Костромская провинция Из Костромы и Плеса в ПБург было привезено 559.177 арш. холста или 28% общего привоза —только ростовцы привезли большее количество холста.

Насколько наряду с внутренным потреблением был в XVIII в. развит вывоз русских льняных изделий заграницу и насколько в них последняя нуждалась, об этом имеется красноречивое свидетельство. Проф. Е. В. Тарле в одной из своих статей указывает, что „в 1774 году в заседании английской палаты общин было засвидетельствовано, что без русского полотна, ввозимаго в Англию, бедные классы английского народа обойтись не могут и что сырые материалы, получаемые из России „существенно необходимы для английского флота и английской торговли" [1]).

В этой необходимости русских льняных изделий для заграницы, в частности для такого емкого рынка, каким была Англия, и кроется об'яснение сильного развития еще с 17 века и даже ранее русского вывоза заграницу продуктов переработки льна.

---

[1]) Проф. Е. В. Тарле. Указ. статья, стр. 128. Вывозился холст из России и в другие страны. Тарле указывает, что в 1785 г. парусного холста из России во Францию было ввезено 98.000 ливров—из 6.412.339 ливров русского ввоза во Францию, т. е. около $1^1/_2$%. Наряду с этим из Франции в Россию в том же году было ввезено полотна на 5600 ливров (стр. 132—133). Т. обр., вывозились грубые изделия, ввозились более тонкие. Тоже наблюдалось и в XVII в. Бочкарев (в сб-ке „Три века России от смуты до нашего времени", т II, в статье „Экон. быт России в XVII в., стр, 261) указывает, что „несмотря на широкое распространение ткацкого промысла в Россию XVII в. в большом количестве привозили голландские полотна".

В связи с этим вывозом у нас создась еще с 17 века, а, м. б., и раньше, особая торговая организация по вывозу — кадры особых скупщиков льняных изделий. На бесчисленных сельских и городских торжках и ярмарках многочисленные мелкие скупщики скупали холст и полотно; переходя из рук в руки, изделия эти собирались в большие партии и уже через крупных торговцев—купцов отправлялись за море.

Наличность таких мелких скупщиков, представляющих собою как бы основные ячейки широкой и частой сети по сбору льняных изделий, может быть установлена документально. Из „Дозорной книги по городу Костроме 1664 и 1665 годов"[1]) видно, что некоторые посадские люди занимались скупкой и перекупкой холста—такой промысел отмечен в 9 дворах. Очевидно, холст скупался по округе на сельских торжках, базарах и ярмарках.—М. пр., скупкой холста занимался выходец из Углича—Петрушка Углечанинов, б. м., родоначальник известной впоследствие (в XVIII в,), полотняной фабрикантской фамилии. [2]).

В XVIII в скупка льняных изделий, вероятно, еще более развилась. Сильное развитие заграничного вывоза крестьянских льняных изделий отмечается, м. пр., в наказах жителей Костромы в Екатерининскую комиссию по составлению уложения, указывавших, что кр-не большими партиями скупают по деревням холст и отправляют его для продажи в портовые города. [3]).

Мы видим, т. обр., и в Костр. губ. зарождению крупной промышленности предшествовала деятельная циркуляция в сфере обращения. Не будь этой предварительной циркуляции и. как результата ее, накопления крупных торговых состояний, все меры покровительства были бы бессильны. Для полотняных ф-к, как видели мы выше, требовались значительные капиталы. Спрашивается, откуда они взялись? Чрезвычайно характерная черта бросается в глаза при рассмотрении состава полотняных ф-нтов XVIII в: дворяне среди них также редки, как и белые вороны. Из Костромских ф-нтов того вре-

---

[2]) Хран. в Музее Местного Края.

[1]) Нелишнее указать, что среди посадских значилось и такие промышленники ,как холщевники (6 чел.), холщевничишко (1), прядильщики (3). бельевщики (6), колотильщики (9), крашенинный колотильщик (1); некоторые торговали холстом. Все эти промыслы связаны с обработкой льна.

[2]) Туган-Барановский, 38.

мени один только Воронцов, владеделец ф-ки в Апалихе, был дворянином; все остальные, все эти Углечаниновы, Стригалевы, Волковы, Дурыгины, и т. д.—весь цвет фабрикантского класса и все рядовые ф-нты в полотняной промышленности, все они сплошь вышли из рядов городского купечества. Не деревня и не дворяне, а город и городское купечество создали в XVIII в. крупную полотняную промышленность. Позднее, в XVIII в., некоторые из ф-нтов (Углечаниновы, Стригалевы) выбились в дворянство, но это было уже в известном смысле результатом их деятельности в качестве полотняных ф-нтов. В XVII в. деды и прадеды будущих ф-нтов еще пребывали в составе тяглого посадского населения, занимаясь разными промыслами, в т. ч. и торговлей. Просматривая упомянутую выше дозорную книгу 1664—1665 гг., мы встречаем там среди посадских фамилии Ознобихиных, Дурыгиных, Пыпиных, Углечаниновых. Мы отмечали уже, что один из Углечаниновых скупал холсты; один из Пыпиных был мясником и т. д. [1]) В этой мелкой промышленности и торговле (скупка холста, мясничество и т. п.) посадского населения XVII в. скрываются корни тех крупных купеческих состояний, которые, будучи приумножены в первой половине XVIII в., со второй его половины начали закладываться уже в крупное производства—пошли на организацию полотняных ф-к. Тоже наблюдалось в Кинешме и Плёсе. Ф-нты этих городов также вышли из рядов купечества. Равным образом и Нерехтские ф-нты: Пастухов, Лапшин, Суворов и Брюханов вышли из рядов купечества [2]). Лишь позднее, уже

---

[1]) Дед основателя одной из крупнейших Костр. полотн. ф-к, Ивана Тимофеевича Стригалева, в 1665 г., как это видно из подлинной купчей, писался посадским человеком Костр. посада Петром Трифоновым сыном стригальщиком, т. е. очевидно, был ремесленником, занятым в овчинно-шубном промысле (стрижка руна). В исследовании Н. Д. Чечулина: „Города Московского государства в XVI в.“ среди городских ремесленников зарегистрированы (стр. 339), м. пр., „овчинные стригали“. Упоминаемая здесь купчая 1665 г. принадлежит к серии Стригалевских документов (купчих) из архива б. Костр. Дух. Семинарии. Считаю необходимым принести искреннюю благодарность Ф. А. Рязановскому, указавшему мне на существование этой серии.

[2]) Из их числа Суворов, как указывает Диев (г. Нерехта в XVIII в. и в первой четверти XIX в., стр. 71), по происхождению был попович—сын Благовещенского попа Федора, вписался в Нерехотское купечество в 1740-х годах. В отличие от других Суворовых (фамилии известного полководца), вотчина к-рых была в том же Нерехотском уезде, Суворовы, вышедшие из духовного звания, так и назывались Поповыми.

в 19 веке, наряду с купечеством (и крестьянством), и дворянство принимается устраивать полотняные фабрички, но это уже по существу другая эпоха, а в XVIII в. в качестве организаторов крупно-полотняного производства выступают почти исключительно купцы. Это и понятно—у них были не только капиталы, но также и известная предприимчивость, знание рынка, организаторские навыки. как результат длительного участия в торговой и промышленной деятельности из поколения в поколение.

Отмечая связь фабрикантского класса, зародившегося в XVIII в. в городах Костр. края, с мелкой промышленностью и торговлей, производившимися посадским населением в XVII в., мы не утверждаем, что только в мелко-промышленной и торговой деятельности создавались крупные купеческие состояния, запоженные во второй половине XVIII в. в крупное производство. Весьма вероятно, что создавались эти состояния не одной торговлей, но также и ссудными операциями, участием в разного рода откупах, спекуляцией земельной городской собственностью и проч. В архиве Писцовской в-ны, напр., можно найти указания, что посадский человек г. Костромы Федор Угличанинов (очевидно, один из родственников будущего основателя первой Костр. полотняной ф-ки) в 30-х годах XVIII ст. ссужал деньгами под проценты титулованного владельца Писцовской в-ны, князя Долгорукова. Затем можно установить, что некоторые из полотняных ф-нтов были весьма крупными земле—и—домовладельцами по г. Костроме в конце XVIII в. (напр. Углечаниновы, Стригалевы, Дурыгины и проч.). Ниже в приложении к настоящему очерку мы приводим некоторые сведения о фабрикантском землевладении по г. Костроме, извлеченные нами из межевой книги и из планов г. Костромы. Несомненно, что во многих случаях земельные владения фабрикантов создавались путем длительного процесса скупки земель из поколения в поколение, как свидетельствует об этом уже упоминавшаяся серия Стригалевских купчих, начинающаяся с 1665 года. Извлечения из этой серии также помещены в приложении.

Вместе с тем надлежит отметить, что не дало полотняной промышленности ф-нтов также и крестьянство[1]). В этом

---

[1]) Разве лишь за единичными исключениями, к числу к-рых надо отнести купца 3-й гильдии Федора Алексеева Красильникова, в 1800 г. основавшего в Костроме полотн. ф-ку и незадолго до того вышедшего из экономич. кр-н села Никольского, что за Волгою против Костромы; в реестре торгующих кр-н этой слободы 1791 г. значится еще, в числе других, и кр-нин Федор Красильников, занимавшийся покупкой пряжи и хлебного

отношении — отсутствием среди ф-нтов выходцев из крестьянства — полотняная крупная промышленность XVIII в. характерно отличается от бумаго-ткацкой промышленности XIX в. Последняя была создана, гл. обр., инициативой зажиточного крестьянства, нередко еще невышедшего из крепостного состояния. [1]) Лишь некоторые из мелких писцовских фабрикантиков походят в этом отношении на зачинателей хлопчато-бумажной промышленности, но о них будет речь особо [2]).

Итак, перед нами налицо два несомненных факта крупного значения: сильный вывоз заграницу в XVII и XVIII ст. крестьянских льняных изделий и возникновение в XVIII в. полотняных ф-к.

Наряду с этим очень важно отметить также, что почти вся полотняная фабричная промышленность Костр. края без исключения работала не на внутренний, а на внешний заграничный рынок, т. е. на тот же рынок, куда сбывались и крестьянские изделия. Так, по сведениям, сообщенным ф-нтами Дурыгиными [3]), все вырабатывавшиеся полотняные изделия отправлялись к Петербургскому порту, и там же производился торг с иностранцами: „торговля с иностранцами товару производится у С.-Петерб. порту, а на месте продажи товарам не бывает". Из „Дела № 1872" видно также, что товары, вы-

разного товару (см. арх. Костр. Гор. Управы, дело по генер. описи № 247, 1791 г.) 28 марта 1793 г. Федор Красильников с братом Иваном просили Костр. Гор. Магистрат о приписке их по имеемому капиталу 1010 р. в Костр. купечество. 15 апр. Костр. Город. Общая Дума постановила, что Красильникова с семейством их в здешнее купечество принять согласна (см. Дело № 504 по сообщ. из Костр. Город. магистрата, о записывающемся из экон. кр-н в здешнее купечество Федора Красильникова с братом Иваном. Началось 7 апр. 1793, хран. в арх. б. Костр. Гор. Управы). М. пр., этот Красильников до устройства полотн. фабрички имел масляный завод; 17 янв. 1800 г, он показал: „завожу... вместо уничтоженного мною масляного моего заводу вновь полотняные ткацкие 20 станов опше с братом моим Иваном Алексеевым на собственный наш капитал" для выработки фламских полотен и равендуку (см. арх. Гор. Управы, по ген. описи № 1009.—1799 г.)

[1]) См. Дюбюк Евг. Основные черты и т. д., стр. 77.

[2]) О промышленности села Писцова нами подготовляется к печати отдельный очерк.

[3]) См. арх. Гор. Управы, по ген. описи № 1009. „Дело по предложению его пр-ства г-на Костр. гражд. губ-ра Николая Ив-ча о доставлении против написанных в оном предложении 10 пунктов относительно происходимой в здешнем городе торговли обстоятельного сведения. Началось 1799 г., окт. 8-го.

рабатывавшиеся на других полотняных ф-х Костромы, Нерехты, Плеса и Кинешмы расходу на месте в городах и ярмарках не имели, а отвозились к Петерб. порту—водою и сухопутно [1]).

Известен точно и самый путь, каким следовали товары из Костромы к названному порту. В уже цитированном деле № 1009 в сведениях, доставленных 18 янв. 1800 г. в Костр. Градскую Думу Костр. именитым гражданином Петром Григорьевым Углечаниновым, указывается что „отпускаются оные (товары) к Санкт-Петербургскому порту водяною комуникациею от Костромы до Твери рекою Волгою, а от Твери до Торжка и Волочка рекою Тверцою, а с Волочка водяною же комуникациею по рекам Цне и Мсте до Великого Новагорода, а от Новагорода по р. Волхову до города, завомого Старая Ладога, а с Ладоги большим каналом до Шлисельбурга, а из оного Невою в СПБург, сухопутно; чрез города Ярославль, Углич, Тифин (Тихвин) и чрез Новую Ладогу. Т. обр., водный путь шел по Вышневолоцкой системе. Тем же путем отправлялись изделия и с других полотняных ф-к г. Костромы [2]). Стоимость доставки по показанию ф-нтов (в том же деле) равнялась с пуда: сухопутной летним временем 1 р. 20—1 р. 25 (иногда 1 р.), зимняя 70—80 к., а водным путем—50 к. (показ. Петра Углечанинова), 60—70 к. (показ. Ознобихина), 75—80 к. (показ. Пыпиных и Степ. Углечанинова).

Продажа полотна в ПБурге на бирже производилась либо самими ф-нтами—чрез свои руки, без всяких комиссий (так делали Плесские ф-нты, Дурыгин; точно также Нерехтская

---

[1]) „Сии вырабатываемые полотна—говорится, м. пр., о Плесских ф-х—отпускаются для продажи в СПБург. в том самом количестве, сколько их выделывается, с получением при продаже оных прибыли не свыше 10% от рубля".

[2]) Кроме описанной водной комуникации ф-нты Пыпины показали еще такой водный путь: „Волгою и рекою Тифенкою, из оной в реку Часть, из Части Ладожским озером из озера, в р. Болхов (Волхов), из Болхова каналом до Шлюшина, а от Шлюшина Невою в СПБург" т. е. в направлении Тихвинской системы.

Воспользуемся случаем подчеркнуть важную роль водных систем, в частности Вышневолоцкой, в деле развития мануфактурной промышленности в районе Верхнего Поволжья. Вообще развитие крупного производства и проведение каналов идут рука об руку. Так было, напр., в Англии, в эпоху нарождения крупной промышленности. И у нас проведение водных каналов в сильной степени содействовало под'ему фабричной промышленности, особенно полотняной. Крживоблоцкой указывает (стр. 322), что „значение Костр. губ. в промышленном отношении еще более возвысилось с того времени, когда Петр Великий начал связывать каналами центр России с Балтийским морем".

ф-ка отпускала изделия „на собственный содержателя Брюханова счет чрез наемных им извощиков"), либо, что случалось чаще, чрез посредство особых комиссионеров (Кинешемские ф-нты, б. ч. Костромских), причем товары на комиссию препоручались, как сообщали ф-нты, российским а не чужестранным комиссионерам [1]). Продавалось полотно при Петербургском порте иностранным купцам, каковыми в громадном большинстве случаев были купцы „англинские" [2]).

О крупных размерах этой заграничной торговли, производившейся, как сказано, „по большой части с англинскими купцами", свидетельствует цифра вывоза, приводимая в уже цитированном „Описании Костр. нам-ва" 1792 г. По сведениям этого источника, ценность годичного вывоза из губернии фламских полотен, каламенки и равендуков, отправлявшихся по Волге к Петербургскому порту, превышала 500 тыс. руб.

Из всего сказанного выше определенно вырисовывается выдающаяся роль, выпавшая на долю полотняной фабричной промышленности XVIII в.; в лице ее мы имеем перед собой интересный обращик крупной промышленности, возникшей в малопромышленной еще стране и работавшей исключительно на заграничный вывоз. В этом была сила полотняной промышленности, сила, п. ч. она могла в своем развитии опереться на такую широкую базу, как заграничный рынок; но в этом же была, как увидим впоследствие, и ее слабость.

Но если и крестьянская льняная промышленность, как видели мы это раньше, и фабричная полотняная промышленность, как это установили мы сейчас, одинаково работали на заграничный рынок, то как об'яснить все же возникновение

---

[1]) М. пр., в „Деле № 1872" указано, что ф-ка Григ. Углечанинова производила продажу полотна через прикащика принадлежавшей ему же Ярославской полотняной м-ры Мелентия Федорова Сыворцова. Последний являлся комиссионером также и для ф-ки Вас. Ив. Стригалева. Для ф-к Ив. Дм. Волкова и Дм. Ив. Солодовникова комиссионером был С.-Петерб. купец Яков Родионов Киселев, для ф-к Як. Ильина Ашастина, Алексея Мих. Колоткина, Степ. Углечанинова, Ильи Дм. Волкова и Красильникова—СПетерб. купец Вас. Матв. Рыбников, для ф-к Вас. Сем. Ашастина, Бор. Ив. Стригалева, Пыпиных и Ознобихина—Костр. купец 3-й гильдий Гаврило Андреев Свешников. Т. обр., комиссионная продажа Костр. фабричного полотна была сосредоточена в руках нескольких комиссионеров.

[2]) В отдельных случаях можно установить точно фамилии английских купцов, с к-рыми имели дела Костр. полотн. ф-нты. 19 июня 1783 г., напр., Костр. купец и ф-нт Ив. Дм. Волков просил Костр. каз. палату о выдаче ему под вексель 2 тыс. руб. госуд. ассигн. да медною монетою 2-же тысячи, к-рые заплатит в ПБурге англинский купец Вилиам Глен (Журн. Костр. каз. пал. 1783 г. л. 470).

полотняной ф-ки? Не проще ли было продолжать скупку и вывоз заграницу крестьянских изделий, как это практиковалось, напр., в XVII в.? Ведь для этого не нужно было устраивать особые льноперерабатывающие ф-ки, не надо было завязывать в эти ф-ки значительные капиталы. Если заграница требовала массового производства льняных тканей, то разве нельзя было организовать в соответственно расширенном размере закупку готовых крестьянских изделий и отправку их заграницу? Казалось, так было бы проще, для этого не требовалось бы столько хлопот по сооружению и ведению фабрик.

Чтобы понять, почему именно потребовалась вместо простого расширения крестьянского производства льняных изделий организация специальных ф-к, надо иметь в виду прежде всего, что крупная льняная промышленность XVIII и начала XIX в. существенно отличалась от исстари существовавшей крестьянской обработки льна. Это отличие заключалось в том, что крупною промышленностью вырабатывались более тонкие сорта полотен (гл. обр., фламское полотно и равендук), тогда как предметом крестьянской промышленности была выработка грубого холста. В этом отличии и кроется об'яснение, почему в конце концов потребовалась организация особых полотняных ф-к—втечение XVIII в. постепенно происходит изменение во вкусах заграничного, гл. обр., английского потребителя; этот потребитель становится требовательнее, его уже не удовлетворяют грубые редкие и узкие русские холсты крестьянского изделия, он требует теперь более плотных, тонких и широких льняных тканей, т. е' таких тканей, каких русская крестьянская промышленность еще не приготовляла, да и не умела приготовлять[1]).

Известна настойчивость, с к-рой Петр старался насадить ткачество широких полотен, заставить кр-н ткать льняные ткани широкого образца. Еще в 1715 г. (имянным

[1]) Частью это изменение во вкусах связано с развивающимся употреблениям белья. Кулишер (Лекции по истории экономич. быта Западной Европы, изд. 5-е 1918 г. стр. 244) отмечает, что „лишь постепенно, втечение XVI—XVII ст., входит в употребление обычай спать в рубашках". Еше в конце XVIII ст. парижские чиновники, музыканты и художники носили бархатные одежды, покупали сукна и кружева, но белья почти не покупали; употребление носовых платков также не было в употреблении. Однако постепенно белье входит в употребление, и полотна предпочтительно перед грубыми холстами получают растущее распространение.

указом Прав. Сенату от 21 октября) было повелено „всего Российского государства в городах и в уездах льняные и пеньковые, тонкие и толстые всяких рук и цен полотны делать широкие против европейских государств, какие за великие цены в Российское государство вывозят, а именно $1^1/_2$ арш. и с четвертью в аршин, а уже того вновь отнюдь не делать, для того что во всех Европ. государствах делают полотна широкие, отчего промыслами и работами широких полотен от больших цен имеют многое народное пополнение, понеже тем широким полотнам великие расходы состоят паче других товаров; а в Российском государстве от таких неудачных узких полотен, к-рые самыми малыми за неугодностью ценами продаются, не только прибыток, но и своих издержаных вещей не получают и оттого во излишние скудости приходят“[1]).

Приведя это распоряжение, Соловьев говорит, что „в 1718 г. дан был указ о свободной торговле холстами всех рук, какие у кого есть и о пропуске их в заморский торг, но в том же году *резидент Веселовский писал из Лондона: „говорили мне здешние купцы, что в России делаются полотна трех разных рук, только все узки, и за этою узкостью худо продаются.“* В 1720 г. директором полотняной ф-ки был назначен иноземец Томес, к-рый должен был призывать к себе в компанию из купечества; компания должна была умножить свое производство (полотен, скатертей салфеток и тиков) по возможности до 500 станов, причем *произведения ф-ки должны были равняться с заморскими*“. В том же году г-рь указал: холст, хрящь толстый заграницу отпускать невозбранно, а таких полотен узких не отпускать, делать широкие по прежним указам“[2]),

[1]) Цитир. по Чулкову. Историч. опис. Росс. Коммерции, т. VI, кн. III. М. 1786 г., стр. 162. Этим же указом „для исправления“ к широким полотнам инструментов: широких берд и других, давался 12-ти месячный срок. За ослушание грозила кара: „в противном же случае (т. е. если кто будет продолжат ткать узкие полотна) отбирать полотны на г-ря, а кто известит о том, тому отдано будет безденежно, да штрафу с каждого аршина по гривне доносителю“.

[2]) Соловьев. История России с древн. времен, кн. IV, стр. 168—169. Ссылки на Полн. Собр. Зак. №№ 3163, 3543 и 3677. Курсив наш.

Т. обр., мероприятия Петра вытекали из знания положения вещей на заморских рынках, но, разумеется, одними запрещениями тут делу помочь было нельзя [1]). Нужны были другие, более целесообразные, положительные меры. Прежде, чем требовать от населения производства широких и плотных тканей, надо было сначала научить его этому новому производству, или организуя для того учебные мастерские или же устраивая особые ф-ки, где производство шло бы под руководством опытных иностранных мастеров. Последним путем и пошло насаждение широко полотняного ткачества.

Оставляя в стороне начальную историю этого насаждения, как протекавшую вне пределов Костр. края [2]) отметим только что по соседству с Костр. краем, в Ярославль, развитие полотн. пр-ва в к-ром должно было известным образом влиять на возникновение того же пр-ва в Костроме, уже в 1710 г. были присланы правительством пять пленных шведских мастеров для обучения русских мастеров производству широких полотен, для чего на казенном ружейном дворе были поставлены ткацкие станы. В 1722 г. это здание было отведено для первой полотняной ф-ки в Ярославле, открытой купцом гостинной сотни Затрапезным в компании с англичанином Тамесом[3]). Интересно отметить, что в конце XVIII в. помещавшаяся здесь полотн. ф-ка была продана Костр. купцу Угле-

---

[1]) Палка о двух концах. Запрещение производства узких тканей било больно по армии, грозило оставить ее без холста. „Еще со времен Петра Вел.—говорит Соловьев (кн. V, стр. 334—335)—шел для русской промышленности вопрос о выделке широких или узких холстов; по господствовавшему тогда повсюду правилу старались выпускать заграницу как можно более уже выделанных товаров, и т. к. заграницу требовались широкие холсты, то запрещалось выделывать узкие, но чрез такое запрещение производство останавливалось, п. ч. кр-нам трудно было вдруг перейти от одного способа выделки к другому, и холста не доставало для удовлетворения внутренних потребностей. Главный коммисариат представлял, что ежегодно требуется большое количество холста для войска и холст этот обыкновенно покупался не с ф-к, а у кр-н., и т. к. выделка узкого холста запрещена, то и небольшого количества холста достать негде, и в полках может последовать большой недостаток. Вследствии этого представления разрешено выделывать широкие и узкие всяких рук полотна и холст", (Журн. Сената 12 марта и 18 июля (1846 ?).

[2]) Еще в XVII в. в Москве „дворцовые хамовники, т. е. ткачи, в количестве нескольких сот человек заняты были производством полотна, и организация государева хамовного двора напоминает собою большую м-ру, но все это лишь слабые попытки завести ф-ки и заводы более или менее крупного масштаба" (Рус. история в очерках и статьях под ред. Довнар-Запольского. Статья „Торг. и пром.", стр. 319, т. III.

[3]) Борщевский, стр. 58 и 59.

чанинову, устроившему здесь еще и шелковую ф-ку[1]). Весьма вероятно, что непосредственно из Ярославля, с первой полотняной ф-ки Затрапезного, и было занесено в Кострому искусство ткать широкие полотна, но прямых данных по этому вопросу у нас не имеется[2]).

---

[1]) Указание, что у имен. Костр. гражд. Углечанинова, помимо Костр. полотн. ф-ки, одной из, может-быть, самых крупных в Костроме, имелись (в 1799 г.) в Ярославле полотняная и шелковая ф-ки, имеются в „Топографич. описании Яросл. губ. Н. Аксакова (рук. в б-ке Е. И. Якушкина). См, И. Барщевский, стр. 60—61. Там отмечено, что на Ярославских ф-х Углечанинова было занято около 1000 р-х. Т. обр., Углечанинов был очень крупным капиталистом. Вообще не лишне отметить, что полотн. ф-нты нередко имели предприятия и торговые дела по другим специальностям. Напр., у купца 2-й гильдии Федора Матвеича Ознобихина был заведенный им же кожевенный завод в г. Костроме, для нужд к-рого он скупал по 4000 кож в год (арх. Гор. Управы, по ген. описи № 1009. Дело по предлож. Костр. гражд. губ-ра о доставлении.... относительно происходимой в здешнем городе торговли обстоятельного сведения. Началось 1799 г. окт. 8-го). У Костр. купца Козьмы Угличанинова имелась в Костроме в Суровском ряду лавка (Журн. Костр каз. п. 1783 г. л. 316). Из указов 1783 г. (см. арх. Каз. пал., указы за этот год, стр. 230,. 232) видно, что купцы Стригалевы и Угличаниновы занимались поставкой соли. Имеется, м. пр., сенатское дело „по рапортам Костр. каз. п. о учинении его по силе указов сената с соляными поставщиками Углечаниновым и Стригалевым 4-х—летнего контракта о поставке в тамошнюю губернию соли, слушано 27 февр. 1800“, из к-рого видно, что в 1786 г. был заключен контракт с Костр. имен. гр. Петром и Григ. Углечаниновыми и 1-й гильдии купцами Григ. и Вас. Стригалевыми на 4 года на поставку для окружных магазейнов казенной Елтонской соли. В описи, учиненной по силе присланного ее имп. велич. из Костр. преосвящ. Дамаскина епископа Костр. и Галицкой дух. консистории в Нерехоцкое дух. пр-ие. указу Троицкому Сыпанову м-рю святым церквам и в них святым иконам, ризнице и протчей церковной утвари, монастырскому каменному и деревянному строению и всякому имуществу, что у игумена Антония в руках имелось“ (см. арх. б. Костр. Уч. Арх. ком.) м. пр., значится контракт, заключенный 18 мая 1760 г. игуменом Митрофаном с нерехотским купцом Вас. Петровым Суворовым об отдаче ему в оброк монастырской водяной мельницы впредь на 10 л.; 3 февр. 1763 г. Суворов переуступил м-цу Нерехоцкой полотн. ф-ке содержателю Ивану Петрову Пастухову, и этого же числа игумен Антоний заключил с ним контракт. Словом, полотн. ф-нты не брезговали вкладывать свои капиталы в разного рода другие предприятия.

[2]) Отметим кстати, что ф-нт Затрапезный бывал в Костр. губ. М. пр., гащивал у помещика Нащокина в имении его под Костромой в селе Шишкине. В рукописных записках Нащокина, хран. в архиве Костр. Научн. Об-ва, м. пр., имеется такая любопытная запись под 1747 годам: „февраля 23 дня в село мое Шишкино приехал епископ Костромской и Галецкой Силивестр; оной родом малоросиць от фамилии Куляпко; с ним архимандрит Костромского Богоявленского м-ря Феодосий, притом Костр. воевода Александр

Полотняные ф-ки XVIII в. были, это надо подчеркнуть, исключительно ткацкими заведениями, работавшими на готовой пряже, покупавшейся на стороне. Все ф-ки г. Костромы и других городов Костр. края работали, как это видно из дела № 1009 (арх. Губ. пр-ия, 1799), из покупной пряжи, причем пряжа на ф-ки обычно покупалась у окрестных кр-н[1]). Привозилась пряжа и со стороны, из других уездов, напр., из Нерехотского уезда[2]).

Нередко пряжа на полотняные ф-ки доставалась с большим трудом и с больших расстояний[3]). И вообще в пределах

Иванов сын Кайсаров с секретарем, прозванием Сербин, города Ярославля полотняной ф-ки содержатель Иван Затрапезный и другие купечества, а Костромского магистрату президент Степан Белой с протчими; и оного числа обедали и за столом, когда поздравления ради за государское здоровье пили, при том не малое число брошено шлагов; итак, оной день в весельи препровожден, а к вечеру на огородах и в других пристойных местах зажжены были фонари, а среди двора высокою перемидою поставлены были с смолою бочки и к вечеру зажжены, и не однажды метали шлаги".

[1]) М. пр., из „дела Костр. нижн. зем. суда, по регистру № 2582, по об'явлению экономич. с. Самети кр. Ив. Степанова об отбитии у него на дороге пряжи 10 ф." и т. д. (началось 21 янв. 1787 г.) видно, что 20 янв. 1787 г. Степанов, поехав в Кострому, „для продажи взял собственной своей суровой пряжи 10 ф., к-рая по меньшей цене стоила рубль" (л. 1ый). В деле упоминается Костр. купец и полотн. ф-ки содержатель Вас. Сем. Ашастин (л. 3-й).—Варилась пряжа в особых „варницах", показанных в из'яснении плана г. Костромы (предположительно 1784 г. хран. в арх. Костр. Гор. Управы за № 3а-I): „варницы пряжи к полотн. ф-кам"

[2]) Подтверждение этому находим в том, что в Нерехтском словесном суде в 1783 г. находилось в производстве дело о взыскании с Нерехтского купца Вас. Федор. сына Суворова должных здешнему (Нерехтскому) купцу Григорию Голубину за покупную у него, Голубина, на счет хозяина его Суворова купца Михаила Пастухова Опалишенскую ф-ку пряжу по дву распискам,—516 р. 10 к. (см. арх. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком. 8 документов XVIII в., поступивших от Полетаева, док. № 3)—Под „Опалишенской" ф-кой, повидимому, разумеется полотняная ф-ка, бывшая в с-це Апалихе. Название это встречено нами также в Сенатском деле № 1227 „о расчетах между купцами Дурыгиными по полотн. ф-ке" (поступило 31 авг. 1828 г.). В этом деле (на стр. 7), м. пр., упоминается „Опалишенская ф-ка". отошедшая к другим содержателям.

[3]) М. б., не лишне будет отметить, что имелись полотняные ф-ки у Лугинина—владельца крупнейшей Ветлужской лесной вотчины с конца XVIII в. Сведения об этом мы почерпнули из Сенатского дела № 1278: „Записка г. Фриеза о деле его по опеке над имением покойного Лугинина 1813 г." О ф-х этих в „Записке Фриеза" (без даты, но, видимо, около 1813 г.) сказано так:" часть оного (имения умершего в 1811 г. во Франции капитана Лугинина) состоит в знатных полотняных ф-х, кои от небрежения управляющих ныне приведены в бездействие и оттого более

Костромского края скупка льняной пряжи была развита весьма широко [1])

Достаточно красочную картину из торгово-промышленной жизни Костромы 1790-х гг., картину, непосредственно связанную с интересующей нас темой и изображающую, как производился торг пряжей, находим в одном из дел архива Костр. Гор. Управы [2]).

Как мы уже указывали, для своих ф-к ф-нты нуждались в больших количествах пряжи. Скупая эту пряжу, ф-нты и их доверенные сплошь и рядом нарушали архаические узаконения, регулировавшие торговлю в городе и его окрестностях [3]), причем нарушения эти, очевидно, столь существенно затраги-

---

1500 работников скитается почти полгода без пропитания." Как видно это из названного дела, ф-ка эта находилась при с. Алексине Алексинского у. Тульской губ. Чрезвычайно любопытно отметить, что на эту Алексинскую ф-ку льняная пряжа доставлялась из Ветлужской в-ны Лугинина: „Со времени покупки в 1790 г. у князя Репнина в-ны их покойным господином Лугининым – показывали кр-не—платимо было до 2-й половины 1807 г. с каждой мужеска пола ревизской душ оброку по 10 р. в год и кроме того с 1798 г. доставлялось с души по $1/2$ ф. меду; с женского ж полу для имеющейся у него, Лугинина, Тульской губ. Алексинского у. при с. Алексине полотняной ф-ки, и поныне (1813 г.) существующей, *льняной талечной пряжи по 1 ф. с души*. В августе 1807 г. приехавший в в-ну арендатор имения иностранной службы капитан-поручик Буржуа с помощником Казакевичем положил взносить оброку вместо прежде платимых 10 по 20 р. с души в год, прибавя к тому еще на женский пол по 1 ф. талечной пряжи с тем, чтоб то и другое доставлять вотчине в состоящую при полотняной ф-ке контору." Далее говорится, что, как со второй 1807 г. половины, равно и по отдаче имения г-ном их 1808 г. в арендное содержание положенный оброк по 20 р. с мужеска и по $1/2$ ф. меду, а с женска по 2 ф. пряжи доставляли по назначению Буржуа до нынешнего 1813 г. в полотняную фабричную контору" (л. 51-й)

[1]) М. пр., стоит указать, что 8 февр. 1786 г. мирской сход кр-н дворцовой Рыбновской вол. Макар. округа Унженской области постановил построить в с. Ковернине (ныне уездный город) при торжку, где бывали еженедельные торги, особый ряд для купцов, приезжающих из разных мест за покупкой пряжи (см. арх. материал по селу Ковернину, привезенный в Костр. Губархив А. М. Белоруковым).

[2]) По ген. описи № 247: дело по резолюции Костр. общей думы о неторговании пряжею по перекресткам и на улицах, также и за рекою Волгою в Спасской и Никольской Слободах, а о произвождении того торгу на назначенном месте в здешнем городе на Воскресенской площади и о слободах Спасской и прочих. Началось февраля 18 дня 1791 г.

[3]) По узаконениям этим: по городовому положению, в городах мещанским торгом, ремеслом или промыслом могли заниматься только записанные в мещанство, несшие мещанские подати, службы и тягости: „кто в город в мещанство не написан, мещанским промыслом да не промышляет"; по

вали интересы городского мещанства, что в защиту их должна была выступить Костр. городская общая шестигласная дума. В журнале этой думы от 18 февр. 1791 г., м. пр., говорится: „А как не безызвестно сей градской думе, что многие здешние купцы и мещане, минуя учрежденные для покупки привозимой здешней Костр. округи и протчих мест разных чинов людьми суровой пряжи места и самовольно выезжая на санях и приходя по разным улицам здешнего города на перекрестки, даже и по концам больших улиц производят перекупку той пряжи, стараясь только о том, чтобы одному пред другим купить больше и выгоднее, а потому, вместо чаемой ими выгоды, не допустя продавцев до настоящего к покупке и продаже места, чинят не малые передачи и, тем возвышая цену, лишают себя надлежащей прибыли и общего всем настоящим на мануфактуры покупателям удовольствия“ „А сверх сего — говорится в журнале далее—в противность узаконениев в состоящих против здешнего города Костромы за однею только рекою Волгою в экономических Спасской и Никольской слободах кр-не в двудневные в каждой недели в среду и пяток торговые дни той суровой пряжи чинять перекупку и совсем обыкновенному порядку противную часа за три до разсвету

таможенному уставу 1755 г., кр-нам, правда, позволялось „мелочным числом торговать“, но только „в знатных селах и деревнях, состоящих по большим дорогам и не в ближнем от городов расстоянии ради проезжающего народа и их крестьянских необходимых нужд“ и лишь теми товарами, к-рые значились в особом реестре; разрешалось им же покупать товары, к-рые в деревнях не делаются, в городах и на ярмарках из лавок, „а окроме тех товаров другими, также в городах и слободах городских и кои слободы и селы от городов расстоянием не далее 5 верст отнюдь не торговать под конфискованием всех таких неуказных товаров“. В том же таможенном уставе 1755 г. кр-нам позволялось продавать на городских рынках привозимой ими из уездов возами всякий хлеб, живность, рыбу, капусту и прочие всякие с‘естные и мелочные товары, рогатую скотину, також сено, дрова и всякие лесные припасы, но лишь до полудня и по умеренным ценам, покупка же этих продуктов в лавки, а также покупка их перекупщиками, от‘езжая в уезды и на дорогах, в неуказные часы воспрещалась по страхом отобрания у покупателя всего купленного и передачей половины из конфис“ованного на гошпиталь, а другой половины доносителю; „а буде же они (перекупщики) еще того не купили, а учинят помешательство в том торгу купцам, к-рые будут покупать для своих домовых нужд, то таким помешателям чинить на рынках наказание кошками“. Согласно городового положения для торгу назначались места и еженедельные торговые дни и часы, „когда привозить, продавать и покупать удобно что кому потребно“ и „на том месте городовой магистрат велит поднять распущенное знамя и в те часы, пока знамя поднято, запрещается продавать или покупать оптом припасы; со спущением же знамя запрещение таковое снимается“.

дня, расклав почти в самом жиле на дороге великие для света огни, той пряжи у кр-н же покупку имеют и, вместо настоящей кому следует покупки, самовольно чинят не малые передачи и чрез то лишают следующей здешних записанных в посад города мещан прибыли".

Обсудив изложенное и справясь, как водится с законами, дума приказала для разносной покупки и продажи суровой пряжи „назначить место в здешнем городе Костроме на торговой Воскресенской площади, где же для той пряжной покупки и пристойные лавочки состоят, в каждой неделе торговые дни среду и пяток; а как и накануне оных обыкновенно бывают так назыв. подторжьи, часа за 3 или 4 до ночи, то во оные с поднятием распущенного знамя близь означенного места и лавочек не далее 30 саж. покупку и продажу той пряжи производить всем торгующим оною покупателям здешним купцам и мещанам, отнюдь не отважась выходить по прежнему обыкновению на перекрестки, большие и малые улицы, но даже и против домов своих и посторонних". „А буде—добавлялось—хотя еще и покупки производить не будут, но на тех непозволенных для покупки пряжи местах явятся и чрез то учинят сему положению противность и ослушание, то таковых кому следует ловить и приводить в присудственные места для поступления с ними за то по законам, а чтобы впредь никто не отговаривался незнанием нарушать сего законного постановления, к пользе общей относящегося, Костромским купцам и мещанам, торгующим пряжью, об'явить с подписками, о сем Костр. Управе благочиния с прописанием вышеписанного сообщить и притом требовать, дабы оная благоволила по силе таможен. устава 10-й главы 3 пункта надлежащее о вышеписанном смотрение и наблюдение учинить;.... относительно же вышеупоминаемых экономических Спасской и Никольской, что за Волгою, слобод непорядочной и противной закону пользующихся перекупкою пряжи кр-н,— для воспрещения им и уничтожения той покупки в Костр. нижней земский суд сообщить, дабы оной благоволил к прекращению непозволенной законами тем кр-нам покупки пряжи по силе высоч. город положения 178 статьи подать руку помощи и тем кр-нам внушить, к-рые, к торговле приобыкши, составили себе капиталы, что они могут, записавшись здешнего города в посад купечества и мещанства, торг и промысел сей на учиненном месте отправлять с протчими свободно и беспрепятственно".

В этой выдержке сбрисован напряженный торг пряжей. Очевидно, спрос на нее был весьма значителен, если купцы

и мещане, друг перед другом, не останавливаясь перед „немалыми передачами“, стремились приобрести как можно большее количество пряжи, скупая ее и против своих домов, и на перекрестках, и на концах больших улиц (т. е. на выездах из города). На этой скупке и перекупке пряжи наживались, надо думать, большие капиталы, и не только городскими купцами и мещанами, но и экономич. кр-нами заволжских, Спасской и Никольской слобод.

Удалось ли вместить в русло законности торговлю пряжей, мы не знаем. В октябре 1791 г., когда постановление Думы были санкционировано Костр. наместнич. пр-ием от Костр. именитых граждан, купцов всех 3-х гильдий и мещан было отобрана подписка в том, что учиненной в думе резолюции они будут чинить во всем непременное исполнение.... „разновую покупку той пряжи (производить) не иначе, как на обыкновенных торгах и подторжках с поднятием учрежденного от городового магистрата на вышепоказанном месте знамя[1]), а в других разных рядах в лавках той покупки пряжи отнюдь уже не производить, и сначала 1-го часа дня по окончание той покупки и продажи пряжи производить по надлежащему; есть ли же кто, паче чаяния, в вышеозначенных непозволенных местах с покупною пряжею явится и приведен будет в присудственное место, то сверх указного взыскания по освобождении должны заплатить за ослушание к приращению здешних городовых доходов за каждый проступок по 3 рубля, а буде хотя еще и покупки не производил, но на тех непозволенных для покупки пряжи местах явится и чрез то учинит сему положению противность и ослушание, и торгующему обществу

---

[1]) Кстати, любопытно отметить, что, очевидно, лишь после 1792 г. ставились на рынках знамена, т. к. еще в ноябре 1792 г. Костр. город. магистрат извещал Костр. город. думу, что по сообщ. Управы благочиния „таковых знамен ни откуда не получали, на сделаные же их суммы у себя не имеет“. Сообщая об этом, магистрат требовал, „чтоб оная (город. дума) благоволила на назначеные в здешнем городе Костроме по вновь прожектированному плану все площади приказать сделать надлежащие знамя и по сделании оные доставить прямо от себя в Костр. Управу благочиния“. В тот же день (11 ноября 1792 г.) дума велела градскому старосте Федору Рыльцеву из градских доходов сделать приличные два знамя—одно для Екатеринославской хлебной площади и другое—для Павловской площади.

в том помешательство, и тот за оное подвергает себя по рассмотрению градской думы денежному штрафованию“ [1]),

Проведение в жизнь положения Костр. городской думы в экономич. слободах давалось не так-то легко, п. ч. в журнале Костр. гор. шестигласной думы от 5 дек. 1791 г. записано: „по усмотрению сей градской думы гласными в вышеозначенных (Спасской и Никольской) и прочих экономич. слободах[2]) оказались торгующие в лавках хлебными и разными другими товарами, к тому же перекупными дровами и лесом... *приказали*: .. в Костр. нижней земской суд и с приложением тех торгующих именного реестра сообщить и притом требовать, дабы оной благоволил по силе высоч. город. положения 178 статьи подать руку помощи... непозволенную тем экономич. кр-нам при самой близости города производящим торговлю прекратить“.

Доношение это в Земский Суд было послано 10 дек. 1791 г., но ответа оттуда не последовало, вторично с тем же обращается Дума в феврале 1792 г.—очевидно, с тем же успехом. Рука помощи подавалась плохо, п. ч. 10 ноября 1792 г. в журнале Костр. губ. шестигл. думы, м. пр., записано: „но и после время не токмо какого исполнения, но ниже уведомления от оного нижнего зем. суда в сию думу не учинено, а как не безизвестно, что в вышеозначенных слободках те экономич. кр-не разную торговлю производят по прежнему и тем *причиняют здешнему градскому обществу не малое предобиствие*,—того ради приказали: с прописанием всего вышеписанного и с приложением тех торгующих кр-н именного реестра в Костр. наместнич. пр-ие представить донесением и просить дабы оное соблаговолило, кому следует предписать незаконную торговлю вышеписанных вотчин кр-нам в неукоснительном времени прекратить, чтоб здешнее градское об-во не могло понесть наивящей обиды имеющейся, на что и ожидать указного предписания“. Лишь 17 февр. 1793 г. Дума получила наконец от Костр. нижн. зем. суда сообщение, что в слободы Спасскую, Никольскую,

---

[1]) Давая приведенную подписку, подписывавшиеся предусмотрительно оговаривались: „а сверх сего полагаем, как в означенном предписании не упомянуто о покупке той пряжи стаями фабрикантам и протчим торгующим пряжью купцам в домах своих у приезжающих разного звания людей от 5 до 100 пуд. и более, и оные стаи всем желающим из нас покупать во всякое время без всякого запрещения“.

[2]) Из приложенного реестра видно, что под прочими экономич. слободками разумеются Ипатская и Богословская слободы за р. Костромой.

и Богословскую был отправлен заседатель Киленин, к-рый 24 февр. 1792 г. уведомил суд, что он жителям этих слобод „наистрожайше“ подтвердил, чтобы они запрещенным товаром не торговали, „а сверх того ныне отправлен был для такового же выполнения сельский заседатель Жуков, к-рый сего февраля 10 дня рапортовал, что с вышепрописанной де торговле Спасской, Никольской и Богословской слобод кр-нам он закрепил и, чтоб они впредь от сего удерживались, соцким подтвердил“.

В реестре торгующих кр-н Спасской, Никольской, Ипатской и Богословской слобод, посланным в нижний зем. суд 10 дек. 1791 г., значится всего 21 торгующий, причем по Ипатской и Богосл. слободам их было только трое (Федор Алексеев Июдин, торговал разным хлебным товаром, покупал мясо, лес, дрова, и Захар и Илья Колобовы, торговавшие разным хлебным мелочным товаром.) В Никольской и Спасской слободах торгующих было 18 чел, из них 1 (Ив. Яковл. Свиньин) торговал мясным товаром), 5 (Петр Сем. Чекушкин, Ив. Сем. Свешников, Ив. Мих. Шешин, Мих. Федор. Ройков и Федор Красильников) занимались покупкою пряжи и хлебного разного товару, 2 (Ив. Мих. Капустин и Демьян Григорьев Беляшин)—покупкою пряжи и льняного семя и 10 (Вас. Григ. Шешин, Фед. Григ. Шешин, Андрей Ив. Овчинников, Алексей Иван. Овчинников, Григ. Вас. Захаров, Вас. Вас. Капустин, Ив. Купр. Беляшин, Григ. Мих. Свиньин с двумя сыновьями, Федор Мих. Жилкин и Семен Мих. Гвосков)—покупкой пряжи. Т. обр., 17 чел. занимались скупкой пряжи. Такое значительное число скупщиков свидетельствует о развитости льняной торговли.

III.

Разновидности ф-к в: XVIII в.: ф-ки вотчинные, поссесионные и основанные на вольнонаемном труде—Домогательства купечеством права держать крепостных для фабричных работ.—Недостаток вольных р-х.—Число приписных и крепостных р-х на ф-х.—Способы приобретения ф-нтами крепостных р-х.—Данные в этом отношении указа 1786 г.—Приписка вольноотпущенных к ф-ке Углечанинова в 1774 г.—Прошение ф-нта Углечанинова 1806 г. о разрешении ему купить к ф-ке крепостных.—Применение вольнонаемного труда.

Откуда вербовались р-ие для полотняных ф-к? Частью это были крепостные р-ие, частью вольнонаемные.

В XVIII в. существовали две основные разновидности ф-ки: ф-ка вотчинная и ф-ка поссесионная. Владельцами первых были дворяне, работа на этих ф-х производилась трудом крепостных вотчинника. В отличие от вотчинных владельцами поссесионных ф-к могли быть и не дворяне. Контингент р-х этих ф-к составлялся из прикупленных владельцами или приписанных правительством кр-н. Р-ие вотчинной ф-ки были „крепки“ ее владельцу, р-ие поссесионной ф-ки или завода были „крепки“ заведению, в к-ром работали. Существовал, еще третий тип ф-ки—*фабрика, основанная на наемном труде.*

Примером вотчинной ф-ки может служить уже упоминавшаяся полотняная ф-ка в Апалихах. По сведениям Пирогова, „сельцо. это принадлежало одному крупному вотчиннику (графу Воронцову) и было ссыльным поселением, куда свозились из разных его имений кр-не, не платившие оброка для работ на полотняной ф-ке“[1])

Больше сведений о вотчинных полотняных ф-х в XVIII ст. у нас не имеется. Повидимому, помимо Воронцовской ф-ки других ей подобных не существовало. В более позднее время, в первой трети XIX в. возникает в помещичьих усадьбах целый ряд полотняных фабричек, преимущественно небольших размеров—типа мелкой мастерской, но это относится уже по существу к другому периоду.

Наряду с вотчинной ф-кой возникают поссесионные ф-ки. Владельцы их усиленно скупают крепостных для целей фабричного пр-ва. Обезпокоенное этим, Луховское дворянство в своем наказе в Екатерининскую комиссию жалуется, что „ф-нты, кои содержат в разных уездах ф-ки, накупили великие деревни и пользуются, яко сущие дворяне непринадлежащими им преимуществами“[2]).

---

[1]) Материалы для ст-ки Костр. губ. Вып. IV. Изд. Костр. Губ. Ст. К-та. Кострома 1881 г., стр. 227. Статья В. Пирогова Ткацкие светелки под Костромой. Воронцов был очень крупным вотчинником. По „Генер каталогу помещичьим Костр. губ душам по новой 7-й ревизии 1816 г.“, (хран. в арх. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком) у ген. от инф. графа и кавалера Семена Романовича Воронцова в Костр. округе в с-це Опалихе с деревнями была 771 душа; кроме того в других уездах Костр. губ. 117. Впрочем, в это время Апалихская ф-ка уже не действовала.

[2]) Туган-Барановский, 29. Очевидно, наказ Луховских дворян имел в виду ф-нтов не одной Костр. губ., но также и ближайших уездов соседней Влад. губ.—Любопытно, что у кой-кого из предков будущих полотняных ф-нтов еще более, чем за полвека до учреждения полотн. ф-к, имелись крепостные. М. пр., в „Архиве с-ца Зиновьева (акты и письма)“ (Изд. Костр.

Нужно отметить, что вообще приобретению крепостных недворянами ставились всяческие преграды. Указ 1721 г., дававший „купецким людям“ право покупать к ф-кам и заводам населенные деревни „под такой кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно“[1]) —очень скоро подвергается ограничениям. Так, сенатским указом 12 марта 1752 г. в покупке к заводам и ф-кам кр-н была „пропорция положена“, а именно устанавливалось максимальное число кр-н, к-рых разрешалось иметь при каждой недворянской ф-ке[2]). Еще дальше в этом отношении пошел имянной указ 8 авг. 1762 г., запрещавший заводчикам и ф-нтам покупку к фабрикам и заводам деревень с землями и без земель и предписывавший „довольствоваться им вольными наемными по пашпортам за договорную плату людьми“[3]).

Но, очевидно, жизнь умела обходить преграды, п. ч. понадобился особый по Костр. нам-ву указ Сената (от 13 марта 1786 г.) о том, чтобы „за тамошним купечеством при ф-х мастеровых и работных людей оставить при их ф-х и заводах только тех, кои куплены или по выписям от присудственных мест отданы до состояния именного 1762 августа 8 числа указа, а коих купили они им по выписям от присудственных мест из числа вольных людей получили после состояния...

Уч. Арх. Ком. СПБ. 1913 г., стр. 11) напечатана поступная костромитина посадского ч-ка Тимофея Петрова сына Стригалева от июня 1700 г. Стригалев дал (приводим выдержку без сохранения орфографии подлинника), „сию запись Прокофью Алексеевичу сыну Загорскому в том, что в прошлых годах бежал от него, Прокофья, дворовый его Прокофьев ч-к Левка Андреев с женою и с детьми, а в бегах пожил за мною, Тимофеем, и от меня бежали безвестно, и ныне я, Тимофей, не дожидаясь от него, Прокофья Загорского в том его беглом вышеписанном дворовом ч-ке Левке на себя челобитья, и, поговоря с ним меж себя полюбовно, поступился ему, Прокофью Загорскому, за того его беглого дворового ч-ка Левку, и за жену его, Левкину, и за детей, и за сносные его животы, и за жилые его, и заработные деньги, и за наддаточные кр-ня, и за отвозные подводы *крепостного своего дворового ч-ка* (курсив наш), холостого Якушка Васильева“ и т. д. Т. обр, предок ф-нта Стригалева, посадский г. Костромы, ч-к, видимо, неграмотный (к поступной вместо Стригалева по его челобитью руку приложил Максим Волошенников) имел своих крепостных.

[1]) Тоже подтверждала инструкция м.-р —коллегии от 3 дек. 1723 г. и указ 27 июля 1744 г. (см П. С. З. XII 9004), разрешивший ф-нтам покупку деревень к ф-м „для размножения и приведения оных в лучшее состояние“.

[2]) В частности для полотн. ф-к устанавливалась максимальная норма в 12 душ муж. пола „ко всекому стану, сколько на к-рой (ф-ке) находится будет... а женска пола сколько при мужьях обретаться будет“ П. С. З. XIII 9954.

[3]) П. С. З. XVI 11638.

1762 г. указа и кои фабрик не имеют, тех, отобрав от них, причислить в казенное ведомство по собственному их желанию и положить их каз. палате в оклад по тому состоянию, в какое тот войдет"[1])

С своей стороны *купечество энергично домогалось права держать крепостных для фабричных работ.* В комиссии для составления Уложения ф-нты г. Костромы настойчиво заявляли, что „фабриканам и заводчикам без своих собственных кр-н ф-к и заводов размножать и приводить в лучшее состояние никак не можно" и просили дозволить покупать кр-н к фабрикам, хотя бы и в меньшем количестве, чем это разрешалось прежде, так, напр., к полотняному стану не по 12 душ, как это было при Елизавете Петровне, а по 3 души муж. пола и „сколько при них обретаться будет женского пола"[2]).

В основе всех этих домогательств несомненно лежал недостаток свободных р-х рук—следствие неразвитости экономических отношений в тогдашней России. Недостаток р-х являлся существенным тормазом развитию мало-мальски крупного производства. Из истории промышленности XVIII в. можно привести примеры, когда ф-ки, и заводы, возникнув, вскоре закрывались именно из-за недостатка р-х. Так было, напр., с серным заводом возле г. Макарьева [3]).

„Вольных р-х—говорит один исследователь—в тогдашней Руси была такая жалкая горсть, что нечего было и думать с их помощью оборудовать крупное производство; необходимо было в той или иной форме широко использовать для промышленных целей крепостной труд. Но для этого буржуазия

[1]) См. „Указы 1790 г.", в арх. каз. п., л. 15 и 16. См. также Семевский, 462.

[2]) Семевский, 461.

[3]) Завод этот был устроен на земле Макарьево-Унженского м-ря в 1738 г. Ярославскими посадскими людьми Федором Полушкиным и Тимофеем Шабуниным. „Однако не прошло двух лет, как заводчикам сделано было помешательство" в их предприятии. Монастырский вотчинный управитель Петр Дуров, постоянно ссорившийся с игуменом и братией, „воровским своим умыслом", отнял часть земли, уступленной ими ярославцам Полушкину и Шабунину по договору, заключенному в сентябре 1738 г. и засеял ее яровым хлебом, *а кр-нам монастырским запрещал работать на вновь устроеном заводе.* Т. к. других кр-н по близости не было, то работы на заводе могли остановиться". Пришлось жаловаться в государственную генерал-бергс-директориума контору, и потребовался особый указ от нее от 28 авг. 1740 г. о том, чтобы заводчикам серным никакой остановки и обид не чинили и кр-нам в наем в работу не запрещали. (См. Летопись Мак. Унж. м-ря костр. епархии. Составл. И. К. Херсонским 1892 г. вып. 2-й, стр. 58.

должна была получить принадлежавшую лишь дворянам привилегию—владеть крепостными“ [1]).

К сказанному надо добавить, что и наличный небольшой контингент вольных ф-х не мог быть использован полностью в фабричном пр-ве, т. к. б. ч. р-х была связана с землей и отвлекалась на летнее время в деревню. Нередки были случаи, когда производство на лето сокращалось или даже вовсе останавливалось из-за недостатка р-х. В той же Екатерининской комиссии костромские ф-нты указывали, что в летнее время, вследствие ухода р-х на свои крестьянские работы, производство на ф-х уменьшается более, чем вдвое [2]). Точно также часть поссесионных кр-н, приписанных к фабрикам, должна была заниматься сельским хозяйством. В 1758 г. к полотняной ф-ке Таланова в Кинешме было позволено купить „на праве фабрикантском 100 душ кр-н; в то число в 1773 г. куплено 49. По этой же ревизии (1795 г.) числилось при ней 63 души, из коих 40 ч-к находились собственно при ф-ке, а остальные 23 занимались хлебопашеством“. По сообщ. Костр. гражд. губ-ра, при этой ф-ке „по последней ревизии (очевидно, 6-й—1811 г. или 7-й—1816 г.) числится 42 души. Они занимаются частью на посторонних ф-х (ф-ка Таланова в это время бездействовала) и частью обыкновенными крестьянскими работами“ [3]). Мы видим т. обр., что даже труд приписанных к ф-ке кр-н далеко не полностью использовался на фабричных работах, т. к. часть этих кр-н занималась земледельческим хозяйством.

О связи р-х с землей свидетельствует также Семевский, указывающий (что 571), что на полотняной ф-ке Ашастина в Костроме поссесионные кр-не работали только половину года, а в остальное время занимались в деревне хлебопашеством.

---

[1]) П. Берлин, Дворянская буржуазия. Совр. Мир 1910. № 7.

[2]) Семевский. 485. Интересны также и другие мотивы, приводившиеся костромскими ф-нтами в защиту необходимости иметь при ф-х собственных крепостных. „Вольные люди—говорили они—не могут быть в таком послушании, как собственный приписной или крепостной, и работа, от них производимая, не может быть действительна; если ф-нт сделает в своем производстве какие-либо нововведения ради государственной пользы и славы“, то вольные р-ие, „по непривычке их“ к новым способам производства, „окажутся противными“, и их ни за какую плату принудить нельзя по их лености“.

[3]) Сенатское дело № 4489 купца и ф-нта Углечанинова о полотн. ф-ке, купленной с аукциону; вступило 1816 г. окт. 16 (на 14 лл.); приведенные в тексте сведения сенат. дело заимствовало из д-та м-р. и внутр. торговли.

К числу поссесионных ф-к относятся ф-ки: В. и Н. Стригалевых, Ашастина, Б. Стригалева и Углечанинова в Костроме, Грязнова и Таланова в Кинешме [1]).

Данные о числе крепостных, состоявших при ф-х и покупных за ф-нтами, можно почерпнуть из материалов ревизий, а также из некоторых других источников.

Так, в „Генеральной табели о числе душ и доходов по новой ревизии в Костр. губ." [2]), м. пр., значатся: 1) кр-не приписные к фабрикам по Костр. округе—27 душ (очевидно, муж. п.) —„оные состоят при партикулярных ф-х, но при каких, точно того, а однакож, да и когда ими куплены те люди, т. е. до запретительного 762 г. указа, или после,—не сказано" и 2) кр-не, за ф-нтами покупные до запретительного 1762 г. указа: в Костр. округе 47 душ, Кинешемской 500 и Кадыевской 96, итого 643 души.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что из указанных 670 душ подавляющее большинство принадлежало именно полотняным ф-нтам; при этом следует отметить, что главная масса крепостных была куплена до запретительного указа 1762 г. и числилась по Кинешемской округе.

Следующие по времени данные о числе крепостных р-х относятся к 5-й ревизии. В соответствующей генеральной табели [3]), м. пр., значатся по Костр. губ. „при партикулярных ф-х покупных заводчиками до запретительного указа кр-н и мастеровых людей в Костр. уезде 55 душ, Нерехтском 12, Кинешемском 542; итого 609".

В подлинных материалах 5-й ревизии (произведенной на основ. указа от 23 июня 1794 г. [4]), по Кинешемской округе

[1]) В сенатском деле № 485 „по прошению жены Кинеш. 2-й гильдии купецкого сына Грязнова по делу с братьями о полотн. ф-ке 1828 г." (хран. в арх. б. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком.) Грязновская ф-ка называется наследственной привилегированной полотн. ф-кой и указывается, что при ней состоят кр-не и земля. Равным образом определенно называется посессионной ф-ка Стригалева в „Деле д-та мин. юст. по архиву № 2994 дворянина Стригалева о ф-ке" (Началось 24 сент. 1835 г.). По свед. этого дела ф-ка эта устроена в 1760 г. и владелец ее Костр. губ. дворянин Ал-ндр Стригалев.

[2]) См. книгу „Указов Сената 1785" в архиве б. Костр. Каз. пал., л. 142 и далее.

[3]) „Генер. табель о числе душ по 5 ревизии и с них по новым окладам вслеествие высоч. е. и. в. 18 дек. 1797 г. указа составленная к расписанию на 1800 год со включением перемен по 1 сент. 1799 г. по Костр. губ." (Книга указов Сената 1799 г., хран. в арх. б. Костр. Каз. п., л. 449).

[4]) См. Арх. б. Каз. пал. „5-я ревизия. Кинешма. Купцам и мещанам ведомость, учиненная Костр. Каз. палатою во второй о ревизии душ экспедиции" и т. д.

числилось всего фабрикантских 474 души, но из них 25 состояло за бумажной ф-кой Мещанинова. Остальные 389 душ м. п. значились принадлежащими к полотняным фабрикам, а именно: состояло: 1) за Кинешемским 1-й гильдии купцами и полотн. ф-ки содержателями Андреем и Григорьем детьми Талановыми в деревнях: Буровице 23 и Рябкове 23, итого 46 душ, в т. ч. мастеровых и работных людей при ф-ке 28 душ по показанию в ревизской скаске и 2) за Костромскими именитыми гражданами и полотняной ф-ки содержателями Петром Ивановым и его племянником Григорьем Дмитриевым Углечаниновым в с. Семеновском 35, в дд. Антипине 5, Мельничище 7, Хрептунихе 6, Короваихе 10, Рупусове 13, Низовской 17, Борщевке 25, Охлебинке—9, Осееве—17, Медведкове—8, Воронине—11, Высокове—9. Комарове—10, Иворове—21, Лапшевке—7, Русиновке—21, Ведернове—13, Починке—6, Шарине—11, Бабцыне—24, Заболотье—10, Ветрове—8, Фоминском Большом—23, Фоминском Меньшом—10, Сорокине—7, итого 343, в т. ч. по их показанию мастеровых людей 129 душ.

По сказкам 6-й ревизии в Костр. губ. показано за купцами и ф-нтами при ф-х мастеровых людей 911 душ [1]).

Из уже цитированного „Генерального каталога помещичьим Костр. губ. душам по новой 7-й ревизии 1816 г.“ [2]) можно извлечь сведения о числе душ, состоявших за представителями полотняно-фабрикантских фамилий—Углечаниновыми, Стригалевыми и Грязновыми—всего находилось в их владении 492 мастеровых и кр-н.

В частности, по сведениям этого источника числилось: 1) за купцом и ф-нтом Петром Григ. Углечаниновым принадлежащих к Костр. его ф-ке мастеровых Кинешемской округи в селе Семеновском с деревнями 304 души, по г. Костроме 9 и при Кинешемской ф-ке в дер. Боровице (Буровице?!) с деревнями 53 души, всего 366, 2) за Стригалевыми: за 1-й гильдии купцом и ф-нтом Ал-ндром Ильиным по г. Костроме мастеровых 6; за купцам Федором, Николаем и Ал-ндром Борисовыми по г. Костроме—2, за ними же вообще с невесткой Марьей и малолетными детьми ее по г. Костроме при ф-ке мастеровых 38; за купецкой женой Катериной Васильевой в Костр. округе в с-це Прудище мастеровых 13, кр-н 6, в дер. Феклине 11, итого 30; за Николаем Федоровым, городским

---

[1]) См. Сенат, архив Костр. Губ. Уч. Арх. Ком. „№ 2767 рапорт Костр. прокурора 22 окт. 1912 г. министру юст. о рекрутах с кр-н ф-ки“.

[2]) См. Архив б. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком. лл. 236, 212, 211 и 67.

секретарем по г. Костроме 8 и 3) за Кинешемскими купцами и ф-нтами Ал-ндром и Алексеем Петровыми Грязновыми: Кинешемской округи в дер. Яблонке 31 душа, в т. ч. мастеровых 15, и за купцом и ф-нтом Сергеем Грязновым состоящих по г. Кинешме при ф-ке 11 душ [1]).

Наконец, в „Дворянской родословной книге Костромской губ." (ч. I, т. II, лл. 112 и 174) показано, что в 1831 г. числилось кр-н муж. пола за Сергеем Борис. Стригалевым (в общем владении)—203 души.

Мы видим, т. обр., что еще в первые десятилетия 19 в. при полотняных ф-х состояло несколько сот крепостных р-х.

Небезинтересно было бы проследить, откуда, т. е. из каких общественных слоев вербовались крепостные р-ие, а также выяснить те способы, какими удавалось ф-нтам закрепить этих р-х за собой. Любопытный материал по этому вопросу находится прежде всего в известном указе сената по Костр. нам-ву от 13 марта 1786 г. [2]). В этом указе выясняется точно, когда и каким порядком были приобретены ф-нтами 27 душ, значившихся в окладных ведомостях Костр. казенной палаты по последней ревизии. По об'яснению казенной палаты (от 20 окт. 1785 г.) эти 27 душ состояли за ф-нтами: за Петром Углечаниновым 16, за Васильем Стригалевым 6, за Ильею Волковым 3 и за Федором Михайловым Калашниковым—2. Достались они им след. образом:

1) Отцу ф-нта Петра Углечанинова—Ивану по купчим: 26 июня 1751 г.—1 душа, 30 марта 1755 г.—1, 29 окт. 1757 г. —2 [3]) и 2 марта 1762,—1 и по выписям из Костр. провинц. канцелярии: 26 мая 1763 г. по желанию из уволенных от духов-

---

[1]) Мы видим отсюда, что за Углечаниновыми значатся уже крепостные и по дер. Боровице (или Буровице) при Кинеш. его ф-ке; по 5-й ревизии они значились за Талановыми. О переходе Талановских крепостных вместе с ф-кой в руки Углечанинова будет. сказано особо. Отметим также, что с-це Прудище, значащееся за Стригалевым, ранее состояло за ф-нтом Ашастиным. Так, из сенат. дела „№ 4407 по прошению купца Ашастина о покровительстве по делу его о бежавшем с полотняной его ф-ки крестьянине, 1803 г." видно, что при Костр. полотн. ф-ке Костр. 1-й гильдии купца и ф-нта Вас. Сем. Ашастина состояло, по его показанию в январе 1803 г.—40 душ кр-н, живших Костр. округа в с-це Прудище с деревнею: „оные кр-не—писал Ашастин—никакого оброка мне не платят, но по силе законов упражняются в работах".

[2]) См. Арх. Каз. палаты. Указы 1790 г. лл. 15 и 16.

[3]) Из хран. в архиве б. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком. дела д-та мин. юст. № 3185 кр-нина Горшечникова о свободе из владения Углечаниновой (началось 19 апр. 1839) видно, что в 1750-х годах (точно год не указан) купцом Ив. Углечаниновым (основателем первой в Костроме полотн. ф-ки в 1751 г.) был куплен у помещика Раздеришина кр. Дементий Соколов,

ной команды церковников 4 души и 21 авг. 1774 г. —отрешенные от помещиков Раздеришиных за правой о приписных во 2-ую ревизию кр-нах донос—2 души да отпущенный от помещиков на волю 1; кроме того за ним значились: бывший посадский ч-к Николай Горшечников с двумя сыновьями и бывший экономич. села Святого крест. сын Григорий Яковлев. отданные по указам Костр. провинц. канц., по силе определения Сената 1759 г., ему в вечное владение: Горшечников указом 11 июня 1761 г., а Яковлев указом 17 окт. 1773 г. 2) Калашникову были отданы по желанию их из Костр. провинц. канц. 19 марта 1775 г. из отпущенных от помещиков на волю —2 души. 3) Отец Ильи Волкова купил в 1760 г. у помещика Федора Богарева 3 души, „на коих и купчия имелась у того отца его, токмо оная по причине бывших пожаров утратилась" и 4) Василию Стригалеву достались по купчей от 23 марта 1762 г. 3 души и приписаны по указу Костр. провинц. канц. из церковников по их желанию 11 июня 1775 г.—1 душа и 9 сент. 1781 г.—еще 1 душа; кр. т., за ним состоял принятой и воспитанный человеком его незаконнорожденой 1.

Т. обр., после 8 авг. 1762 г. были куплены или получены по выписям: Углечаниновым 8 душ. Калашниковым—2, Стригалевым 2 или 3, а всего 12 или 13.

Из всех 27 душ по купчим досталось 11 душ, по выписям 14, да родилось после 2. Доставшиеся по выписям по происхождению распределяются так: 6 бывших церковников (приписаны по их желанию). 2 отрешенных от помещиков, 3 вольноотпущенных (приписаны по их желанию), 1 посадский ч-к, 1 экономический кр-нин и 1 принятый на воспитание ч-ком ф-нта незаконнорожденный. Т. обр., помещичьи и экономич. к-не, бывшие церковники, вольноотпущенные и посадские люди—вот откуда рекрутировался состав фабричных крепостных людей. К приведенным данным можно добавить, что в 1758 г. к полотняной ф-ке Таланова в Кинешме было позволено купить „на праве фабрикантском 100 душ кр-н; в то число в 1773 г. куплено 49" [1]). На ф-ке Б. Стригалева в 1801 г. употреблялись на работу покупные у разных помещиков кр-не—мужеска полу 39, женска—32 души.

В архиве б. Костр. губ. пр-ия нам удалось найти довольно любопытное дело 1774 г. о приписке вольноотпущенных, дворового Кирилова с женою и кр-н Артамонова и Антонова с женами и детьми „по самопроизвольному желанию" их. как

[1]) Сенатское дело № 4489.

сказано в деле, к Костр. полотн. ф-ке содержателя Козьмы Иванова сына Углечанинова. Вкратце сущность этого дела сводится к следующему. 14 авг. 1774 г. Костр. помещик лейб-гвардии поручик Василий Данилов Каблуков отпустил своих крепостных—двор. ч-ка Прокофья Кирилова (24 л.) с женою (18 л.) и дочерью, кр-нина Ив. Артамонова (29 л.) с женою (25 л.) и дочерью и кр-нина Козьму Антонова (24 л.) с женою (25 л.)—всего 7 ч-к „вечно на волю, где они жить или к кому другому приписаться пожелают". Вольная дана 14 авг. 1774 г., а уже 18 авг. того же 1774 г. от перечисленных вольноотпущенных поступила в Костр. провинц. канцелярию челобитная, в к-рой челобитчики писали: „а ныне мы, именованные, не хотя сами собою жить по воли, а все желаем вечно быть и приписаться к Костр. полотн. ф-ке содержателя Козьмы Иванова сына Углечанинова, к-рый всех нас и Артамонову малолетную дочь на ту его ф-ку принять и подушные деньги и протчие государственные поборы за нас платить обнадежил". 20 авг. в присутствии челобитчики были допрашиваны и подтвердили, что не хотят жить сами собою по воле, а желают приписаться к ф-ке „самопроизвольно, а не по принуждению чьему", указав при этом, что говорят они „сущую правду". В тот же день 20 авг. от Углечанинова поступила челобитная о желании принять вечно всех этих людей на свою ф-ку. 21 авг. Костр. провинц. канцелярия уже слушала это дело и на основании уложения (20 главы, пп 7, 8), инструкции по ревизии 16 дек. 1743 г. (п 16-й) и указов 13 июня 1744 и 30 окт. 1769 г., определила просителей „к показанной Козьмы Углечанинова Костр. полотн. ф-ке вечно приписать и в то услужение отдать всех их ему, Углечанинову, с роспискою на владение к-рыми.... и дать ему, Углечанинову, на них за скрепою присудствующих и со взятием указных пошлин владенную на гербовой бумаге выпись". В тот же день все 7 ч-к под росписку и были переданы Углечанинову.

В этом деле обращает на себя внимание чрезвычайно быстрое, можно сказать, молниеносное прохождение его чрез все ступени. 14 авг. просители отпущены на волю, 18 авг.—они подают челобитья о приписке к ф-ке, и уже 21 авг. провинц. канцелярия, сделав соответствующее определение, передает их ф-нту. При характерной для того времени волоките не об'ясняется ли такая необычная быстрота в ходе дела тем, что в нем был заинтересован Углечанинов, крупный ф-нт, несомненно знавший средства, какими можно заставить заработать быстро обычно тяжелую на под'ем бюрократическую машину, а, м. б., также и помещик Каблуков? Не была ли здесь

просто замаскированная продажа Каблуковым своих крепостных Углечанинову? Напомним, что после указа 1762 г. ф-нты не могли легально покупать крестьян [1]).

В царствование Павла, к-рое, по словам Туган—Барановского „и в области привилегий ф-нтов... явилось возвращением к старому—в 1798 г. было разрешено как дворянам, так

---

[1]) Необходимо отметить кстати, что „добровольная" запись на ф-ки „в вечное служение" заслуживает специального исследования. Повидимому, местами это явление принимало значительные размеры. Так, на Ярославскую Большую м-ру с начала царствования Елизаветы (после издания инструкции 15 дек. 1743 г. посланным для учинения вновь ревизии—см. П.С.З. Собр. I, т. XI, 8836) приписалось из заштатных церковников и другого звания людей слишком до двух тысяч людей, не считая жен и детей. (А. Ф. Грязнов. Яросл. Б. М-ра, стр. 199), „Жизнь р-х на Мануфактуре—г-рит Грязнов (стр. 193),—во время нахождения ее во владении Затрапезновых, была далеко не красна: всюду плети, плети и плети... И несмотря на это, оказывается, что находились люди и не один—два, а сотни и даже тысячи, заявлявшие о своем желании поступить на М-ру „в вечное услужение" (т. е. в крепостные). Среди этих „добровольцев" видное место занимали так наз. „недействительные церковники". „Были дни (как напр. 9 янв. 1755 г.) —продолжает тот же исследователь (стр. 197)—когда Канцелярия (Яросл. провинц. канц.) сразу рассмотрела 21 прошение разных „церковников", в числе коих были дети и „попов", и „пономарей" и „дьячков", и „трапезников", и „сын попова сына", и „сын бывого попа брата", и „бывого пономоря" сын, и „попа—растриги, дьячков сын, пасынок", и „бывого дьячка подкидыш", и „дьяконов внук", и „незаконный сын вдовы пономарева сына" и проч. и проч.„По инструкции 1743 г. церковники могли приписываться не только на ф-ки и з-ды, но также и в посады и в ремесленые люди, на г-ревы и синодальные и монастырские и другие вотчинниковы пашенные земли. Тем не менее они десятками, сотнями шли на ф-ки. Об'яснения этому Грязнов ищет в том, что ф-ка давала „слабому" ч-ку защиту от насилия, господствовавшего всюду в тогдашней жизни. „Читая этот очерк (Л. Н. Трефолева, Ярославль в царств. Елизаветы Петровны)—говорит он (стр 197)—полный картин грубых насилий, произвола и взяточничества одних и полного безправия и беззащитности других, делается ясным и понятным, почему именно „заштатные церковники" и прочий люд, вынуждаемой силою обстоятельств выходить из духовного звания, кто „по неумению словено-россиской грамоте", кто „из-за подушных" и др. податей, шли не на пашенные тех или иных владельцев земли, и не в посадские, и не в ремесленники, и не в солдаты, а на м-ру: как ни тяжело и трудно жилось на м-ре, и как ни туго, временами, приходилось тем или иным „работным ее, людям", все же им, в общем, переносить тяжелый нрав одного владельца м-ры было легче, чем притеснения многих, тем более, что испытывать это приходилось не всем сразу, а единицам, остальным же, под защитой сильной руки Затрапезновых, жилось далеко не плохо". Повидимому, это об'яснение нуждается в проверке фактами. —На некоторых ф-х приписные р-ие находились на полном иждивении ф-нта. Не влияло ли это обстоятельство, помимо других возможных, на развитие описанного „закладничества?"

и купечеству покупать к ф-м и з-м кр-н, причем количество прикупленных кр-н не должно было превосходить определенного Елизаветинским указом 1752 г. „Туган-Барановский отмечает, что это право пользоватся на ф-х принудительным трудом, имевшее очень больше значение в середине XVIII в., в начале XIX в., с развитием вольнонаемного труда, уже потеряло его.[1]) Это мнение, правильное в целом, по отношению ко всей русской промышленности, по отношению к отдельным отраслям нуждается в ограничениях. Следует отметить, что, напр., в полотняной промышленности в начале XIX в. еще ощущался острый недостаток в рабочих, и отдельные ф-нты пытались в целях устранения его как раз использовать Павловский закон 1798 г. На этот счет весьма любопытные указания дает „Дело канцелярии Костр. губ-ра по просьбе Костр. купцов Углечаниновых о желании купить к ф-ке людей и кр-н“ (июня 1 дня 1806 г. № 64), хранящиеся в архиве б. Костр. губ.пр-ия.

В этом деле имеется „покорнейшее прошение“ Костр. именитых граждан Петра и сына его Сергея Углечаниновых к Костр. губ-ру „В губернском городе Костроме—пишут в прошении Углечаниновы—с 1751 г. существует полотняная ф-ка наша, на ней состоит в действии 500 станов, на коих вырабатываются полотна фламские, равендуки и каламенка более 12 тыс. кусков. Для разных работ на сей ф-ке по указу, данному из госуд. м-р-коллегии 1759 г. июля 14 дня, дозволено по числу показанных во осмотре на той ф-ке 129 станов купить кр-н 1498 душ. Но по сему указу куплено Костр. губ. в Кинешемской округе полсела Семеновского с деревнями, в коих 343 и особо при доме нашем в городе Костроме 8, всего по нынешней 5 ревизии состоит мужеска пола 351 душа, более же купить за воспоследовавшим 1762 г. августа 8 дня указом не успели; и за великим недостатком крепостных людей работы на ф-ке исправляются по, б. ч., как и по подаваемым от нас ведомостям значит, вольноонаемными людьми; а как высочайшими указами дозволено ныне к ф-м и з-м к усовершенствованию их покупать людей и кр-н, а мы имеем желание, чтоб на означенной ф-ке нашей вырабатывать изделий большее число в лучшей доброте, то на сей конец приготовлено сверх вышеписанного до 100 станов с потребными к тому инструментами; однако не только на сии вновь заготовленные станы рабочих людей не имеем, но многие и из числяющихся в действии остаются праздны, ибо вольнонаемные

[1]) Туган-Барановский, стр. 85, 86.

люди в летнее время фабричных работ не исправляют, да и зимою, поелику год от году число фабрик, заводов и изделий в городе Костроме умножается, встречается в вольнонаемных людях не малой недостаток, притом же мало рачат о произведении работ фабричных в лучшей доброте, а стараются только скорее кончить и получить деньги; в отвращение таковых неудобств к лучшему обработыванию и в большем числе фабричных изделий имеем мы желание к Костр. полотн. ф-ке нашей хотя дозволенное прежде м-р—коллегиею число до 100 душ людей и кр-н докупить и для того, подносся у сего вышеупомянутой указ, данной из госуд. м-р—коллегии на покупку кр-н, покорнейше просим вашего пр-ства о испрошении нам такового дозволения от г-на мин. вн. д. сделать к нему ваше представление" [1]).

Мы видим т. обр., что быстрый рост фабричной промышленности, при сравнительно медленном еще нарастании класса вольных р-их и при значительной привязанности их к земле, приводил к относительному недостатку вольнонаемных рабочих—отсюда еще в начале 19 ст. попытки полотняных ф-нтов получить тем или иным способом рабочие руки, или использовав для этого указ 1798 г. или как нибудь иначе.

В свете этого недостатка вольных р-х особое значение приобретает настойчивое стремление того же Углечанинова заполучить подневольных р-х с Кинешемской ф-ки Таланова, о чем мы будем еще говорить далее, в пятой главе.

И вотчинные и посессионные ф-ки держались принудительным трудом. Но рядом с последним постепенно развивалось применение и вольнонаемного труда. Вообще, без воль-

---

[1]) 1 июня 1806 г. губ-р послал соответствующее представление мин. вн. д; в нем он, м. пр., писал: „Я по сему случаю осматривал лично ф-ку имен. граждан Углечаниновых, нашел тут подлинно из числа вышеписанных 500 станов многие праздными, по причине совершенного в крепостных кр-нах недостатка. Хотя же и употребляются к тому люди вольнонаемные, но они в летнее время фабричным делом не занимается, да и зимою поелику год от году число ф-к, з-в и изделий в Костроме усиливается, встречается в соглашении их и найме немалое затруднение, отчего происходит иногда по ф-ке безуспешность и остановка. При всем том они, будучи ни мало не рачительны к обрабатыванию изделий лучшею добротою и искусством, стараются токмо, как мне по местному начальству известно, скорее кончить работу и за оную получить от хозяев деньги. Сверх помянутых 500 станов имен гражд. Углечаниновым к распространению заведений своих и усовершенствованию их действительно приготовлено еще до 100 станов со всеми принадлежащими к ним орудьями и материалом". Излагая все это, губ-р с своей стороны признавал требование Углечаниновых о докупке крепостных „с существенными нуждами сообразным".

ных р-х, особенно после запрещения ф-нтам в 1762 г. покупать кр-н, едва ли полотняное пр-во могло получить во второй половине XVIII в. широкое развитие.

На отдельных ф-х вольный труд применялся еще в конце 60-х гг. 18 ст., т. е. в самый начальный период существования полотняных ф-к. Напр., на ф-ке Стригалева в Костроме работало вольных р-х 206 мужч. и 29 женщ.; на ф-ке Пастухова в Нерехте все 299 р-х были вольными[1]). Из „Экономич. примечаний" по г. Костроме видно, что на ф-ке Петра и Григ. Углечаниновых работали, помимо их, Углечаниновых, крепостных людей, также и наемные р-ие. Мы уже приводили выписку из „Дела № 1872", из к-рой видно, что „время от времени возрастая", ф-ка Стригалева „приумножилась до 510 станов вольнонаемными р-ками". В том же „Деле" о ф-ке Дм. Таланова в Кинешме сказано, что ее „составляют вольнонаемные люди, состоящие в городе мещаня и из окрестных поселян".

Т. обр., на полотн. ф-х XVIII и начала XIX в. мы встречаем наряду с крепостными, повидимому, в значительном количестве также и вольных р-х (по крайней мере по отношению к ф-нтам; в ряде случаев эти вольные р-ие были помещичьими крепостными кр-нами). Более того, повидимому, можно сказать с достаточной определенностью, что даже в XVIII в. вольный труд уже преобладал на полотняных ф-х Костр. края.

Эти вольные р-ие рекрутировались частью из горожан, напр., на Костромских полотняных ф-х из жителей г. Костромы. В уже цитированных „Экон. примеч." по г. Костроме о купечестве и мещанстве говорится, что „некоторые прокармливаются работами, на ф-х ткут полотна"; жители Пищальной Полянской слободки (в г. Костроме,—кр-не) промысел имели, м.-пр. „разными работами на ф-х"; жители другой Полянской слободы (в г. Костроме) также работали „по найму на полотняных ф-х", нанимались у ф-нтов и заводчиков так-

---

[1]) М. пр., в „Экон. примеч. к ген. меж. находятся такие сведения о полотн. ф-х г. Нерехты: „Полотн. ф-к две С. Бургского купца Михайла Грязновского обще с Нерехтским купцом Михайлой Большим Пастуховым, построена в 1761 г., в ней 9 покоев, в коих помещены 32 стана, и вторая —Нерехотского купца Осипа Семенова Суворова, им построена в 1778 г. —5 покоев, в них 21 стан—обе каменные. на к-рых *ткут по найму* от вышеписанных купцов искусные для сего мужчины и женщины русские льняные полотна шириною аршин, а на других станах и с половиною, к-рые употребляют в продажу как в городе, так и в Костроме и Ярославле лучшие по 45 к., и другие по 30 к. аршин.

же некоторые из жителей Костромской Рыбной слободы (рыбные ловцы). Повидимому, не малое количество городских мещан имелось также в составе р-х на ф-х г. Кинешмы[1]).

Рядом с горожанами и жителями городских слобод на ф-х в качестве наемных р-х работают и кр-не[2]). Вообще на полотняных ф-ках XVIII в. мы встречаем разные категории р-х: и крепостных ф-нта, и помещичьих кр-н, работавших по вольному найму, и вольнонаемных городских мещан и разночинцев.

В общем, чем ближе подвигаемся мы к половине 19 в., тем все большее значение приобретает труд вольный. С развитием оброчной, системы, с ростом отхожих промыслов свободный труд получает непрерывно растущее распространение, так что в канун крестьянской реформы, в конце 50-х г. г. пользование для фабричных работ трудом крепостных представляет собою уже весьма редкое явление, особенно если иметь в виду городские полотняные ф-ки.

IV.

Внутренняя жизнь полотняных ф-к.—Условия труда— „Работные регулы".—Дела о хищениях материалов с ф-к— Дело по жалобе ф-нта Грязнова на крепостных фабричных —Побеги фабричных р-х.—Легальная борьба отдельных р-х за освобождение от крепости ф-нту (дела фабричных Бердникова, Степанова, Горшешникова и Яковлева и дворового Филимонова).—Брожение р-х на Углечаниновской ф-ке в 1818 г.

О внутренней жизни полотняной ф-ки конца 18-го и начала 19 ст. мы знаем очень мало. Так, напр., Туган-Баранов-

[1]) В книге „Протоколов 1785 г. Кинешемского городового магистрата" (см. архив Костр. Науч. Об-ва) в деле, относящемся к ф-ке Григ. Таланова, упоминается целый ряд фабричных р-х—Кинешемских мещан: сторож у фабричных ворот Федор Андреянов Остафьев, староста при ткачах „восьмидесятной светелки"—Григ. Зиновьев, дневальный Ив. Вас. по прозвищу Воробей (новозаписанный мещанин), ткачи: Ив. Латин, Вас. Мелин, Григ. Шипов, Ефим Андреев (мещанский сын); отец последнего—Андрей Потапов также работал на ф-ке.

[2]) Напр. на ф-ке того же Григ. Таланова в Кинешме. В только что цитированных протоколах 1785 г., м. пр., сказано, что ткач Ефим Андреев, работавший в восьмидесятной светелке, по выткании отнес полотно „по утру в воскресный день обще деревни Безводнова с кр-нами, из коих одного зовут Леонтием, в к-ру, в коей отдал конторщику Дементью Леонтьеву". В том же деле упоминается еще ткач Безводновский Ефим.

ский (стр. 117) сообщает, что на полотняных ф-х В. и Н. Стригалевых (7 м. п. посс.), а также на ф-ке Б. Стригалева (39 м. п. посс.) р-ие (поссесионные) находились на полном иждивении ф-нтов. Сведения эти относятся к концу XVIII—началу XIX ст. Точно также крепсстные р-ие Апалихинской ф-ки получали паек (месячину) от владельца[1]).

Условия труда, как можно полагать, были тягостны. В частности, р-ий день отличался чрезмерной длиной. Так, напр., по сведениям, собранным м-р—коллегией в 1803 г. и приводимым Семевским в его книге, на ф-ке Стригалева работали „по мере необходимости иногда в день часов утренних от 4-го и 5-го и пополудни не далее 10-го". „Если—замечает Семевский (стр. 570)—и давался тут 2-х часовый отдых, то получим всетаки 16-часовой рабочий труд". Сведения о длине рабочего дня на некоторых других ф-х приведены у Туган-Барановского (стр. 116—117). Рабочий день продолжался: на ф-ке Грязнова—10 ч., Ашастина—с утра до 10 час. веч., Таланова—14 час.

Тяжелы, вероятно, были и другие условия, недаром вотчинная ф-ка в Апалихах служила местом ссылки для провинившихся кр-н.

---

[1]) К сожалению, размер и состав пайка, получавшегося Стригалевскими и Апалихинскими рабочими, неизвестен. В Ярославле, как указывает Туган-Барановский (стр. 197), р-ие Малой Ярославской м-ры, принадлежавшей Углечанинову, получали, помимо денежной платы, также и муку, по льготной цене; каждый р-ий получал ежемесячно 1 п. 20 ф. ржаной муки и 5 ф. пшеничной муки, с вычетом по 30 к. за пуд. ржаной и по 50 коп. за пуд пшеничной—из заработка. Месячная плата на этой ф-ке (в 1817 г.) равнялась у ткачей 7 р. 50—12 р. 25 к., у ткачих 4 р. 17к.—5 р. 83 к., у сновальщиков 5р. 83к.—10 р. 83,к. у женщин на витье пряжи 2 р. 50—3р. 33 к. Р-ие имели дома; подать за них платилась владельцем. Ф-ка эта была поссесионной—К сожалению, столь подробные данные в отношении Костр. ф-к отсутствуют. Вообще, касаясь положения фабричных р-х на полотняных ф-х Костр. края конца XVIII—начала XIX приходится считаться с крайним недостатком могущих быть использованными материалов.—Несомненно, ценные сведения о положении фабричных р-х имелись в фабричных архивах, но, как кажется, все они погибли. Так, напр., погиб архив Малой Углечаниновской ф-ки. По словам А. Н. Углечанинова, у его отца еще хранилось несколько ящиков фабричных документов, но дети постепенно их растащили—бумага пошла на изготовление крестовок. Лишь из сохранившихся в в небольшем числе дел о ф-х в архивах некоторых учреждений можно до известной степени судить о рабочей жизни того времени. Ниже в тексте некоторые из этих дел нами используются.

Некоторые сведения о положении р-х полотняных ф-х можно почерпнуть их дела канц. Костр. губ-ра № 52 за 1803 г., в к-ром имеются ответы трех ф-нтов: Кинешемских—Таланова и Грязнова и Нерехтского—Стригалева—на запрос госуд. м-р—коллегии [1]).

Из об'яснения Кинешемского 1-й гильдии купца Дм. Дм. Таланова видно, что на его ф-ке за работы вольнонаемным людям платилось: „за выткание каждого... куска, а именно за равендук ординарной.... по 1 р. 10 к., в 32 дюйма по 1 р. 20 к., в 36 дюйм—1 р. 50 к., за фламское ординарное по 1 р. 80 к., за каламенок 70-ти аршинной меры по 2 р.; за состояние при вываривании пряжи, к-рую производят по 10 часов в каждые сутки, платится по 1 р. 80 к. в неделю, за лощение всех означенных сортов полотен в неделю ж им каждому производится по 1 р. 20 к., а за мытье пряжи одной женщине платится тож в неделю по 90 коп, да им же за размотывание беленой для основ пряжи производится с основ: с равендуку ординарного по 12 к., в 32 дюйма по 14 к., в 36 дюйм по 17 к., с фламской по 19 к., с каламеночной по 24 к., за что и выходит в неделю от 80 к.—до 1 р., и—прибавлял ф-нт—как все те мастеровые и р-ие люди производят оную работу в течение года по временам оного добровольно, то сколько порознь каждый ч-к в год может сработать и на коликую сумму, сего потому и по разности в работах их успехов.... исчислить не можно".

Кинешемский купец Ал-ндр Грязнов дал такое об'яснение: „при полотняной моей общей с братьями ф-ке, состоящей в г. Кинешме, состоит покупных после ревизии кр-н мужеска 35, женска полов 25 душ, из числа коих половина состоит при крестьянских их работах, а другая употребляется при ф-ке в ткаческой работе, 10 ч-к, за что плата им производится наравне с вольнонаемными: за выткание каждого куска, а именно за фламское по 1 р. 50 к., за равендук по 1 р., за каламенок по 1 р. 80 к., за парусину по 2 р. 30 к., и из них протчие состоят при вываривании пряжи и при протчих мелочных при оной ф-ке работах, к-рую производят по 10 час. в каждые сутки, за что им платится по 1 р. 20 к. в неделю; женской же пол употребляется к размотыванию беленой для основ

---

[1]) См. в архиве б. Губ. пр-ия „Дело по сообщ. м-р—коллегии о отобрании от содержателей ф-к и з-в сведениев, какая плата производится приписным и покупным к оным людям. Мая 6 дня 1803 г." (на 13 лл.) К сожалению, в этом деле имеются отзывы лишь трех полотняных ф-нтов.

пряжи, коим плата производится тоже наравне с вольнонаемными с основ, с фламской по 18 к., с равендушных по 12 к., с каламеношной по 22 к., с парусинной по 20 к., за что и выходит в неделю от 80 к. до 1 руб."

Наконец, управляющим Нерехтской ф-кой Федора Борис. Стригалева—Нерехтским купцом Ив. Сем. Брюхановым было сделано следующее представление: „по неимению на ф-ке приписных и покупных хозяина моего людей, вольнонаемными на 12 станов начинаем декабря с 1-го и мая по 1 число, в к-рое производство бывает фламского 50 кусков, равендука 100 кусков, пестрядки 50 кусков, всего на 3400 р, платеж этому производится поштучно: за фламское по 2 р.; за равендук 1 р. 20 к., за пестрядку 1 р. 80 к., за витье 25 к. с основы, за варенье пряжи 30 к. на день".

Из приведенных об'яснений мы узнаем, что основная фабричная работа—ткачество—оплачивалось сдельным порядком. На остальных же (приготовительных и заключительных) работах частью практиковалась повременная оплата (напр., при вываривании пряжи), частью также сдельная оплата (напр., при размотке пряжи), причем на некоторых из этих работ (мытье и размотка пряжи) применялся женский труд.

Не имея данных о производительности труда ткачей в конце XVIII—начале XIX в., мы лишены возможности по нормам сдельного вознаграждения заключать о величине их заработков. Но надо все же полагать, что они были невелики и едва ли во всяком случае многим превышали заработки р-х на приготовительных работах. Из показаний ф-нтов видно, что на этих последних работах недельный заработок колебался: при выварке пряжи от 1 р. 20 до 1 р. 80 к., за лощение полотна равнялся 1 р. 20 к., на размотке беленой для основ пряжи составлял 80 к.—1 р. и на мытье пряжи 90 к.; следов., вообще на подготовительных работах заработок колебался от 80 к. до 1 р. 80 к. в неделю, составляя 1 р. 30 к. в среднем. Отсюда месячный заработок равнялся 5 р. 20 к.[1]). Для уяснения, что означала эта цифра реально, надо выразить ее в пудах ржаной муки. В Москве за 5 лет 1799—

---

[1]) Цифра эта, вероятно, несколько преувеличена. Как справедливв отмечал Туган-Барановский (Рус. ф-ка, стр. 181), к-рому также приходилось иметь дело с обследованием посессионных ф-к, произведенным в 1803 г. м-р.-коллегией, цыфры зараб. платы исходили из ф-нтов и поэтому были преувеличены: „в них следует видеть не столько дествительную плату р-м, сколько максимальную норму, выше к-рой зараб. плата не подымалась".

1803 гг. средняя цена пуда ржаной муки было 66 коп. асиг. [1]). Т. обр. на месячный заработок фабричного рабочего можно было купить около 8½ пудов ржаной муки.

До известной степени судить о положении р-х на полотняных ф-х можно также и по тем указаниям или правилам, какими регулировалось внутренняя жизнь ф-ки. Такими правилами, проливающими свет на положение р-х на полотняных ф-х XVIII и первой половины XIX ст., являются, как нам предоставляется, так назыв. „Работные регулы мастеровым и работным людям“ известного „Регламента суконным и каразейным фабрикам“, изданного в 1741 г.

Туган-Барановский отрицал за этими регулами всякое практическое значение—и не только для других отраслей пр-ва, но и для той, для к-рой они непосредственно назначились—для суконной промышленности. Так, упоминая о них на стр. 25-й „Русской ф-ки“, он г-рит, что изданы они были при Анне Леопольдовне и не получили поэтому законной силы в последующие царствования. Далее (на стр. 26) он повторяет: „эти регулы, как сказано, не получили законной силы и никакого практического значения не имели“.

В такой категорической форме это положение едва ли м. б. принято. Однако прежде, чем привести некоторые по этому поводу соображения, нелишне будет предварительно ознакомиться с мнением по поводу тех же регул А. Ф. Грязнова —составителя обширного и чрезвычайно ценного для истории русской фабричной промышленности труда: „Ярославская Большая м-ра за время с 1722 по 1856 г.“. (М. 1910) „Что же касается—г-рит он (стр. 172)—в частности до мануфактуры Затрапезновых, то о внутренних распорядках на ней можно судить по „Регламенту суконным и каразейным ф-м“, составленному и изданному пр-ством в 1741 г..... Несмотря на то, что „Регламент“ этот, как видно из его заглавия, предназначался для ф-к суконных и каразейных, т. е. шерсто обрабатывающих. тем не менее он может и должен считаться достаточно точно изображающим порядки и на полотняной м-ре Затрапезновых, в 1), п. ч. „Регламент“ составлялся,

---

[1]) Применяем для исчисления реальной зараб. платы московские цены, взятые у Туг.-Барановского (стр. 183). К сожалению, по Кинешме за соответствующий год розыскать хлебных цен нам не удалось, но вообще цены Костр. губ. были близки к московским, напр., в Кологривском у. в 1803 г. пуд ржаной муки стоил около 60 коп.

принимая во внимание порядки, существовавшие в то время на русских текстильных ф-х; а т. к. среди этих ф-х Ярославская м-ра занимала одно из первых мест, то, само собою разумеется, что она не могла быть обойденной при собирании материалов для его составления и, следов, существовавшие на ней распорядки должны были найти свое отражение в „Регламенте", а во 2), и это главное, п. ч.... Яросл. м-ра Затрапезновых, кроме льна, обрабатывала также и шерсть, вырабатывая из шерсти сукна, каразеи и каламенки. Отсюда следует, что „Регламент" действительно можно считать выразителем порядков Яросл. м-ры Затрапезновых".

В приведенной выдержке для нас важна мысль, что „Регламент" отразил в себе не только распорядки, бывшие в суконной промышленности, но и вообще внутренние условия текстильной промышленности, в частности условия Яросл. м-ры, одной из старейших и крупнейших полотняных ф-к. Постолько, посколько этот „Регламент" отразил условия вообще текстильной промышленности, он имел шансы фактически применяться далеко за пределами одного суконного пр-ва, для к-рого назначался, и не только мог иметь значение для Яросл. м-ры Затрапезновых, но, вероятно, и для целого ряда других полотняных ф-к XVIII в., возникших после Затрапезновской ф-ки и несомненно заимствовавших многое от этой ф-ки.

Однако все эти и подобные им соображения, как бы сами по себе любопытны ни были, оставляли бы нас в области одних голых догадок, еслибы у нас не имелось фактических подтверждений. Ниже (в этой же главе) мы приводим, пользуясь одним из дел м-ва юстиции, сведения о брожении р-х на ф-ке Углечанинова в Костроме в 1818 г. В этом деле имеется об'яснение ф-нта по поводу жалоб, принесенных на него рабочими, причем в об'яснении не один раз делаются ссылки как раз на „Работные регулы". Так, по поводу наряда фабричных на очередные караулы при ф-х и днем и ночью, ф-нт, м. пр., пишет: „караульных и днем и ночью при ф-х для соблюдения всего имеющегося на ф-х и для всяких случаев велено иметь без особой платы *по регулам для мастеровых и р-х людей; сими регулями руководствуясь с существования ф-ки, и наряжаются в караул из фабричных поочередно*". В другом месте, по поводу удерживания у р-х части заработаных денег, Углечанинов поясняет, что это производится *сообразно 10-му пункту работных регул*. Наконец, в том же деле говорится, что Костр. губ-р предписал „просителем и прочим фабр. людям внушить внятным образом *правила в работных регулах начертаные*, кои они неотменно должны испол-

нять беспрекословно и во всей точности, а равным образом не оставит полиция и наказание просителей за напрасную их на содержателя ф-ки жалобу предоставить *сообразно 7 и 8 пунктов тех же регул* на волю ф-нта".

Т. обр., как видим, ссылки на регулы делаются и ф-нтом, и губ-ром. Но что это за регулы, применявшиеся в 1818 г-на Костр. полотн. ф-ке Углечанинова? И почему это непременно регулы из Регламента суконным фабрикам 1741 г.?

Из сделанных выдержек прежде всего видно, что речь идет о регулах, к-рыми Углечаниновская ф-ка руководилась с самого ее существования. Мы знаем, что возникла эта ф-ка в 1751 г. Значит. имеются в виду регулы, изданные до 1751 г. Сопоставление приведенных выше ссылок на регулы с содержанием самих регул 1741 г. не оставляет сомнения, что действительно на полотняных ф-х еще в первой четверти 19 в. применялись или регулы Регламента 1741 г. или же какие-то другие регулы. пока еще неизвестные исторической науке, но до совпадения близкие по содержанию к регулам 1741 г. и изданные во всяком случае до 1751 г. В самом деле, обратимся к ссылкам на регулы в об'яснении ф-нта.

Первая ссылка на регулы делается по поводу бесплатного караула фабричных при ф-х. В регулах 1741 г. [1]) имеется действительно соответствующей пункт—это пункт 3-й „О вседневном дневании и готовности в пожарном случае", гласящий, что „всяк из надзирателей, мастеровых и работных людей должен, когда его очередь будет по учиненному разделению фабричного содержателя, не токмо известно денно и ночно дневанья исправлять, но воскресные праздничные дни большим числом чрезвычайно дневать"; также обязаны были все р-ие являться на тушение пожаров на ф-ке и близь нее — и только за это участие в тушении пожаров они могли ожидать от ф-нта „некоторого награждения по усмотрению". За самое же дневание платы не устанавливалось. Вторая ссылка на регулы по поводу удержания части заработка у фабр. прямо называет 10-ый пункт их, и, если мы заглянем в регулы, то увидим, что как раз 10-ый пункт трактует об удерживании части заработка у р-х впредь до полного расчета. Наконец, и пп. 7 и 8-й регул, на к-рые ссылается губ-р, по

---

1) См. Полн. Собр. Зак., изд. I т. XI № 8440., а также у М. Чулкова т. VI, кн III. С некоторыми сокращениями перепечатано также в издании А. Ф. Грязнов. Яросл. Большая м-ра, стр. 179—183.

своему содержанию отвечают 7 и 8 пп. Регул 1741 г.: 7-й пункт говорит „о словесном суде случающихся на их ф-х споров“, а 8-й „о непослушности и о противностях против фабричного содержателя и других начальников“.

На основании изложенного мы можем, как кажется, придти к выводу, что работные регулы Регламента суконным фабрикам 1741 г. - вопреки Туган-Барановскому—сохраняли свое практическое значение не только в последующие царствования в XVIII в., но даже применялись еще в 20-х гг. XIX ст., т. е. через 77 л. после их издания, причем применялись на полотнятной ф-ке. Но если это так, если эти регулы применялись на одной из полотняных Костр. ф-х—на самой крупной из них, то все основания имеются полагать, что те же регулы применялись и на других Костромских, а, м. б., и за пределами Костромы полотняных ф-к. Углечаниновская ф-ка, в качестве первой по времени возникновения в Костроме полотняной ф-ки и как одна из крупнейших ф-к, должна была явиться образцом и для других полотняных ф-к Костромского района, возникших после нее.

Более того: возможно, что этим же регулами регулировалось вообще вся текстильная промышленность, условия к-рой, как это отмечает цитированый нами составитель исторического очерка Яросл. Большой м-ры., А. Ф. Грязнов, отразились в самих регулах.

Все это дает нам до известной степени право придти к выводу, что в известной мере, при недостатке сохранившихся фактических материалов, о положении р-х на Костромских полотняных ф-х конца XVIII и даже начала XIX ст. можно судить по регулам Регламента 1741 г. В этих целях мы приводим ниже наиболее существенные из них.

Р-ий день устанавливался регулами в 14 час. ежедневно и в 7 час. по субботам, что составляло в неделю 77 часов. Начинался раб. день с 4 час. утра; работали до 9 час. утра, в десятом часу шли обедать; снова приходили на ф-ку в 12 часу и работали до 8 час. вечера. Так шла работа с 1 марта по 1 октября; зимой обеденный перерыв полагался вместо 2 часов продолжительностью в 1 час., а вечером работа кончалась на час раньше. По субботам шабашили в 11 ч. дня. Перед началом работ и по их окончании звонил фабричный колокол. За опоздание полагалось наказание. „А ежели кто... опаздывать будет—гласил 1-й пункт регул—хотя только и полчаса.... и такого штрафовать неотменно: за первый раз сильным вы-

говором, за другой раз—вычетом на один час из заслужаемой по пропорции дневной платы, за третий раз против вдвое, за четвертый раз вечером из дневной его платы половины и против того последнего чрез весь год, как часто опаздывать будет, и с нового году штрафование паки начинать одним вычетом". За прогулы „без законной причины, а именно для болезни и других тому подобных случаев" полагался в первый раз вычет из заслуженной платы, а в третий раз вычесть же против прогульных дней вдвое, и сверх того *бить его батожьем*, ибо никому без нужды от вседневной фабричной работы не отбывать".

Сверх работы в указанные часы, как уже отмечалось, р-ие были обязаны „денно и нощно", не исключая и праздников дневалить на ф-ке.

За испорченный товар с рабочего вычитали из заработных денег цену его—самый же товар возвращали рабочему—это в первый раз, во второй—товар уже не возвращался рабочему, а в третий—сверх того следовало *наказание батожьем*. За кражу с ф-ки наказывали на самой ф-ке „по пропорции покражи", а в важных делах наказывали „по государственным правам".

Суровые кары грозили р-м за непослушание. „Кто из надзирателей, мастеровых и работных людей—читаем в п. 8-м—фабричному содержателю или другим на ф-ке начальникам своим, к-рым почтение и послушность показывать весьма должны, непослушен или противен явится и грубыми ругательными словами, дерзостью их касаться будет, того за такие преступления и по пропорции оных наказать: *в первый раз плетьми, в другой раз батожьем*, с платежем или вычетом заслуженной платы на 3 м-ца; в третий раз ссылкою на один год в *каторжную работу*: а ежели кто дерзнет вышеупомянутых людей руками или побоями оскорбить, того *бить кнутом* и, по обстоятельствам дела, осудить в каторжную работу на несколько годов или вечно".

Заработная плата выдавалась по субботам, но с удержанием четвертой части ее; а ежемесячно производился полный расчет, причем при расчетах указывалось „штрафные наказания без всякого послабления в действо производить".

Правила эти регулировали и частную жизнь р-х. Так, р-м запрещалось играть „в какую-либо игру на деньги",—„наименьше же на публичной улице весьма в непристойном злочинстве пьянства являться под опасением неотменного за то

штрафу". Мастеровые и работные люди должны были не допускать чтобы жены их и дочери „дома праздно пребывали или гуляли, но паче их... на ф-ке такой работе обучать, какую исправлять могут". Если же этого нельзя было устроить, то фабричные содержатели должны были давать им работу на дом, ибо „таким двойным рачением они знатно в лучшее состояние придут и больше домашнего благословения ожидать имеют". За препятствование же таким работам их жен и дочерей мастеровых ожидали штрафы.

14 часовый раб. день и суровая дисциплина, поддержанная денежными штрафами, а особенно плетьми, батожьем, кнутом и каторжными работами—вот в каких штрихах рисуется рабочая жизнь по регулам, применявшимся на Углечаниновской и, вероятно, также на других полотняных ф-х.

Этот суровый режим тяготел не только над так назыв. поссесионными, но и над вольными р-ми, к-рых, как мы видели, было не мало в стенах ф-ки XVIII в. и к-рые работали рядом с подневольными р-ми. И их касалась эта система крепостной фабричной кабалы [1]) Насколько можно судить, правда, по отрывочным данным, вся жизнь их пропитывалась системой неукоснительного надзора. В „Протоколах 1785 г. Кинешемского городового магистрата" имеется такая, м. пр., характеристика, данная ф-нтом Григ. Талановым одному из своих р-х, Кинешемскому мещанину Андрею Потапову, отцу ткача, попавшегося в краже сработанного полотна: „и прежде отцу Ефимову, Андрею, от него Таланова, о непорядочном ткании детей [2]) проговорено было, то сего (внушения) и им не сделал, да и сам к работе прилежность не имеет, *и без воли их, Талановых* [3]), *отлучается на свадьбы в дружки*". Т. обр., отлучка на свадьбы без воли ф-нта ставилась в вину вольному рабочему.

---

[1]) Б. м., в некоторых случаях мы имеем дело и с настоящей кабалой, т. е. с личной зависимостью, выросшей на почве долговых обязательств. Ф-нт Григ. Таланов, м. пр., так писал в об'явлении, поданном в Кинеш. город. магистрат в 1785 г, „июля 7 дня на .. ф-ке по договорным письмам за взятые у него деньги Кинешемского мещанина Андрея Потапова сын... Ефим выткал" и т. д. Повидимому, за взятые у ф-нта деньги Ефим должен был отработать.

[2]) Следов., не один Потапов, но и его дети работали на ф-ке. Т. обр., фабричный промысел уже в XVIII, в., по крайней мере в отдельных случаях, захватывал целые семьи.

[3]) Ф-ка эта принадлежала Григ. Ив. Таланову обще с братом Андреем.

В тех же протоколах Кинешемского магистрата за 1785 г. находим некоторые другие бытовые черты из внутренней жизни Талановской ф-ки. Ф-ка это тщательно охранялась—у ворот при выходе с ф-ки стояла сторожевая будка, и возле нее денно и нощно находился на карауле сторож, неимевший права отлучаться с поста; помимо того в остальные части ф-ки, напр., в „восьмидесятную" ткацкую светелку, назначались дневальные.. Главное назначение этой охраны заключалось в предупреждении хищения р-ми сырых и сработанных материалов. Не довольствуясь этим, сам содержатель ф-ки, доверявший лишь своему хозяйскому глазу, ночью выходил из дому, как пишет он в своем об'явлении— „по домашней его экономии для наилучшей предосторожности ко осмотрению". Выйдя однажды (5 ноября 1785 г.) в 11 ч. ночи, ф-нт не нашел при будке сторожа—Кинеш. мещанина Астафьева. Р-ца Кинеш. купца Дм. Ив. Таланова видела из покоев своего хозяина, что Остафьев, „пришед. ко двору... мещанина Горностаева, принеся неведомо чего ношу белого (ф-нт подозревал, что это было похищенное с ф-ки полотно или пряжа), бросал чрез забор на тот Горностаев двор". Таланов, привлекши Остафьева, к ответственности по подозрению в краже, просил магистрат учинить ему наказание „также и за самовольную от препорученной должности с часов отлучку". Остафьев был взят под стражу, но, как неизобличенный в краже и „дабы под стражею не мог претерпеть какого изнурения", был выпущен „на вероятное поручительство" десятского из мещан Ив. Дехтерева и, по распоряжению бургомистра магистрата Дм. Поленова, приведен к Григ. Таланову для употребления в работу, но 12 ноября „без дозволения конторщиков" с ф-ки отлучился и больше не возвращался (после оказалось, он умер за Волгой—возможно, вследствие того „изнурения", какое претерпел, находясь под стражей). Мещанин Горностаев показал, что действительно Остафьев к нему приходил, какого числа, впрочем, не упомнит, но для взятия денег за иконописную работу, а „не для чего иного". 16 дек. 1785 г. магистрат слушал это дело, но т. к. Остафьев изобличен не был, то дело о краже было предоставлено „воли божией", „Чтож он, Остафьев—говорится далее в резолюции—в допросе своем показывал, отлучался от будки для слышания часов", то за самовольную отлучку „дабы другие так делать не отваживались, и надлежало б чинить ему наказание на месте, но оное за умертвием (Остафьева) оставить и сие дело числить решенным".

Хищения с ф-к материалов или готовых изделий, надо думать, случалось нередко, и ф-нты с этим настойчиво боролись. Мы упоминали уже о ткаче Талановской ф-ки Ефиме Андрееве, попавшемся в краже полотна с ф-ки. Дело о нем было возбуждено ф-нтом в магистрате[1]). Вина Ефима заключалась в недоткании полотна и в отрезании основы. Как об'яснял ф-нт (Григ. Ив. Таланов), Ефим „выткал (полотно) не против данной меры, а уже более дюйма, также редко и совсем против прочих плоше и мерою только 47 арш., а надлежало б 50 и более“. Того ж 10 июля староста при ткачах 80-ной светелки Зиновьев принес в контору конторщику Дементью Леонтьеву два обрезка основы—один каламенковый, а другой—равендуку, найденные схороненными под лубком у станка Ефима, об'явив, что „и примечается де, что он. Ефим, отрезал от того прописанной остаток куска, да и прежде видно по найденному от основы отрезку... чинил такие же товару их похищения“. Изобличался Ефим рядом данных; у куска последняя метка показывала 3 аршина, а надобно 5 арш.; затем Кинеш. мещанин ткач Ив. Латин видел, что „в звон ко всеношне Ефиму оставалось ткать еще с метку“, т. е. такое количество работы, „к-рое во всю ночь ему, Ефиму, соткать было невозможно“. Этот же Латин показал, что 6 июля, пред вечернею часа за 3 и более, Ефим „просил его, чтоб за него выткать полотна метку, в коей не менее 5 арш., почему ту метку и кончил тканьем во время всеношного звону и затем его окончанием оставалось еще доткать $3^1/_2$ арш., коего по случившейся тогда темноте за неимением огня выткать ему Ефиму не можно, а слышал он, Латин, от дневального здешнего новозаписного мещанина Ив. Вас. Воробья, что... Ефим срезал оное против воскресения к вечеру“. Староста 80-ной светелки Григ. Зиновьев подтвердил, что 7 июля (в понедельник) ткачи Вас. Мелин и Григ. Шипов нашли у Ефима у стану за лубком 2 отрезанных от основы конца. Неблагоприятные показания для Ефима дал и Воробей. Наконец, 27 авг. давал об'яснения в магистрате и сам ф-нт, указывавший, что если сданное Ефимом полотно „против выданной меры весом явилось сходственно (Ефим при допросе показал, что сдавал полотно конторщику на вес, что с весом было „сходственно“ и

---

[1]) См. „Протоколы 1785 г. Кинеш. город. магистрата“ (хран. в арх. Костр. Научного Об-ва). Дело это разбиралось в магистрате 27 сент. 1785г. В тексте приводим из него некоторые бытовые данные.

при той отдаче никакого препятствия не было"),—то оное нисколь ни мало ко оправданию не служит, ибо при тканьи такового сорту полотен, какое от него испорченное им, Ефимом, представлено, бывает шлихтовано мукою грешневою вареною с водою, а сверх оного и салом примазываемо, то посему и весом может сходственно быть", но что мера не сходится: должно быть в ширину 32 дюйма и в длину 50 арш., а „явилось длины 47 арш., ширины не тож само число, как долженствует быть, да и последняя метка короче, т. е. первых меток". Полотно свидетельствовали в магистрате—оказалось действительно 47 арш. Сделали справку—Ефим (от роду ему 17 л.) „напред сего в штрафах и наказаниях не бывал". Уже по подаче ф-нтам об'явления на Ефима в магистрат, туда в прихожую камеру являлась мать Ефима и „за оные отрезанные 3 арш. представила деньги 37 коп." Магистрат деньги матери возвратил. Ефим на допросе вину отрицал, говоря, что „подлинно выткал против меры и ничего основы не отрезывал"; как у него нашли два отреза под станом, не знает, что „оной кусок оканчивал против воскресения во всеношну и подлинно показанного по об'явлению не чинивал", и вообще, по словам магистрата „ни в чем не признавался". Испорченный кусок равендуку ф-нт оценивал в 8 руб.

Слушано и подписано дело было 29 сент. 1785 г. Резолюция магистрата гласила: „магистрат посиле ее имп. велич. 1781 г. 3 апреля указу 7 и 8 пп. за испорченное мошенническим образом значущую по делу дюймового полотна цену 8 руб. заработать тому, у кого смошеничал и испортил, да сверх того 6%, коего о употреблении в работу по силеКостр. нам. пр-ия указу, где он, Ефим, под стражей находится. к Кинеш. городнич. делом сообщить с тем, дабы оные благоволили по выработании Ефимом... вышеписанной суммы как его, так и деньги для законного исполнения прислать в здешней магистрат, коего по присылке испорченное полотно отдать ему, Ефиму, а деньги 8 руб. с 6%... ф-нту Григ. Таланову, а чтоб оный Ефим впредь такового мошеничества и испорчения не чинил, по силе 721 г. ноября 12 дня указа обязать поручительством, о обязании коего и для добропорядочного жития отослать Кинешемскому старосте при указе".

В тех же „Протоколах Кинешемского городского магистрата 1785 г." имеются данные по аналогичному делу о хищениях, заслушанному Кинешемским магистратом 18 дек. 1785 г. Привлекался к ответственности вольнонаемный кузнец полот-

няной ф-ки того же Григория Таланова (общей с братом его Андреем), кинешемский мещанин Петр Степанов Коковин (28 л., неграмотный) Вкратце суть дела заключается в следующем: ф-нт Григ. Таланов 11 дек. 1785 г. по полуночи, идя от заутрени, зашел на ф-ку „для осмотра" и за воротами, на дворе встретил кузнеца Коковина, у коего „осмотрел в пазухе" отрубки железа, и отослал его на шпулевую для заключения под стражу. Всего было похищено Коковиным 3 куска железа весом в 5 фунтов общею ценою в 10 коп. При дознании Коковин об'яснил, что был он с похмелья и железо взял, чтобы заложить его в каком-либо питейном доме. Выяснилось, что уже ранее он судился за кражу 1 р. 50 у одного мещанина. Магистрат присудил Коковина к отдаче с двумя ударами плетьми в рабочий дом для заработания 10 копеек да на них 3/4 коп. процентов и столько же (т. е. 3/4 коп. процентов) в пользу Таланова. причем покраденное железо возвратить Таланову, а заработанные деньги 10 3/4 коп. отослать в Костр. нам-во в приказ обществ. призрения, а Коковина по отбытии работ в рабочем доме обязать, чтоб впредь такового мошеничества и краж не чинил поручительством и отослать к мещанскому старосте.

Мы привели выдержки из дел о хищениях с ф-к материалов, п. ч. они дают некоторое представление о внутренней жизни полотняной ф-ки. Тяжелые условия фабричной работы и жизни, ее беспросветность деградировали тогдашних р-х, толкали их на путь хищений, к пьянству и проч. превращали их, с точки зрения ф-нтов, в „отпетых" людей, от к-рых те не знали, как избавиться. Характерные в этом отношении материалы найдены нами в одном из дел Канцелярии Костр, гражд. губ-ра [1]).

27 сент. 1816 г. мин. вн. д. (Осип Козодавлев) обратился к Костр. губ-ру с следующим отношением[2]): „Содержатель в г. Кинешме полотняной ф-ки купец Сергей Грязнов—говорится в этом отношении—вошел ко мне с просьбою, в к-рой из'ясняет, что на основ. указа, данного ему в 1801 г. из бывшей м.-р. коллегии, куплено им к полотняной его ф-ке в раз-

---

[1]) Дело № 583 о фабричных людях купца Грязнова 10 окт. 1816 г. (на 7 лл.).

[2]) Отношение это написано на бланке д-та м-р и внутр. торг., в то время состоявшего в ведении м-ва вн. д. и помимо подписи мин. вн. д. снабжено еще подписью директора д-та Матвея Штера.

ные времена некоторое число кр-н, коих по настоящей ревизии числится 11 душ и что фабричные люди сии, оказывая всегдашнее ему неповиновение и ведя невоздержную жизнь, делают беспрестанные утраты материалов, не радеют о своих должностях и вообще останавливают действие ф-ки. Дабы избегнуть крайнего расстройства и содержать ф-ку в надлежащем порядке, Грязнов просит меня исходатайствовать ему дозволение из числа состоящих при ф-ке его кр-н, трех из них самых невоздержнейших продать, а на место их принять такое же число людей поведения хорошего и способных к фабричным работам. Принимая во уважение просьбу купца Грезнова на счет претерпеваемых им от безпорядков фабричных людей убытков и желая доставить ему способы к содержанию ф-ки его в хорошем устройстве, я покорнеше просил Ваше Пр.во приказать на месте выправиться и доставить мне удостоверение, действительно ли фабричные кр-не его, Грязнова, ведут невоздержную жизнь и оказывают ему не повиновение, употреблял ли он надлежащие средства к их исправлению, приносил ли он жалобы на то в присудственные места и чем в оных жалобы таковые решены были, с присовокуплением мнения Вашего об отвращении на предбудущее время таковых неустройств".

Получив это отношение, губ-р тотчас же разослал соответствующие запросы в Кинешму—городничему, в уездный суд и в городовой магистрат.

Из рапорта Кинешемского городничего Хрущева видно, что жалобы Грязнова на его фабричных начались еще в 1812г. Еще 15 окт, 1812 г. Грязнов подавал Кинеш. городничему—предместнику Хрущева, „об'явление, что кр-нин его Епифан Козмин обращается в пьянстве, делает разные неблагопристойности и уклоняется от должной на ф-ке работы, просил отдать того Кузьмина на учрежденную в губ. г. Костроме казенную суконную ф-ку[1]) впредь на 2 м-ца, на к-рую и был он отправлен, а по истечении двухмесячного срока обращен к хозяину его купцу Грязнову, к-рой после того и со времени вступления моего (Хрущева) в настоящую должность неоднократно приносил мне словестные жалобы на невоздержное житие и разные беспорядки как того Кузьмина, равно и

---

[1]) Речь, очевидно, идет о суконной ф-ке Приказа общественного призрения в Костроме.

прочих некоторых его кр-н, при ф-ке находящихся, кои по жалобам сим забираемы несколько раз и воздерживаемы были на с‘езжей и даже по воле владельца соразмерно их вине наказываемы и употребляемы были в городовую работу, но и за всем тем в поведении не исправляются, А 3 мая сего года трое из кр-н Грязнова: Аника Козмин, Епифан Козмин и Платон Степанов с ф-ки его бежали, учиня сносу разного имущества по оценке на 4 р. 60 к[1].... Сверх того купец Грязнов в поданном ко мне об‘явлении из‘являл подозрение на тех же кр-н своих и в краже с протчим у него имуществом пропавшей с ф-ки его пряжи ценою на 50 р.“[2]).

19 мая 1816 г. дело от городничего поступило в Кинеш. уездный суд и 10 июня по резолюции общего Кинешемского уездного суда и городового магистрата присудствия „в сходствие указа 1726 г. дек. 13 дня“ было отослано в Кинеш. городовой магистрат.

Из справки, присланной Костр. губ-ру Кинеш. магистратом, видно, что из бежавших фабричных двое были пойманы: 17 мая—Епифан Козмин и 23 мая—Платон Степанов и содержались на с‘езжей[3]). Грязнов просил пойманных фабричных допросить об их побеге „где они проживали и не учинили ли какового законопротивного поступка“. При допросах, как в городническом правлении, так и в магистрате Козмин и Степанов в побеге от хозяина и в сносе от него разного имущества по оценке на 4 р. 60 к. „сами добровольно признались“, как сказано в справке магистрата; „в других же преступлениях ни в каких по делу не оказались[4]), и для того мнением магистрата и решением Костр. уголовной палаты утвержденным Вашим пр-ством (губ-ром), на основ. указов сего 1816 г. мая 31 и 754 года мая 13 числа 31-й пункт, по воле владельца Грязнова кр-не Козмин и Степанов присуждены к выдержанию в смирительном доме на 3 м-ца, для чего и отчислены в Костр. приказ общ. призрения, а более

---

[1]) Имущество это, как видно из справки Кинеш. уездного суда, было заложено у служителя в Спасском питейном доме.

[2]) Похищена пряжа была с поварни.

[3]) „А третий—Аника Козмин—как писал городничий (28 окт.)—и поныне находится в бегах“.

[4]) Здесь имеется в виду, гл. обр., снос пряжи, в чем, как сообщил городничей, Кузьмин и Степанов не признались, а потому и решением уголовной палаты в том не обвинены“.

дел о кр-нах купца Сергея Грязнова и жалоб от него на невоздержное житие или противузаконные поступки тех его кр-н приносимо магистрату не было“ [1]).

Собрав требуемые сведения и справки, губ-р сообщил, их в донесении от 12 дек. 1816 г. мин вн. д. К„ воздержанию фабричных кр-н купца Грязнова от таковой распутной жизни и закоснелых в своих поступках—писал он в этом донесении —не могу предположить других мер как только... дозволить Грязнову испрашиваемое им количество распутнейших трех ч-к продать, ибо хотя к исправлению и воздержанию их и приемлемы были владельцем все средства законами предписанные, но за всем тем они ни мало в поведении своем не исправились, почему и на предбудущее время невозможно иметь надежды, что люди сии, столь долговременно пребывающие в пороках, могли без особенных каких-либо средств обратиться к жизни трезвой и на честных правилах основанной“.

Чем кончилось это дело, получил ли ф-нт разрешение на продажу фабричных, мы не знаем.

Помимо приведенных известно еще несколько случаев побега крепостных или приписных р-х с ф-к. Напр., из приписанных к Костр. полотн. ф-ке Ашастина кр-н с-ца Прудище с деревней в 1786 г. бежал писанный в сказках 4-й ревизии (1782 г.), Николай Степанов (27 л. от роду); бежав, он зашел в Астраханскую губ. и там по указу 15 авг. 1801 г. был причислен в казенное ведомство [2]). В 1787 г. бежал с ф-ки Углечанинова приписанный к ней кр. Яковлев; бежав, он шатался по разным местам, пока наконец не был пойман без паспорта в Рязани [3]). Подобные случаи, число к-рых с разработкой архивных материалов, вероятно, умножится, должны свидетельствовать о стремлении фабричных выбиться на свободу и в качестве таковых должны быть зарегистрированы.

Нередко были также попытки достичь той же цели помощью так назыв. легальных средств, опираясь на законы и указы. Некоторые из таких случаев мы и приводим ниже. Выше мы приводили содержание сенатского указа Костр. наместническому пр-ию от 13 марта 1786 г.

---

[1]) Также городничий и уездный суд сообщили, что больше дел Грязновских фабричных у них в производстве не было.

[2]) См. Сенатское дело № 4407 по прошению купца Ашастина о покровительстве по делу его о бежавшем с полотняной его ф-ке кр-нине 1803 г.

[3]) См. Сенат. дело 1794 г. № 1663. Точное заглавие этого дела приводим далее, излагая историю освобождения Яковлева от рабства Углечанинову.

Благодаря этому указу целому ряду р-х, приписанных к ф-м после 1762 г., удалось добиться освобождения. Так, в числе находившихся при полотняной ф-ке купца Углечанинова был, м. пр., церковнический сын Бердников, отданный ему по выписи от Костр. провинц. канцелярии. Из рапорта Костр. наместнического правления Сенат усмотрел, что выпись Углечаниновым на Бердникова была взята в 1763 г., т. е. после именного указа 1762 г., и, хотя наместническое пр-ие в рапорте своем и писало, что Бердников и после указа 1786 г. был оставлен за Углечаниновым, „яко бы он отдан ему был до 1762 г.", но „как на него до 1763 г. выписи он (Углечанинов) не имеел, следов., не был в праве им владеть, хотя же в том году оную и получил, но в противность означенного высоч. 1762 г. указа, почему она никакой силы и иметь не может,—сенат, опираясь на указ 1786 г., указом 17 генваря 1790 г., „приказал Костр. нам. пр-ию предписать Костр. каз. палате, чтобы она, Бердникова от ф-нта отобрав, поступила с ним по содержанию упомянутого указа сената от 13 марта 1786 г." [1])

Вообще стремление фабричных, закрепощенных ф-нтам, выйти на свободу иллюстрируется рядом данных. Если не удавалось базировать при этом на указе 1786 г., старались найти другое легальное основание для выхода на свободу. Мы упоминали уже о кр-нине Николае Степанове, бежавшем от ф-нта Ашастина в Астраханскую губ., где он, по указу 15 авг. 1801 г., был причислен в казенное ведомство. Из сенатского дела можно почерпнуть некоторые подробности, не лишенные интереса, относящиеся к попытке ф-нта Ашастина удержать при себе семью бежавшего [2]).

По указу 19 июля 1797 г. повелено было оставить на месте зашедших в Астраханскую губернию помещичьих кр-н и, снабдив их землею, считать принадлежащими тому, чьи они были по 4-ой ревизии, зачтя помещикам их за рекрут по узаконению. По высоч. именному указу прав. сенату 15 авг. 1801 г. этих кр-н повелено было причислить в казенное ведомство и обложить податями наравне с прочими госуд. поселянами.

---

[1]) См. Арх. каз. палаты. Указы 1790 г., лл. 15 и 16.

[2]) Дело, по к-рому изложена история Степанова, озаглавлено „№ 4407. По прошению купца Ашастина о покровительстве по делу его о бежавшем с полотняной его ф-ке кр-нине. 1803 г.".

По причислении Степанова в казенное ведомство Астраханское губернское пр-ие через Костромское затребовало об отобрании от Ашастина оставшихся при его полотняной ф-ке жены Степанова, Авдотьи Ивановой, с сыновьями Иваном большим, Иваном меньшим и Прокофьем и дочерью Дарьей, к-рая состояла уже в замужестве (В 1803 г. Ивану большому было 25 л., Прокофию 15 л., Дарье 27 л., а Иван меньшой еще раньше помре) и о снабжении их паспортом для свободного проезда их к Степанову. Ашастин, хотя Степанов, как об'ясняет он в прошении на имя мин. юст. (в январе 1803 г.), и по ныне не зачтен за рекрута и зачетную за него квитанцию не получил, по предписанию Костр. губ. пр-ия представил в Костр. градскую полицию жену Степанова (16 янв. 1802 г.), а о детях, сообщив их лета, донес Костр. губ. пр-ию, что, лишась их, ф-ка „потерпит великую растройку, тем паче, что из числа их один управляет при этой ф-ке конторою и по одиначеству моему необходимо мне нужен", прося губ. пр-ие, чтобы от него Степанова детей не отбирать. О том же он просил и главного директора м-р-коллегии и кавалера князя Николая Борисовича Юсупова, по предложению которого м-р-коллегия просила Костр. губ. пр-ие оказать Ашастину покровительство в случае вторичного требования Астраханским пр-ем об отобрании детей Степанова от Ашастина. Тем не менее Астраханское пр-ие настойчиво требовало отобрания детей Степанова, „не приемля" от Ашастина, по его словам, „никаких оправданий, основывая свое требевание на высоч. соизволении, из'ясненном в отношенил бывшего генерал-прокурора князя Алексея Борисовича Куракина от 20 июня 1798 г. к Астраханскому губ-ру последовавшем на представление о дозволении заселяющимся в Астрах. губ. беглым отправиться на прежние жилища и перевести жен с детьми их в ту губернию" Ашастин оспаривал это право, указывая, что в имен. указе 15 авг. 1801 г. „неиз'яснено высоч. воли, чтоб детей оставшихся после беглых кр-н, поселенных в Астрах. губ., отобрать от владельцев их и посылать в Астрахань для общего с отцами их жительства". В прошении своем (январь 1803) к мин. юст. Ашастин „всенижайше" просил об оставлении детей Степанова в его владении", „дабы,-прибавлял он—отобрание их от меня не послужило отцам других семейств случаем к побегу в чаянии себе и детям их доставить свободу и чрез то бы ф-ка моя не потерпела чувствительной расстройки и разорения". На прошении этом имеется такая пометка, от 23 марта 1804 г.,

завершившая самое дело; „как дело сие давно должно быть в судебных местах, да и от просителя жалобы не происходило, то и отдать оное в архив“.

В 30-х гг. 19 ст. в Костр. губ. правлении разбиралось дело кр-нина Василия Горшечникова о свободе из владения Углечаниновой [1]). Горшечников доказывал свою непринадлежность Углечаниновым происхождением из купецкого сословия и тем еще, что купчиха Углечанинова не имеет на него с семейством никакого акта. Но Углечанинова представила указ Костр. провинц. канцелярии от 11 июня 1761 г., данный содержателю в г Костроме полотняной ф-ки купцу Ивану Углечанинову; из этого указа видно было, что отец Горшечникова—Николай Макеев Горшешников „всегдашнее проживание имел на ф-ке его и был отдан в рекруты; после, за переменою вместо его купленным тем Углечаниновым у помещика Раздеришина крестьянином Дементьем Соколовым, провинц. канцелярией на основании указа Прав. Сената 1759 июня 7-го оставлен с женою в вечном и потомственном владении купцов, а ныне уже дворян Углечаниновых“. Ознакомившись с этим указом, губ. пр-ие определило:„ как проситель Василий, так и происшедшее от него семейство неот‘емлемо принадлежать должны наследнику предков Углечаниновых малолотнему сыну опекунши, дворянки Серафимы Углечаниновой, и потому губ. пр-ие, не имея в виду никаких особенных обстоятельств, кои бы могли противоречить решению провинц. канцелярии, основанному на указе Правит. Сената, в свободе ему с семейством из владения Углечанинова отказало“ (из рапорта Костр. губ. прокурора от 19 мая 1839 г.). Д-т м-ва юстиции по этому делу положил 2 июня 1839 резолюцию о передаче просьбы Горшечникова министру финансов, т. к. дело было отослано еще на рассмотрение в д-т м-р и внутр. торговли. Чем кончилось это дело, мы не знаем.

Поучительна история одного из фабричных—Яковлева, с которой знакомит нас дело, доходившее до Сената [2]). Это—история закрепощения ф-нту и освобождения от зависимости

[1]) Сенат. дело, по архиву № 3185, кр-нина Горшешникова о свободе из владения Углечаниновой. Началось апреля 19 дня 1839 г. Арх. б. Костр. Губ. Уч. Арх. Кол.

[2]) Дело 1794 г. № 1663. По рапорту правящего должн. Влад. и Костр. ген. губ-ра ген. поручика Заборовского, при к-ром прилагает в рассмотрение Сената копию с определения Костр. гражд. палаты, что она бывшего при ф-ке Костр. купца Углеч. экономич. кр-нина Яковлева за побег с той ф-ки присудила к наказанию к ссылке на Нерчинские заводы“.

от него кр-нина. Дело это заключается в следующем. Крестьянин Костромского уезда экономической вотчины села Святого деревни Стрельниково Григорий Яковлев в 1773 г. был представлен от вотчины в Костромскую провинциальную канцелярию в 51-й набор в рекруты. „но как он будучи издавно при ф-ке (Костр. купца и ф-нта Козьмы Иванова Углечанинова) мастером и положенного по обязательству его времени еще не выжил", то ф-нт (Козьма Ив. Углечанинов) прошением, поданным в названную канцелярию 10 октября 1773 г., просил от отдачи его Яковлева в рекруты уволить, и отдать его на показанную работу обратно и о причислении его к той ф-ке дать выпись, а вместо Яковлева за ту экономич. в-ну на основ. указа сената 1759 г. представил в рекруты одного из своих крепостных людей, купленных еще до запретительного указа 8 авг. 1762 г.— крестьянского сына Костр. уезда Дуплехова стану села Семеновского дер. Скалова Ефима Петрова.

Петров в рекруты был принят, а Яковлев „по собственному его желанию отдан во владение... Углечанинову, на которого со взятием указных пошлин и поголовных денег в том же году и владенная выпись дана" с тем, чтобы в будущую ревизию об'явить Яковлева к положению в подушной оклад по его Углечанинова вотчине.

При ф-ке Углечанинова Яковлев жил по 1787 г., а в марте этого года „бежал и шатался по разным местам, а наконец, будучи в Рязани, в неимении паспорта пойман и о себе показал, что он Костромской мещанин". За побег Яковлева судили. Дело его прошло несколько инстанций. Костромской городовой магистрат вынес решение об укреплении Яковлева за Углечаниновым. На это „неправое" решение городового магистрата Яковлев подал аппелляционную жалобу. 13 дек. 1792 г. Костр. губернский магистрат (2-й департамент) слушал экстракт из дела, присланного ему на апеляцию. Д-т, на том основании, что Углечанинов, получивший владенную выпись после 1762 г., на основании указа 1786 г. и не имел права владеть Яковлевым, отставил решение городового магистрата об оставлении Яковлева в укрепление у Углечанинова и предписал городовому магистрату отослать Яковлева в Костр. казен. палату для причисления его в прежнее казенное ведомство в экономич. кр-не села Святого. Яковлев и на это

решение аппелировал.[1]) Решительное определение Костр. гражд. палаты от 19 апреля 1794 г., куда было перенесено дело „о отобрании кр. Григ. Яковлева *из рабства* Костр. купца Козьмы Углечанинова“ (официальное название дела), гласило так: „помянутого кр. Яковлева за побег и перемену своего звания и за отбывательство своего владения для поступления с ним по силе законов отослать в Костр. губ пр-ие при сообщении, а ему, Углечанинову, следует учинить зачет за рекрут и в том дать квитанцию“, при этом палата просила Губ. пр-ие „дабы оный Яковлев из города не мог учинить утечки, то Костр. управе благочиния предписать указом и велеть за ним иметь надлежащее смотрение.

Для того, чтобы понять, что значило выражение—поступить по силе законов, надо иметь в виду, что по указу 13 мая 1754 г. и по 24-му пункту генерального о наборе рекрут учреждения предписывалось беглым людям и кр-нам, кои, бежав от кого, написали или впредь себе напишут воровски отпускные или имена себе переменят и прямых своих владельцев утаят, чинить наказание—бить плетьми и писать в службу или погонщики, а негодных ссылать к Нерчинским заводам, чиня определение это, а также и ссылку на заводы с воли помещиков, и посланных в ссылку зачитать в рекруты, дабы помещики из того себе убытков нести не могли.

Ф-нт (Григорий Углечанинов, родной племянник основателя ф-ки) не пожелал взять в рабство Яковлева и просил о поступлении с ним по записям, т. е. о ссылке его в Нерчинские заводы.

И на это определение Яковлев принес жалобу правящему должн. Влад. и Костр. ген. губ-ра ген. поручику Заборовскому. В жалобе Яковлев указывал, что палата, игнорируя

[1]) Аппелируя, Яковлев, видимо, добивался того, что бы он был обращен не в казен. ведомство, а согласно указа 1786 г. в такой род жизни, в какой он сам пожелает. М. пр., в деле Яковлева есть одна, к сожалению, невыясненная деталь. В аппеляционной жалобе, поданной в губернский магистрат, Яковлев в рукоприкладстве под экстрактом жаловался, на „во время бытности его июня 15 дня прошлого 1791 года в приходской Ильи Пророка церкви за всеношной в приходе во оную церковь купца Углечанинова фабричных кр-н во многолюдстве неблагопристойным образом и в тащении сильно из церкви“, прося „об этом происшествии снестись с управою благочиния“. Как кажется, это происшествие надо понимать таким образом, что по подговору Углечанинова его фабричные пытались насильно увести Яковлева, бывшего до решения суда на свободе, на ф-ку, т. е. арестовать.

указ сената 13 марта 1786 г., даже и не входила в суждение, следует ли ему, Яковлеву, быть свободным и обращенным в казен. ведомство или остаться при ф-ке; вместе с тем палата не дозволила Яковлеву просить на решение свое апеляции.

29 сент. 1794 г. Заборовский представил в Сенат рапорт, в к-ром, ссылаясь на мнение Губернского магистрата, а также наголос ассесора гражд. палаты Степанова, полагавших необходимым отобрать Яковлева от ф-ки „яко незаконно причисленного и о обращении в прежнее состояние," высказался также за отобрание Яковлева от ф-ки, „тем больше, что он при вступлении своем (на ф-ку) обязывался на время быть при оной, и поелику Углечанинов присваивает его потому только, что за него поставил в очередь рекрута из крепостных своих, что проситель по мнению моему, как и губернский магистрат полагает, заменил то долговременной работою". Заслушав рапорт Заборовского, Сенат вынес след. определение (26 июля 1799 г.): „поелику бывшая Костр, провинциальным канцелярия не имела отнюдь власти делать мену означенного кр-нина Яковлева на крепостного ф-нта Углечанинова человека, а паче после состояния именного 1762 г. августа 8-го дня указа, не позволявшего заводчикам и ф-нтам покупать к ф-м и заводам людей, укреплять за него, яко не имевшего к тому права, следов., и учинила оное в противность того узаконения, а посему решение бывшего губернского магистрата и голос ассесора гражд. палаты, а согласно с ними и г-на правившего должность ген. губ-ра мнение, опровергающие таковую незаконную мену и укрепление и полагающие соответственно именного 1762 г. указу и последовавшему от сената в 1786 г. предписанию, отобрать того Яковлева от ф-ки его, Углечанинова, и обратить в прежнее состояние, не зачитая ему поставленного за него, Яковлева, собственного человека в рекруты в будущие наборы за рекрута, п ч. он, Углечанинов, следовал единой только своей воле без всякого со стороны закона побуждения да и что тот Яковлев втечение бытия у него, Углечанинова, на ф-ке не малого времени заменил то своего работою, Сенат, находя правильным, определяет произвесть оное в исполнение, а определение палаты гражданской, яко присуждавшее незаконно сего казенного крестьянина за побег от него, Углечанинова, наказать и сослать на Нерчинские заводы по воле его, Углечанинова, а ему зачет учинить за рекрута на праве владельческом, не имевшему оного, и в сущую противность означенных узакoнениев, отставить, о чем и предписать Костр. губ. пр-ию и тамошней казенной палате, сей палате суда и расправы дав приметить о таковом ее несоответственном

с указаниями определении, как и о недопущении ›сего казенного крестьянина, отыскивавшего законной свободы взять апеляции, [1]) подтвердить чтоб она впредь в расматривании и решении дел поступала с лучшею осмотрительностью и по точной силе изданных узаконениев под опасением в противном случае поступления с нею по строгости законов",

Т. обр., Сенат решил дело в пользу Яковлева (м. б., потому, что здесь интерес казенный столкнулся с интересом частным), но решение это для Яковлева оказалось уже запоздалым, ненужным. Когда стали приводить его в исполнение и отыскивать самого Яковлева, то Углечанинов донес, что у него Яковлева и жены его при ф-ке не имеется уже тому более 5 лет и где Яковлев—ему неизвестно, но жена Яковлева об'яснила, что муж ее в бытность его в СПБурге 19 января 1798 г., находясь по болезни в градской больнице, помер [2]).

Чтобы покончить с попытками отдельных крепостных, принадлежавших ф-нтами, выйти на свободу, приведем еще некоторые данные, не лишенные интереса, из Сенатского дела 1830 г. „об отыскиваемой дворовым ч-ком Стригалева свободе" [3]) Суть этого дела сводится к следующему. Костр. купец Федор Борисов Стригалев (ныне, т. е. 1830 г., дворянин, как сказано в прошении) в 1813 г. купил у подполковника и кавалера Дм. Алексеевича Думашева крепостного Филимона Кондратьева с женой, двумя сыновьями (в т. ч. с просителем Федором Филимоновым) и дочерью, но „по неимению тогда права крепить на себя людей", укрепил их на имя помещика Алалыкина. По словам Федора Филимонова, последнее доказывалось тем, что купленные люди „с самой той покупки имели всегдашнее жительство у купца Стригалева, исправляя разные

---

[1]) Гражд. палата. м. пр., предполагала оштрафовать и городской и губернский магистраты за принятие от Яковлева апеляционной жалобы. В ее определении говорится: „поелику городовым и губернским магистратами от Яковлева просьбы приняты были... а тем самым и дело заведено в апеляцию до палаты к одному только затруднению, за что и подлежали бы оба магистрата „оштрафованию" и т. д., но все же магистраты были оставлены без взыскания.

[2]) По 5-й ревизии Яковлеву было 40 л., писан он был тогда за Петром Ив. Углечаниновым, родным дядей Григория Углечанинова, при его ф-ке в числе работных людей.

[3]) Хран. в арх. Костр. Науч. Об-ва, на 12 листах. Приводимые в тексте сведения взяты из прошения двор. ч-ка Стригалева—Федора Филимонова к мин. юст. от 7 июля 1830 г.

по дому его послуги без всяких условий и узаконенных видов, долженствовавших выдаваться ежегодно от г. Алалыкина в ограждение его собственности“, если бы они подлинно были его крепостные люди. Находясь за Стригалевыми, Федор Филимонов женился на бывшей Ярославского сиротского дома воспитаннице урожденной шведской нации Елизавете Петровой и в Яросл. уездном суде возбудил дело о даровании ему, его жене, а также отцу, брату и сестре свободы. Первоначально дело это рассматривалось в Ярославском уездном суде, постановившем в просимой свободе просителям отказать. Филимонов перенес это дело на аппеляцию Яросл. палате гражд. суда, где последовал также отказ. На решение палаты просители из‘явили неудовольствие и обратились во 2 д-т Сената. Жалоба эта была возвращена по формальному поводу—просители не означили в ней место своего жительства. В феврале 1829 г. просители послали в Сенат вторичную жалобу, в к-рой м. пр., доказывали непрерывное их у Стригалева жительство ссылкой на подававшиеся ежегодно в Костр. духовную консисторию причтом Костромской Спасо-Преображ. церкви, именуемой в Подвязьи, исповедные книги, в к-рых просители писаны были всегда находящимися в прислугах при доме Стригалева; указывали также, что в этой же церкви погребена и мать их, что может также удостоверить Ярославский посадский Иван Жохов, в 1814 и 1815 гг. живший у Стригалевых в кучерах, с к-рым Федор Филимонов „неоднократно, будучи Стригалевым послан, ездил в Ярославль для взятия сына его из Демидовского училища на ваканциальное время и обратно с тем же Жоховым отвозил в оное училище“ „Стригалев—говорилось далее в этом прошении —во вторично отобранном от него Костр. градской полициею об‘яснении, насчет помянутого нашего у него жительства, отчасти признался, показывая, м. пр., что Филимон Кондратьев с женою подлинно жили при доме жены его Стригалева, а о прочем семействе Филимонова, в числе коего и я, сын его Федор, нахожусь, хотя и умолчал и полициею о сем не допрошен, однакож те же самые исповедные книги изобличат его в последнем сем обстоятельстве“. В качестве одного из существенных аргументов просители ссылались на значащееся в деле показание церкви Ярославского дома призрения ближнего священника Михаила, венчавшего Федора Филимонова и удостоверявшего, что „сын купца Стригалева Демидовского училища студент Николай Федоров, бывши с ним, священником, на наших сговорах и прося венчать нас, подписался под обыском и уверял его, священника, что из нас Федор Филимонов есть точно двор. ч-к отца его, Стригалева,

укрепившего все то семейство на имя г. Алалыкина, по неимению токмо права крепить на себя". Это вторичное заявление Филимонова, просившего Сенат о даровании ему и его семейству свободы оставалось без ответа 1 год и 5 месяцев 17 июня 1830 г. Филимонов подает прошение уже самому мин. юстиции (как видно из прошения, Филимонов жительствовал в то время в Ярославле). На этом прошении 2-й д-т Сената положил такую резолюцию: „поелику... Федор Филимонов доказывает, что он никогда помещику Алалыкину не принадлежал, а куплен на имя его бывшим купцом Стригалевым, у кого находился, каковое обстоятельство в настоящем существе еще не исследовано и подлежит на осн. указа 19 февр. 1824 г. рассмотрению Губ. пр-ия, то согласно с определением Яросл. гражд. палаты дело сие препроводить в тамошнее губ. пр-ие с тем, чтобы оно..., собрав все нужные сведения, постановило на законном основании определение." Дальнейшая судьба этого дела нам неизвестна, но заслуживает внимания та энергия, с какой Филимонов, также как и другие крепостные фабричные, вел борьбу за свое освобождение, перенося дело из инстанции в инстанцию, бомбардируя прошениями сенат и м-во юстиции,

Наряду с попытками отдельных р-х выбиться из фабричной кабалы должны были происходить и массовые движения р-х на почве недовольства фабричными порядками. Фабричная история XVIII в. других районов знает ряд таких случаев. В частности, для соседнего с нами Ярославля можно отметить, пользуясь уже называвшейся работой А. Ф. Грязнова (стр. 204—337), ряд волнений р-х втечении XVIII и первой половины XIX в. Большая Ярославская м-ра Затрапезновых была основана в 1721 г. В 1772 г. р-ие этой м-ры подают начальству коллективную жалобу на невыпуск их со двора м-ры и на переселение части р-х на жительство из Толчковской слободы в Лесную и Крестовскую улицы—во время свирепствовавшей тогда в Ярославле чумы. В 1798 г. р-ие той же м-ры коллективно просили о прибавке платы „за заработанные штуки". В период 1803—1806 гг. на той же м-ре происходят волнения р-х в связи с крайне тяжелым их экономическим положением. Волнения эти выразились в форме пред'явления просьб об улучшении их положения владельцам м-ры, затем в подаче жалоб губ-ру и в губ. пр-ие, наконец, в посылке выборных к самому царю в ПБург. В 1817 г. домогательства р-х возобновляются и продолжаются втечение целых 7 лет (по 1824 г.) и т. д.

Происходило ли что-либо подобное на Костромских полотняных ф-х? Надо думать, что да. Нам удалось среди Сенатских дел, в свое время переданных в Костр. Губ. Уч. Арх. комиссию, отыскать одно дело, проливающее некоторый свет на положение р-х на полотняных ф-х г. Костромы в 20-х гг. 19 ст. Дело это, снабженное № 539, носит заголовок: „По прошению Костр. ф-нта купца Петра Углечанинова фабричного Максимова 1818 г. (на 23 листах) [1]. Так как дело это, в качестве одного их наиболее ранних известных пока документов, рисующих положение Костромских фабричных р-х в первую четверть XIX в. и их зачаточные попытки улучшить его, представляет несомненный интерес, то далее мы излагаем его с исчерпывающей полнотой[2]).

17 мая 1818 г. фабричный мастеровой Григорий Максимов прислал министру юстиции ген.-от инф. и разных орденов кавалеру князю Дм. Ив. Лобанову—Ростовскому прошение, в к-ром (цитирую по справке частного отделения м-ва юстиции) из'яснял, что „оный Углечанинов, пользуясь оказываемым будто бы ему со стороны Костромских граждан-

---

[1]) По описи дел Канц. Костр. Губ-ра за 1818 г. значится, м. пр., дело № 222 от 26 апреля 1818 г. „о явившихся с словесною жалобою фабричных людях на содержателя ф-ки Углечанинова (на 27 лл.)“. Очевидно, дело это одного же содержания с сенатским. К сожалению, розыскать его нам не удалось.

[2]) Необходимо кстати отметить, что весьма вероятно, что брожение р-х на ф-ке Углечанинова в Костроме, описываемое далее, явилось отголоском волнений, бывших до того (в 1817 г.) в Ярославле на ф-ке того же Углечанинова. Туг.-Барановский (стр. 119) в числе известных ему случаев волнений на 23 посессионных ф-х, м. пр., упоминает о волнениях на ф-ке Углечанинова в г. Ярославле (Малая Яросл. м-ра) в 1817 г.—по случаю низкой платы. На стр. 120 он указывает, что „точно также на чрезмерные уроки жаловались р-ие полотн. ф-ки Углечанинова. Жестокое обращение ф-нтов, побои, истязания вызывали жалобы р-х на 6 ф-х“, в т. ч. и на ф-ке Углечанинова. Из сопоставления названных страниц видно, что речь идет об Ярославской ф-ке Углечанинова. Подробнее Ярославское волнение Туган-Барановский описывает далее (стр. 134—135). „Р-ие Малой Яросл. м-ры, принадлежавшей купцу Углечанинову,—пишет он—имели еще более поводов к жалобам, т. к. у них плата была еще ниже, чем на ф-ке Яковлевых. В 1817 г. они подали Яросл. губ-ру просьбу об увеличении платы, причем жаловались также и на жестокости владельца. Губ-р приказал Углеч. увеличить плату и, действительно, плата была увеличена, но ненадолго. При помощи вычетов и штрафов, ф-нт вернул плату к прежнему уровню, и р-ие снова начали подавать жалобы. Весьма любопытно, что местная и центральная власти относились к этим жалобам очень различно. Яросл. губ. пр-ие в 1824 г. признала просьбы фабричных основатель-

ского губ-ра и полицийместера послаблением, причиняет разные притеснения и жестокие наказания фабричным своим и что один из них, осмелившийся обнаружить таковые противозаконные его поступки, оканчивает жизнь от побоев, а он, проситель, содержится безвинно в смирительном доме“. Сообщая изложенное, Максимов просил, чтобы о поступках Углечанинова было поручено исследовать советнику Костр. губернского пр-ия Никифорову и губ. стряпчему казенных дел Попову. 30 мая поступило в м-во прошение и от самого Углечанинова, сообщавшего, что управляющий делами его фабричный Старцев[1]), вышедши из повиновения, живет с просроченным паспортом в ПБурге и не является в Кострому для отдачи отчетов, и, хотя (он, Углечанинов) просил г. мин. вн. дел о высылке к нему Старцева, но министр отозвался, что просьба сия до него не относится; а между тем прочие его фабричные, видя пример Старцева, начали уклоняться от повиновения ему, Углечанинову, и он вынужден был из числа их означенного Максимова посадить в смирительный дом, почему просит, чтоб Ваше С-во приказали выслать означенного Старцева из ПБурга в Кострому“.

Т. к. жалоба Максимова „простиралась“ частью и на Костр. гражд. губ-ра, а прошение Углечанинова относилось до ПБургской полиции, то 18 июня прошения как Максимова, так и Углечанинова были препровождены к СПБургскому воен. губ-ру. Последний уведомил (13 июля 1818 г.) мин. юстиции, что Старцев в октябре 1817 г. входил к нему с жалобою на Углечанинова в притеснении его с братьями, но что он препроводил эту жалобу к мин. вн. дел, т. к „жалобы фабричных людей на притеснения, чини-

---

ными и предписало, „чтобы 1) фабричная задельная плата производилась не в меньшем отнюдь количестве против платимой на Якозлевской ф-ке... и как всех вообще дровами и свечьми, так и малолетных и престарелых, к работе уже неспособных, хлебом и денежными пособиями довольствовать по примеру той ф-ки“. Между тем, д-т м-р и торговли нашел, что распоряжение Яросл. губ. пр-ия, настаивавшего, чтобы р-ие Углеч. получали такую же плату, как и на ф-ке Яковлева, „ни с чем не сообразно“ и потому полагал „полезнейшим предписать гражд. губ-ру, не приводя в исполнение постановления губ. пр-ия, употребить неослабное наблюдение, чтобы Углеч. старался о благосостоянии мастеровых“; с этим мнением согласился и Канкрин, и дальнейшие жалобы р-х Углеч не имели никакого результата.

[1]) Дело Старцова в приложении к настоящему очерку изложено нами с достаточной полнотой.

мые им со стороны ф-нтов, по состоянию оных в ведомстве м-ва вн. д. более принадлежат до сего м-ва". Туда же он переслал просьбы Максимова и Углечанинова, прося сообщить, нет ли каких препятствий к высылке Старцева по желанию Углечанинова из ПБурга в Кострому. Мин. вн. д. (Осип Козодавлев) затребовал от Костр. гражд. губ-ра по содержанию жалобы Максимова об'яснения и вместе с тем, „дабы открыть настоящую в деле истину", просил мин. юстиции с своей стороны приказать чрез губ. прокурора собрать верные по этому предмету сведения.

1 октября 1818 г., собрав нужные сведения от Приказа общественного призрения и от надзирателя рабочего дома (о причине пребывания в нем Максимова), от Костр. уездного стряпчего правящего его должность уездного секретаря Нагорова и от полицийместера,—правящей должность Костр. губ. прокурора губернский угол. дел стряпчий Иван Доброхотов представил мин. юстиции подробный рапорт. Из этого рапорта видно, что 25 июня 1818 г. к Костр. гражд. губ-ру явилось пятеро фабричных кр-н купца Углечанинова (Алексей Ларионов, Василий Максимов, Козма Михайлов, Егор Никифоров и Григорий Иванов) и принесли ему словесную жалобу на Углечанинова, заявив, что „он производит им за работу плату гораздо менее той цены, какую получают таковаго же рода люди от прочих ф-нтов и что они, а также и прочие их ф-ки кр-не по невыдаче полного количества заработных денег лишаются средств к своему пропитанию". Губ-р препроводил жалобщиков в полицию, предписав ей отобрать от них показания по жалобе, истребовав об'снение от самого Углечанинова, а также произвесть „с прочими ф-нтами выправку".

В полиции фабричные дали следующее показание: „Означенные кр-не—пишет губ. стряпчий—в отобранных от них показаниях из'явили: 1-й, *Алексей Ларионов*—что за производство на полотн. ф-ке купца Углечанинова работы тканьем фланского полотна получает он, Ларионов, с каждого вытканного куска мерою в ширину $1^3/_4$ арш., в длину от 58 до 60 арш. —по 4 р. 50 к: у протчих же таковых здешних ф-нтов за каждый кусок полотна и такой же меры получают подобные люди по 5 р., не употребляясь в другие работы кроме сей; он же, Ларионов, сверх сего занимался работою без всякой уже платы на пряжеварне Углечанинова и для караулу ночью полотен, грузкою в лодку пряжи для отправления в Ярославль на тамошнюю его, Углечанинова, ф-ку.

2-й, *Вас. Максимов*—что он от Углеч. получает платы за каждый кусок вытканного полотна по 1 руб., а прочие деньги удерживает и в число оных получил от него в 6 лет только 20 р., а сверх сего употреблялся без всякой платы и в работу на сушильном дворе его, Углечанинова, к-рой по многим его, Максимова, просьбам, неизвестно, почему, никакой более как по 1 р. с куска и означенных полученных особенно 20 р. платы не дает, чрез это крайне изнуряется в содержании себя.

3-й, *Козьма Михайлов*—получает платы с каждого куска вытканного полотна по 3 р. 50 и сверх сей работы употребляется от Углечанинова к нагрузке в лодки пряжи и хлеба для Ярославской его ф-ки без всякой же платы.

4-й, *Егор Никифоров*—плату получает по 3 р. 50 с куска мерою каждой кусок—шириною $1^1/_2$ арш., а в длину от 47 до 50 арш.; притом же, кроме фабричной работы употреблялся от Углечанинова для возки сена и плотнической работы, кою он знает, а за сию последнюю, когда случится, выдавал ему Углечанинов не более как по 40 к. на день; однакож сей работы назад тому с год не производил.

5-й, *Григорий Иванов*—что и он плату получает от Углечанинова за каждый кусок вытканного полотна по 3 р. 50 к., каковою платою и почитает себя недовольным по причине недостатка в содержании и еще по употреблению на другие от Углечанинова работы как для сушки на Яросл. его ф-ку пряжи, грузки оной в лодки на отправление в Ярославль и туда же для р-х хлеба; на прочих же здешних ф-х подобные люди такового занятия не имеют, а потому и полагает, что плата им производится достаточнее".

Так. обр., по существу жалобы фабричных сводились: к 1) указанию на низкую зараб. плату, недостаточную для пропитания и меньшую по сравнению с платой на других Костр. ф-х, и 2) на употребление их на разного рода безплатные работы, не относящиеся, очевидно, к их прямым обязанностям.

Любопытны об'яснения, истребованные от Углечанинова полицией по поводу приведенных жалоб. В них Углечанинов, по словам губ. стряпчего, „прописывал, во 1), что за выработку полотен фланских ординарных длиною в 50 арш., шириною в $1^1/_2$ арш., да широких, длиною в 57 арш. шириною в 45 дюймов все мастеровые, как крепостные его фабричные, так и вольные мастера получают плату: за ординарные фламские по 3 р. 50, за широкие по 4 р. 50 за каждый ку-

сок, во 2) за погрузку в лодки пряжи и хлеба для Ярославской его, Углечанинова, ф-ки производится плата по 40 к. на день; работа сия бывает по временам, в год не более 6 раз, и наряжаются к ней фабричные поочередно; в 3), что употребляются в работу фабричные на некоторые часы и поочередно на сушильном дворе для выправления высушенной пряжи, приготовленной для выработки ими же фабричными из той же пряжи полотен и что за сию работу с начала существования ф-ки никогда и никому платы не производил, поелику она столь малозначуща, что не отнимает у них времени производить ткачество; а на пряжеварне употребляются в работу особые люди с произвождением им особой платы; из вышеписанных же просителей никто на пряжеварне в работу не употребляется; в 4), караульных и днем и ночью при ф-х для соблюдения всего имеющегося на ф-х, и для всяких случаев велено иметь без особой платы по регулам для мастеровых и р-х людей; сими регулами руководствуясь с существования ф-ки, и наряжаются в караул из фабричных поочередно; в 5), Никифоров по временам и поочередно, когда где около ф-ки нужно что ветхое поправить, как-то: упавшие заборы и огороды, употреблялся прежде сего на короткое время, за что и производима была плата ему, как и прочим, по 40 к. за день, а сено возить для лошадей, при ф-ке употребляемых, из фабричных наряжаются поочередно и на весьма короткое время с платежем также поденно денег и все фабричные, и из них едвали каждому достается быть при сей работе в год один раз и, наконец, в 6), не только Максимову, но и всем фабричным при приеме от них полотен полной платы вдруг не производится, а всем дается по рублю, а достальные следующие им деньги согласно тех же регул удерживаются в конторе и выдаются оные при ращетах им тогда, когда они требуют; а как сии выдачи денег за выработку полотен его крепостным фабричным и вольным мастерам, равно и за поденщину производимые фабричным, значатся в заведенных в конторе книгах и тетрадях, из чего видно, что жалоба сделана на него, Углечанинова, упомянутыми фабричными беззаконно и заключает в себе одну какую-то выдумку, во удержание от чего и просил в страх других оных фабричных, утруждавших начальство беззаконною просьбою, а ему, Углечанинову, тем нанесших обиду,—наказав, согласно с существующими законами, строго подтвердить им, чтоб они на будущее время от подобных поступков удержались“. В этом об'яснении вопрос о том, что на его ф-ке плата получается меньшая сравнитель-

но с другими, был обойден ф-нтом молчанием. Своеобразно также указание на малозначущесть работы на сушильном дворе: они столь малозначущи, что, по словам ф-нта, не отнимают у ткачей времени.

Была сделана справка о плате на других ф-х. „Относительно ж до выправки—читаем все в том же рапорте губ. стряпчего—какую получают плату на других ф-х р-ие люди, на требование полиции Костр. купец и ф-нт Василий Дурыгин письменно удостоверил, что вольнонаемные ткачи получают за каждый вытканный кусок фламского полотна разных по мере сортов, как-то шириною в 3, длиною 60 арш.—40 руб,. шириною в 2, длиною в 60 арш. 10 р., шириною в 45 дюймов, длиною 57 арш.—5 р., шириною в 42 дюйма, длиною 50 арш. —3 р. 50 к. и равендук шириною 28 дюйм длиною 50 арш.— 2 р. 20 к. С прописанием сих обстоятельств донесено г. гражд. губ-ру и кавалеру рапортом, на к-рой в данном от 10 числа июля полиции предложении он, г-н губ-р, из'яснив, что, жалобу означенных фабричных находя вовсе не заслуживающей никакого уважения, потому, во 1), что плата им за работу производится в одинаковой мере с вольнонаемными на других ф-х работающими, 2) удерживание некоторой части заработанных денег содержателем ф-ки производится сообразно 10-му пункту работных регул и, в 3), равным образом жалоба просителей не м. б. основательна и нащет упражнения в карауле их, возке сена и погрузке пряжи и хлеба, к-рые для общего числа людей быв весьма малозначительны, не могут служить никаким отягощением, а тем менее несовместно причинить в работах растройство, предписал просителям и прочим фабр. людям внушить внятным образом правила, в работных регулах начертанные, кои они неотменно должны исполнять беспрекословно и во всей точности, а равным образом не оставит полиция и наказание просителей за напрасную их на содержателя ф-ки жалобу предоставить сообразно 7 и 8 пунктам тех же регул на волю ф-нта, каковое предписание и исполнено исправляющим в Константиновской части должность частного пристава кварт. надз. Турчанинова“.

Далее губ. стряпчий сообщал, что „в том же рапорте секретаря Нагорова об'ясняется далее, что 26 числа минувшего августа он же г-н гражд. губ-р и кавалер с предписания, к нему последовавшего от г-на мин. вн. д. ордером на имя здешнего полицийместера, предписал немедленно истребовать от купца Углеч. об'яснение, по каким причинам находящийся при Костр. его ф-ке кр. Григ. Максимов находился

в услугах при доме его Углеч. в то время, когда по случаю высоч. указа, в 16 день марта 1798 г. состоявшегося, должен он заниматься работами, к фабричному только производству относящимися, и представить оное об'яснение к нему, г-ну губ-ру, присовокупив к тому самое подробнейшее сведение и о том, какие точно были в производстве по Костр. градской полиции следствия по жалобам фабричных кр-н купца Углеч. на жестокие с ними поступки содержателя ф-ки или по прочим каким-либо неудовольствиям, а в об'яснении, истребованном по сему предписанию от купца Углеч., прописано, что из состоящих при Костромской его ф-ке крепостных кр-н упомянутый Григ. Максимов всегда находился при конторе по делам ф-ки для посылок и для исправления фабричных разных поручений, а посему и жил он в собственном его, Углеч., доме на всем его содержании, а чтобы фабричных кр-н хозяину ф-ки не употреблять к занятиям по конторе, существующей единственно по делам ф-ки, на сие в законе и запрещения нет; когда же он, Максимов, от занятия по делам конторы и от рассылок был свободен, то в то время, согласно поднесенного г-рю имп-ру от г-на мин. вн. д. в июне м-це 1803 г. доклада 2-го отделения, употребляем был он, Максимов, и в частные его, Углеч., услуги, поелику силою оного доклада не воспрещается хозяину ф-ки иметь в частных услугах из фабричных до 3-х даже ч-к, а Максимов употребляем был на оные, как выше об'яснено, в свободное токмо время от исправления им при конторе разных поручений, а что состоящие при Костр. его ф-ке крепостные кр-не его употребляются к единственным им занятиям фабричным, доказывают вышнему начальству подаваемые от него, Углеч., об изделиях фабричных каждогодные отчеты, из к-рых ясно видно, что ф-ка его год от году в разных ее изделиях размножается и приводится в лучшее усовершенствование, каковое об'яснение в оригинале из полиции и представлено к нему, г-нугуб-ру, при рапорте с донесением, что более вышеписанного никаких следствий о фабричных купца Углеч. людях в полиции не имелось; о чем и правящему стряпческую должность секретарю Нагорову от полиции на требование повторено с тем, что и по Константиновской части, как оная рапортом донесла, от фабричного Максимова и прочих т-щей ни письменных жалоб в подаче не было, ниже в книге словесных явок ничего не записано". Одновременно губ. стряпчий сообщал, что „в разсуждении содержания Максимова в смирительном доме от Костр. приказа общ. призр. дома дано знать, что он представлен от Углеч. при

об'явлении сего года мая 13 дня на осн. 391 ст. высоч. о губерниях учреждения за дурные его, Максимова, поступки для воздержания от оных на 2 м-ца и именно—неоднократно замеченное пьянство и отлучку от дома в ночное время, от к-рых на произведенные ему увещания не только не исправился, но еще производил грубости, о чем доведено было и до сведения градского начальства, а потому г-н полицмейстер, прибыв на ф-ку того Углеч., хотя и внушал Максимову правила кротости, но и затем тот Максимов от вышеписанных поступков не только не воздержался, но более начал их умножать; по истечении же того времени Углеч., поданным в Приказ об'явлением об'яснив, что втечение того времени по разведываниям его не только оной Максимов в поведении своем не оказывает раскаяния, но и даже смотрителю смирит. дома чинит грубости, для укрощения его дерзких поступков и приведения к благонравию просил продлить бытие его Максимова в смирит. доме еще на 4 м-ца, и за все сие время предоставил на него следующее в приказ общ. призрения кормовые деньги, по каковому об'явлению Максимов и поныне в смирит. доме содержится; смотритель же того дома подпоручик Кадников на требование, какую и когда Максимов оказал перед ним грубость и своевольство, доставил ко мне сведение, в к-ром означено, что Максимов в течение первого определенного ему времени, т. е. в июне м-це, когда посылан был на работу в казенный губернаторский дом, оставляя оную, ходил без ведома его смотрителя в разные домы и места; при внушении же, какие делал ему за сие своевольство он, смотритель, Максимов не только не извинялся. но отвечал с грубостью, и в тоже время и прочие дни приходил с работы иногда пьян, быв. всякой раз под присмотром солдат здешнего баталона; в протчем, как таковые его поступки не заключали в себе важности, то о сем и не доводил он, смотритель, до сведения начальства; ныне же тот Максимов по замечанию его, смотрителя, ведет себя с совершенном благонравием и кротким поведениим.—А Костр. полицеймейстер Изгейм, о к-ром также упомянуто в первом об,явлении Углеч., поданном в приказ, на отношение мое письменно известил меня, что в мае м-це сего года словесно было об'явлено ему от Углеч., что фабр. его ч-к Григ. Максимов отлучался самовольно со двора в ночное время, перелезал чрез забор и при выговоре за сей поступок наделал ему, Углеч., грубости что по сему извету он, полицмейстер, отправлялся на ф-ку Углеч., где Максимов ответствовал и ему, что он ходил гулять и, вместо

должного извинения, м. пр., проговаривал Углечанинову, разве де и не погулять, из чего замечал грубость его против Углеч. Он, полицмейстер, внушал ему фабричному правила кротости и повиновения, с каковым внушением и оставил на ф-ке; более никаких об'явлений от Углеч. насчет Максимова поступков и что за внушением его оставался ли он, Максимов, непреклонным в грубостях, до него, полицмейстера, уже не доходило, а в июне м-це сего года приносима была словесная жалоба к г-ну губ-ру из числа фабричных Углечанинова от Василия Максимова и прочих всего 5 ч-к, якобы в неполучении ими от Углеч. должной за работу платы и в употреблении их на другие занятия, по коей жалобе производимо было исследование, о к-ром выше об'яснено подробно; кроме сего дела ни от Григ. Максимова, ни от другого кого из фабр. людей на купца Углеч. жалоб в притеснениях, изнурениях и жестоких наказаниях приносимо ему, полицмейстеру никогда не было и ныне не имеется". „Костр. уездный стряпчий Климентов удостоверял—добавлял губ. стряпчий—что во время отправления им стряпчей должности от фабричного Григ. Максимова и прочих т-щей его на Углеч. никаких жалоб в притеснениях, изнурениях или жестоких истязаниях ни лично ему, Климентову, ни в нижние присудственные места не было приносимо, кроме из'ясненных в рапорте правящего должн. его секретаря Нагорова и что при наблюдениях его, Климентова, по должности ничего клонящегося к угнетению помянутых фабричных усмотрено не было, равно и по разведыванию означенного секретаря Нагорова в наст. время от Углеч. фабричным его людям никаких притеснений, изнурений и истязаний не происходит. Наконец, Костр. угол., палата и губ. пр-ие на посланные запросы уведомили; 1-ая, что как в 1817, так и в нынешнем 1818 гг. по жалобам на Углеч. от фабр. его людей Максимова и прочих в учинении им притеснений дел в производстве по палате не оказалось, а 2-я, что в течение настоящего 1818 г. жалоб в производстве по сему предмету не поступало и по справке в регистратуре со входящею 1818 года книгою в записи оных не оказалось".

В этом же сенатском деле есть рапорт того же Доброхотова мин. юст. от 25 ноября 1818 г., из к-рого мы узнаем о дальнейшей судьбе Максимова. „Сего же ноября 11-го числа —пишет Доброхотов—до истечения срока содержания в смирительном доме фабричной Максимов от имени выборного ф-нта Углечанинова представлен в отделенное для приема рекрут присудствие и принят в рекруты по ныне расположен-

ному набору за состоящие при ф-ке его души..... Отдача означенного Максимова ф-нтом Углеч. в рекруты едвали econoвана на беспристрастии. Максимов и втечении последних двух месяцов, как удостоверил меня ныне смотритель Кадников, ни в каких дурных поступках не находился, а за таковым удостоверением о добропорядочном поведении Максимова, на к-рое не обращено Углеч. никакого внимания, нельзя почти иметь сомнения, чтоб под благовидною причиною отправления государственной повинности Углеч. не употреблял притеснительного для Максимова мщения за принесенную Вашему С-ву жалобу тем паче, что из числа упомянутых в прежнем рапорте моем 5 ч-к фабричных, приносивших на него жалобу в июне м-це г-ну здешнему гр. губ-ру в несоразмерной за работу плате, Алексей Ларионов и Вас. Максимов, как по справке ныне в отделенном присутствии оказалось, подобно Максимову отдан им, Углеч., июля 10-го числа также в рекруты без всякой надобности в зачет наборов".

Содержание этого рапорта мин. юстиции сообщил мин. вн. д., начто последний ответил 27 февраля 1819 г. следующим кратким отношением: „Высоч. утвержденным в 18 день февраля прошедшего 1818 года положением Госуд. совета владельцам посессионных ф-к, в числе коих состоит и купец Углеч., предоставлено право отдавать в военную службу и из мастеровых людей по их усмотрению".

V.

Кризис 20-х г. и гибель крупной полотняной промышленности.—Развитие мелкой полотняной промышленности —Полотняные мануфактуры, как насадители кустарного полотняного ткачества. –Борьба между мануфактурой и мелкой мастерской.—Талановское дело, как один из эпизодов этой борьбы.—Заключение.

Главным предметом производства полотняных ф-к в начале XIX в. были, как это уже указывалось выше, фламские полотна и равендук. Оба эти товара вырабатывались преимущественно для внешнего вывоза. Обстоятельство это имело не маловажное значение в дальнейшей судьбе льняной промышленности, т. к. непосредственно втягивало ее в водоворот мирового товарообмена и тем самым ставило в зависимость от условий мировой конкуренции. В этой работе на заграничный рынок была не только сила полотняной промышленности, п. ч. этот рынок был широк и емок, и мы видели,

что именно благодаря этой работе на заграничный рынок и развивалась так сильно полотняная промышленность—но и ее слабость, п. ч. промышленность эта самым непосредственным образом подпадала под действие заграничной конкуренции.

Между тем условия этой конкуренции для русской промышленности складывались крайне неблагоприятно. Русская ф-ка покоилась исключительно на ручном труде. Широкое применение механических двигателей, составляющее душу современного фабричного способа производства, было чуждо ф-ке, основанной частью на принудительном труде. В техническом отношении ф-ка, несмотря на свои каменные корпуса и внешнюю импозантость, в сущности была, как уже упоминалось выше, мануфактурой, едва ушедшей вперед по пути самого примитивного разделения труда. Те способы обработки материала, какие применялись на тогдашних ф-х, могли без ущерба применяться и под соломенной крышей деревенского кустаря. Между тем заграницей, особенно в Англии, машинная обработка льна к тому времени сделала уже значительные успехи. Наряду с этим—и заграницей, и у нас, в той же Костр. губ., под боком льнообделочной промышленности, начался быстрый рост бумажного ткачества. В результате бумажные ткани быстро дешевеют и, в качестве общедоступного по дешевизне товара, получают возрастающее распространение на мировом рынке, успешно конкурируя с льняными изделиями, что в свою очередь приводит к падению цен на полотно и к заметному сокращению сбыта полотняных изделий[1]).

---

[1]) Кулишер указывает, как сильно подешевела бумажная пряжа в Англии в результате новой, машинной техники „В 1788 г. расходы предпринимателя на сырье и труд при производстве клопчато-бум. пряжи равнялись 12 шилл., в 1800 г. они под влиянием применения прядильной машины, сократились до 3 шилл...., наконец в 1830 г. расходы немногим превышали 1 шилл. Такое уменьшение издержек обозначало огромную экономию в производстве, оно сопровождалось сильным удешевлением бумажной пряжи: с 35 шилл. в 1788 г. цена фунта пряжи упала до 9 шилл. в 1800 г. и до 3 шилл. в 1830 г.... Благодаря этому потребление бумажных тканей чрезвычайно возросло. По Эллисону, пр-во бумажной пряжи в Англии увеличилось с 106 милл. фунтов в 1819 - 21 гг, до 216 милл. в 1829—31 гг..., повысилось в 1844—46 гг. до 523 милл., пр-во бум. тканей, составлявшее еще в 1819—21 гг. всего 80 милл. ф. (тогда еще преобладало ручное ткачество), повысилось в 1829—31 г. до 143 милл., а в особенности в 1844—46 гг.

Внимательный Нерехотский хроникер Диев в своей рукописной „Истории г. Нерехты“ (стр. 167), отмечает, что „с 1819 г. бумажные материи сделались дешевле, а до того за аршин миткаля платили 2 р. 50 к., что ныне (40-ые годы 19 ст.) стоит не дороже 25 коп“.

По данным Небольсина[1]), средний годовой вывоз из России заграницу фламских и парусных полотен и равендука составлял:

Годы.	Тыс. кусков.	Годы.	Тыс. кусков.
1758—1762	77	1824—1833	196
1793—1795	251	1834—1843	195
1800—1813	212	1844—1846	121
1814—1823	203		

Из приведенных данных видно, что с начала XIX ст. наш вывоз явно идет на убыль. Параллельно с сокращением экспорта падают и цены на льняные изделия. Особенно резко упадок этот обнаруживается в 1823 г., когда цена фламского полотна понижается с 52 на 40 руб. и на равендук с 25 на 20 р. На этом однако падение цен не останавливается; непрерывно понижаясь, цены доходят в 1843 г. до 26 и 17 р.[2]). Тотчас по окончании отечественной войны кусок равендука ценился в 30 р.[3]). Т. обр., к 1843 г. цены упали на 43%.

Такое резкое падение цен вызвало настоящее опустошение в полотняной промышленности. Производство сразу стало убыточным, и целый ряд старинных фабрик, пользовавшихся широкой известностью, оказался буквально стертым с лица земли. „Вследствие этого кризиса—пишет Крживоблоцкий—пострадали все владельцы полотняных ф-к, в особенности упали Костромские ф-нты“[4]).

(широкое применение ткацких машин) до 348 милл; люди, к-рые прежде, вследствие дороговизны бум. материй, не могли их приобресть, получили теперь возможность потреблять их, одеваться в дешевые бумажные изделия“ (Проф. И. М. Кулишер. Лекции по истории экон. быта Зап. Европы, изд. 5-ее 1918, стр. 475).

[1]) Стат обзор внешней торговли России. Цитируем по Туган-Барановскому, 68.

[2]) См. Крживоблоцкий, 345.

[3]) Кн. Козловский, 195—197.

[4]) См. также статью „Фабр. ст-ка г. Костромы“ (Костр. губ. вед. Изд. 1853 г. № 44) „Фабрикация равендуков и фламских полотен—говорится в этой статье—не выдержав соперничества машинного пр-ва в Англии, пала; огромные ф-ки закрылись, строения эти ныне или заняты войсками... или вовсе развалились“ Крживоблоцкий правильно связывал гибель полотняного пр-ва

О силе кризиса можно судить по тому, что из 11 полотняных ф-к, бывших в Костроме в 1810 г., с общей суммой пр-ва до 70 тыс. кусков и общею ценностью изделий свыше миллиона рубл. ассигн., к концу 50-х гг. уцелела только одна ф-ка Колодкина с суммой пр-ва около 4900 кусков и общей ценностью изделий в 36 тыс. руб [1])

с уменьшением экспорта и ростом заграничной конкуренции. „Причины этой жалкой участи—писал он (стр. 345)—есть, без сомнения, уменьшившееся в последнее время требование на эти изделия в Англию и Америку, куда они преимущественно вывозились. Теперь не только в Англии, но уже в самой Америке выделывается значительное количество подобных изделий, вывозимых прежде исключительно из России". На те же причины указывал Н. Полушин в статье „Производ. и промышленные силы г. Костромы в 1861 г." (Костр. Губ. Вед. 1862, № 23, стр. 116). „В XVII и особенно в первой половине XVIII ст. Кострома отличалась от других губерний замечательною производительностью полотняных изделий, к-рые по своему качеству имели потребителей не только в России, но и в других государствах, как-то в Англии и Америке. С 1825 и 1826 гг. начали падать наши полотн. м-ры. Причину уничтожения полотн. ф-к г. Костромы приписывают соперничеству в этом производстве Англии, имевшей в то время более средств для распространения какой-бы то ни было производительности, но теперь производит. силы г. Костромы начинают быстро поправляться".

[1]) По сведениям Туган-Барановского (стр. 71), в Костр. губ. в конце 20-х гг. выделывалось до 70 тысяч кусков фламского полотна, а в конце 40-х гг. только 20 тыс. кусков.—Вторичный кризис цен 40-х годов доканал полотняную крупную промышленность, но уже до кризиса 40-х гг. ряд полотняных ф-к бездействовал. Еще в начале 19 ст. остановилась Талановская ф-ка в Кинешме. Туган-Барановский упоминает (стр. 154) в числе 42 поссесионных ф-к, р-ие которых получили свободу на основ. закона 18 июня 1840 г. (дававшего ф-нтам право переходить от принудительного труда к вольнонаемному), также ф-ки Грязнова и Углечанинова в Костр. губ.: они были в числе 16 ф-к, р-ие к-рых были потому уволены, что фабр. пр-во совсем прекратилось. Повидимому, в бездействии находилась и Стригалевская ф-ка в Костроме. В деле д-та мин. юстиции, по архиву № 2994 —дворянина Стригалева о ф-ке (началось 24 сент. 1835 г.), м.-пр., говорится, что „дворянин Ал-ндр Стригалев, владелец поссесионной полотняной в Костроме ф-ки, устроенной в 1760 г. и ныне определением Костр. гражд. палаты, утвержд. Прав. Сенатом, назначенной в продажу за долги, входил в м-во фин. двукратноспрошением об оставлении таковой продажиа воуважение, что часть долгов уже уплачена, что все имение его превышет оценку впятеро и что посредством одного залога кр-н и продажи 3-х каменных лавок, приносивших доход по контракту 10 тыс. р., возможно удовлетворить всех кредиторов, при чем показывает, м. пр., что означенная ф-ка с конца жизни матери его была в полном действии и *приведена в расстройство и запустение* во время управления опекунов, к имению его назначенных, к-рые, как и самый Костр. Сиротский суд и Дворянская опека, ни мало не заботились о содержании ф-ки и возобновлении работы" (из доклада по д-ту м-ва юст. 1835 г. 1 ноября № 382)—В ряде случаев, вероятно, ф-ки закрывались вследствие индивидуальных причин, задолженности и проч.,

Не в одной Костроме кризис цен вызвал такие опустошения. Аналогична судьба другого значительного центра полотняного ткачества — с. Писцова Нерехотского у. Существовавшие здесь 10 полотняных ф-к после 1812 г., с развитием хлопчато-бумажных изделий, пали[1]). Точно также пришла в запустение полотняная промышленость в Кинешме и ее округе[2]). Крах фабричного производства не замедлил отразиться на состоянии льняной торговли. Васьков в уже цитированных очерках[3]) сообщает, что, когда „около 1817 г. начали размножаться хлопчато-бумажные ф-ки, а полотняные закрываться,—торговля пряжей упала, и большая часть Нерехотских купцов об'явила себя несостоятельными". Сравнительно меньше пострадало от кризиса кустарное ткачество, благодаря тому, что, не неся некоторых накладных расходов по производству, кустари могли довольствоваться меньшим заработком[4]).

но вместе с тем несомненно, что решающее значение здесь имели не столько индивидуальные и частные условия, сколько общие—упадок заграничного вывоза и кризис цен, влекшие за собою задолженность отдельных ф-нтов и их конкуренцию между собою.—В 1837г. на выставке в Костроме из старых полотняных ф-нтов выставляли изделия из льняной пряжи: костр. почетные граждане Солодовникова, Дурыгина с детьми, Стригалева с детьми, кинешемский купец Грязнов и плесский купец Зубарев. Из новых ф-нтов, ф-ки к-рых возникли уже в 19 в., на этой выставке с льняными изделиями фигурировали ком. советник Зверьков (Кинеш. у.), плесский купец Частухин, судилавский купец Папулин, нерехтский кр. Михеев и некоторые другие, См. изд. „Выставка Костр. губ. 1837 г." М. 1837 ст. 26 и далее.

[1]) Памятная книжка Костр. губ. на 1862 г., стр. 306.

[2]) Крживоблоцкий, 592.

[3]) Костр. Губ. Вед. 1872, № 25. Укажем кстати, что почти дословно тоже отмечается и Диевым в его рукописной „Истории г. Нерехты": „Когда около 1817 г. в России начали умножаться бумажные заведения, то за закрытием полотняных многие домы в Нерехте (занимавшиеся сбытом пряжи для полотн. заводов—ЕД) об'явили себя несостоятельными" (стр. 137).

[4]) В этом отношении весьма любопытны указания (в 1835 г. в ответ на циркуляр м-ва финансов) костромских купцов и ф-нтов на причины упадка полотняных ф-к. Главной причиной этого упадка, по их мнению, было „распространение фабричных заведений в малом виде между кр-нами *без всякого платежа и браковки выработанных там изделий*, почему изделия тех заведений, хотя и далеко отстали в качестве от таковых же, вырабатываемых на обширных ф-х, но *имеют на своей стороне преимущества дешевизны*, к-рая увлекает большую часть покупщиков. Изделия мелочных заводчиков по причине дешевизны сходят с рук без затруднения". Туган-Барановский, стр. 231, курсив наш.

Одним из условий, способствовавших, как уже указывалось, упадку полотняных ф-к, было распространение бумажного ткачества в соседних с ф-ками районах. Интересно отметить, что дань духу времени, увлечению бумажным производством, отдали и сами полотняные ф-нты, заводя на своих ф-х наряду с полотняным также и ткачество бумажных плисов, нанок, белых миткалей и проч. Нам попалось среди дел канц. Костр. губ-ра дело „о плисовой ф-ке купца Грязнова, № 598 от 24 июля 1813 г.“ В этом деле имеются два рапорта Костр. гражд. губ-ру Кинеш. купца и полотняного ф-нта Ал-ндра Петровича Грязнова, один датированный июнем 1813 г., другой августом. „Втечение настоящего 1813 г.—пишет в первом из них ф-нт—старанием моим заведена вновь на имеющейся у меня с братьями ф-ке выделка полосатого бумажного плиса разных цветов на аглицкой манер. Произведение сие на первой раз вырабатывается на 10 станах; сколь же скоро от распродажи выделываемого вновь плиса приобрету я выгоды, то впоследствие времени постараюсь оное произведение гораздо более усилить, приведя в доброте его в лучшее усовершенствование. Посему на основании предписания Вашего Пр-ва обязанностию поставляю покорнейше представить при сем Вашему Пр-ву на благоусмотрение и образцы того плиса.“ „А ныне—читаем во втором рапорте—сверх того имеется еще производство на той же ф-ке на аглинский манер нанки на 10 станах и на стольких же белых миткалей, коих образцы Вашему Пр-ву на благорассмотрение покорнейше представляю у сего. Впредь же пр-во таковых изделий при довольстве р-х надеюсь гораздо умножить“ [1]).

Итак, полотняная фабричная промышленность погибла После блеска и процветания, каким отмечен конец XVIII в., наступила смерть. Полотняные ф-ки оказались как бы стертыми с лица земли, и лишь каменные корпуса напоминали о былом величии. Жалко доживали дни свои немногие из уцелевших ф-к. Одной из таких была ф-ка Дурыгина, но и она в пожар Костромы 1847 г. погорела и более не возобновилась. Казалось, вся былая полотняная промышленность исчезла бесследно, не оставив после себя ничего кроме ветшающих зданий.

---

[1]) На выставке Костр. губ. 1837 г., м. пр., экспонировались следующие изделия из бумажной пряжи Кинешемского купца Грязнова: бланжевая китайка, ценою 30 р. ассиг. тюня (90 арш.) и плисы, черный 1 р. асс. аршин, и фиолетовый и голубой по 1 р. 25 касс. за аршин. См. „Выставка Костр. губ. 1837 г.“ М. 1837 г. стр. 37 и 39.

Однако в экономической жизни, как в природе, ничто не пропадает. Энергия, потраченная на создание и развитие полотных ф-к, не пропала даром, она оставила после себя известный след. Ф-ка погибла, но с падением ее полотняное пр-во однако не исчезает. На смену фабрикам возникает и развивается, с одной стороны, крестьянское кустарное пр-во полотен, с другой —помещичьи полотняные фабрики.

Отличие крупной льняной промышленности конца XVIII и начала XIX в., от истари существовавшей крестьянской обработки льна, как мы указывали, заключалось в том, что ею вырабатывались более тонкие сорта полотна (гл. обр., фламское полотно и равендук), тогда как предметом крестьянской промышленности была выработка грубого холста. Такое попредметное разделение труда исключало конкуренцию между ф-кой и кустарями (по крайней мере на почве сбыта изделий). В те времена начального развития крупной промышленности ф-ка не только не сживала кустарей со света, как происходит это в настоящее время в целом ряде производств, а, наоборот, сама была условием их размножения. Разгадку такого странного на современный взгляд соотношения между ф-кой и кустарной промышленностию дал Туган-Барановский. „Успехи кустарного производства во второй половине XVIII в. —говорит он (Русская ф-ка, стр. 56)—находились в известной связи с увеличением числа ф-к и фабричных р-х. Ф-ка в XVIII в. была единственной школой промышленного искусства, новых приемов производства, технических усовершенствований. В XVIII ст. все новые отрасли промышленности возникали первоначально в виде крупных фабрик, в к-рых иноземные мастера научали русских р-х, но.... фабрики эти были в сущности только мануфактурами—работа на них производилась почти исключительно руками при самом ничтожном употребление машин. При таких условиях многие новые производства могли с таким же успехом, как и на ф-х, исполняться самими кр-нами, в их собственных избах, Кр-нам не хватало только технического знания, и вот ф-ки сыграли огромную роль в развитии крестьянской промышленности, являясь распространителями этих знаний, практической школой для кустарей“ [1]).

---

[1]) См. также Н. Рожков, Методика преподавания истории и история XIX в. Петроград 1918. „Купеческие ф-ки после Петра Великого—г-рит Рожков (стр. 102)—стали очень скоро распадаться. Дело в том, что крепостные кр-не, отпускаемые на ф-ку, обучались здесь у мастеров приемам работы, заносили их в деревни и основывали кустарные предприятия. Т. к.

Такими же школами явились и полотняные ф-ки конца XVIII в. Научив кр-н тканью, эти ф-ки *дали толчек развитию ткачества тонкою полотна на домах.*

Уже в конце XVIII и начале XIX в. рядом с полотняными ф-ками возникает ткачество во особо устроенных светелках. „Во многих местах Нерехтског у.—читаем в рукописном „Описании Нерехтского у..“ относящемся к 1805 г. и хранящемся в архиве В. Эк. Общ. (цитируем по Туган-Барановскому, 228—229)—находятся в селениях построенные обывателями оных ткацкие светлицы, коих поселяне берут с заводов пряжу и ткут оную. По данным того же источника, плесский полотняный ф-нт Зубарев отдавал фламские полотна и равендуки сельским жителям, к-рые в домах своих имеют собственные свои станы и там оные ткут и тканье доставляют на ф-ки. Тоже сообщается в описании и о другом полотняном ф-нте г. Плеса, Ермолине.

Данными „Трудов кустарной комиссии“ для целого ряда местностей Костромского, Нерехтского. Кинешемского и Юрьевецкого уу. установлено, что домашнее полотняное ткачество развивалось под непосредственным влиянием ф-ки. [1]).

эти кустарные промыслы ничем не ниже были ручной работы на ф-ке, то ф-ки не выдерживали конкуренции с кустарным промыслом, к-рый поддерживался помещиками, т. к. был им выгоден. Купеческие ф-ки начали падать, но это не значило падение обрабатывающей промышленности, п. ч., развились кустарные ремесла, из к-рых вышли дворянские, с одной стороны, а с другой стороны крестьянские ф-ки, основанные уже на вольном труде“. Истории дворянских полотняных фабричек, в значительном числе появившихся в Костр. крае в первой половине XIX в., мы в настоящем очерке не касаемся вовсе—история этих фабричек, выяснение условий их возникновения, особенно в связи с развитием льноводства в крае, а также общим состоянием помещичьего хозяйства того времени, и их дальнейшие судьбы могли бы явиться благодарной темой отдельной работы.

[1]) Таково, напр. повидимому, происхождение домашнего полотняного ткачества в подгородной Шунгенской вол. Костр. у. „Давно ли-г-рит Александр Нифонтов“. („Труды комиссии по исследов. куст. промышленности в России, вып. IX. СПБ. 1883. Статья: Ткачество полотен в Шунской вол. Костр. губ.“, стр. 2081) —существует ткацкий промысел в Шунгенской вол., определить с точностию нельзя Судя по рассказам стариков, имеющих от роду около 90 лет, отцы и матери их уже занимались ткачеством. Надо полагать, что устройство в Костроме полотняных ф-к Углечаниновыми, Стригалевыми и другими положило основание ткачеству и в Шунгенской волости. Далее устройство некоторых ткацких станов, по виду древних, переходящих по наследству от матерей к дочкам, заставляет предполагать столетнюю давность этого промысло,—до того они массивны, грубы и прочны. В основании стана употреблены такие кокоры, какие те

Аналогичные данные, показывающие, что с ф-ками были связаны и станы на домах—и таких станов, вероятно, было не мало—можно найти и в „Деле № 1872". М. пр., о ф-ке Красильникова, основанной в Костроме в 1800 г., в этом деле говорится, что она „имеет заведенные им в здешнем городе Костроме ткацкие полотняные станы, на которых рукоделие производится, а также *в Костромской же округе в разных деревнях*" (л. 12 об.) [1]). В том же „Деле № 1872", в рапорте Костр. зем. суда (от 21 янв. 1801 г.) указывается, что в Костр. округе „кроме земледелия жители упражняются в тканьи полотен в построенных ими светелках для Костромских купцов, имеющих полотняные ф-ки".

Т. обр., полотняные ф-ки сыграли роль рассадника домашнего крестьянского полотняного ткачества, к-рое в самых широких размерах плодится вокруг этих ф-к и, чем ближе к 19 веку, тем, вероятно, сильнее. Но не только размножается

перь употребляют на копани баржей и барок". Туган-Барановский (стр.228) приводит ряд выписок из „Трудов ком. по исслед. куст. пром.", к-рых кроме вып. IX у нас нет под руками. „Ткацкий промысел в Новинской вол. (Нерехт. у.) существует с давних времен, перешел от соседних ф-к". Вып. XIII, 327, Ткачество полотна в Оделевской в. (Нерехт. у.) „развивалось благодаря соседству ф-к". Дюпихская в. (Кинеш. у.): „Ткут полотна и салфетки, ткание... занесено рабочими с Петербургских ф-к". Вып. XV. 205. Вичужская волость: „Ткут полотна и салфетки. Этот промысел... развит местными ф-нтами" Вып. XV, 196. Семеновская вол. (Юрьевец. у.): „ткут полотна... Промысел получил начало лет 44 тому назад, со времени устройства прядильных ф-к в Кинеш. у." Вып. XIV, 119 и т. д. и т. д.". „Вообще—добавляет Т. Барановский—почти относительно всех волостей различных уу. Костр. губ., где существует кустарное полотняное ткачество, констатируется, что оно возникло под непосредственным влиянием ф-к".

[1]) Речь идет, видимо, о ткацких светелках, представлявших собственность самого ф-нта. Одна из этих светелок была впоследствии куплена у Красильникова ф-нтом Колодкиным. В архиве Губ. пр-ия есть дело канц. Костр. губ-ра № 587 „по прошению Костр. купца Колодкина о понуждении кр-н Уварова и Васильева к пр-ву тканья полотен" 1817 г. В прошении Костр. купца и ф-нта Дм. Алексеевича Колодкина, поданном Костр. губ-ру 12 окт. 1817 г., проситель, м. пр., пишет: „Прошлого года 1811 г. сент. 18 дня поданным в Костр. Зем. Суд покойный родитель мой Костр. купец и ф-нт Алексей Мих. Колодкин об'явлением просил о принуждении обязавшегося в 1809 г. условием у означенного родителя моего Костр. округи деревни Емельянки кр-н Петра Уварова и Макара Васильева с т-щи к произведению тканья разных полотен *в купленной* родителем моим у Костр. купца Федора Красильникова в помянутой деревне *ткатской светелке*". Как ясно далее из дела, прошение 1811 г. Колодкина где-то в канцелярии затерялось, отчего Колодкин, по его словам, понес „чувствительные убытки".

домашнее ткачество, возникают светелки и светелочки, маленькие полотняные ф-ки и фабрички. Пройдя школу крупнополотняного производства, р-ие этих ф-к широко разнесли по округе новые технические знания и приемы. Известна яркая картина расцвета кустарного широко-полотняного ткачества в Ярославской губ., к-рую дает знаток льняной промышленности и практический деятель 30—40 годов, Карнович. Мы приводим его описание, п. ч. здесь речь идет о районе, непосредственно сливавшемся с Костр. губ., с Нерехтским районом. „Около 1800 г.—говорит Карнович—начали в помещичьих усадьбах появляться небольшие ткацкие заведения для пятичетвертного полотна; образцом для них служили того же рода заведения Ярославского уезда в селе Никольском, ныне господ Мятлевых, тогда графа Салтыкова. Почти в то же время стали входить в употребление для прядения самопрялки с колесами... Около 1822 г., когда по новому русскому тарифу иностранные полотна были обложены высокой пошлиной по 1 р. 80 к. за фунт, заметным образом из помещичьих усадеб начали перенимать прядение на самопрялках, а также тканье на широких ткацких станах, поставляемых в особых светелках, пятичетвертных полотен. С каждым годом мастерство совершенствовалось. Число занимавшихся прядением и тканьем полотен умножалось, а плата наемная за тканье и цена полотен понижалась. Теперь около Великого села на радиусе около 15 верст, а к Ярославлю и *Нерехте* гораздо более, вся страна, имеющая густое население крестьян, содержит десятки тысяч самопрялок и многие тысячи ткацких станов в деятельной работе, к-рые снабжают тонким крестьянским полотном обе столицы и многие внутренние губернии на сумму около 1 мил. руб.“[1]).

Тоже размножение крестьянского полотняного ткачества происходило в известном Шунгенском (под Костромой) районе. Из „Описания Шунгенской волости, составленного во время ревизии госуд. имущ. в 1837 г.“[2]), видно, что во всей волости главная промышленность кр-н состояла, наряду с хмелеводством, торговлей скотом и другими промыслами, в

---

[1]) Яросл. Губ. Ведомости 1851 г. № 20 Е. Карнович, Историч. обзор, льняной и полотн. промышленности в Яросл. губ. Перепечатано в „Журн. м-ва гос, им.“ 1851 г. ч. 40. Цитируем по Туг.-Барановскому, стр. 227—228.

[2]) Составил описание полковник Игнатьев; хран. в архиве Костр. научн. об-ва, № ~~2069~~ 1269 по инв. описи.

„тканье полотен на ф-ки частным лицам" (л. 3-й). Из 9 обществ волости тканье полотна отмечено в 5 (об-ва Шунгенское, Саметское, Никольское, Стрельниковское и Яковлевское). М. пр., в „Описании" отмечалось, что „в собственности у кр-н Шунгенской вол. имеется устроенных для тканья полотен 12 светелок" (л. 3-й) [1].

То же, что происходило в Ярославско-Нерехотском районе и под Костромой в Шунгенской вол., наблюдалось и в районе Кинешмы. Относящийся сюда материал весьма интересен и дает новое освещение условиям развития светелочного ткачества. Прежде всего эти материалы подтверждают, что насадителями фабричного полотняного ткачества в Кинеш. и Иван. районе были фабричные рабочие, приобревшие технические навыки на первых полотняных ф-х. В „Записке по делу Костр. ф-нта Петра Углечанинова" [2]., м. пр., говорится о старинной Кинешемской полотняной ф-ке, состоящей при городе Кинешме Прокопия Таланова, заведенной предками

---

[1]) Любопытно отметить, что в дальнейшем домашнее ткачество в Шунгенском районе продолжало развиваться, но, повидимому, за счет светелочного ткачества. Сначала число светелок возрастало, и в конце 60-х, начале 70-х гг. 19 ст. в Шунгенской вол. насчитывалось около сотни светелок. Но затем светелки стали нарушаться. Явление это с достаточной выпуклостию обрисовано в „Трудах ком. по иссл. куст. пром. в России, вып. IX, СПБ. 1883" в уже цитированной статье Ал-дра Нифонтова. Ткачество полотна в Шунгенской вол. Костр. губ. (составленной в 1881 г.). „В прежнее время—говорится в этой статье (стр. 2083)—при массивности станов и дешевизне дров, кр-не устраивали сообща светелки, сообща отапливали и ткали в них. С течением времени светелки стали нарушаться,—новых совсем не строят, да и старые плохо ремонтируют, За последние 10 лет нарушено до 20 светелок; число их в разных селениях простирается еще до 80. Кр-не стали находить несравненно выгоднее ткать в своих домах, помещая по два и даже по три стана в избы или в подизбицах, Экономия соблюдается как в топливе, так и во времени; в светелку надобно идти за околицу и уже нельзя ткачу при тканье делать никакого домашнего дела. Если же стан дома, то работник, делая одно, находит в случае надобности возможность сделать и домашнее дело. Поэтому вновь устраиваемые дома строятся просторнее; если же намерены станы поместить в подизбице, то дом рубится и выше; самые станы, несмотря на то, что больше ткут самолетом, делаются аккуратнее. Светелки уцелели и заботливо ремонтируются только там, где или точа особенно развита, напр., в дер. Аферове, Калебине, Яковлевском, Святом, Стрельникове (есть семьи, где по 4 и 5 ткачей, естественно дома всем ткать нельзя), или где дрова не покупают, а пользуются из своих дач, напр., Сухоногове, Шабанове, Палачеве, Пасынкове и Шемякнне".

[2]) Записка это имеется в деле из сенат. архива № 4156, озаглавленном: „по делу ф-нта Углечанинова о полотн. ф-ке 1816 г." Дело это на 9 лл. и хранится в архиве б. Костр. уч. арх. ком.

Таланова еще в 1758 г., что „мастеровые той ф-ки во всех операциях полотняного изделия снискали достаточный навык, так что множество людей обучилось полотн. делу, отчего в окольности как по Костр., так и в смежной Владим. губерниях до нескольких сот купеческих и помещичьих разведено ф-к". Интересно при этом отметить, что ф-нты сами насаждали также и светелочное ткачество. Углечанинов. Костр. ф-нт, купивший ф-ку Таланова и предполагавший приписанных к ней мастеровых перевести в Кострому, указывал, когда возникали препятствия по закону для такого перевода, что „дабы не обременять их (мастеровых) на ту (Костромскую) ф-ку переходом, предполагает для исправления работ построить в тех самых селениях, где они (мастеровые) теперь жительствуют, *ткаческие покои*"[1]). Очевидно, речь шла о сооружении чего-то вроде ткацких светелок или мелких полотняных фабричек. Надо сказать, что в своих замыслах Углечанинов не был пионером—и до него сами ф-нты устраивали такие ткаческие покои в деревнях, заводили ткацкие светелки. Как видно из дела канц. Костр. губ-ра 1801 г., в доставленых от Прок. и Харл. Талановых полугодовых ведомостях показывались между прочим их фабричным строением 27 ткацких светлиц с 230 станками, построенных в Кинешемской округе в разных владельческих селениях на помещичьих землях. Оборудование этих светлиц, станки и инструменты, находившиеся в них, принадлежали ф-нтам [2]). Средний размер светлицы—около 9 станков. Помимо собственных у некоторых ф-нтов в деревнях имелись *наемные* светелки. Такие светелки были, напр., у Григ. и Петра Углечаниновых в разных деревнях Костр. уезда. (См. Ведомость поданную этими ф-нтами во 2 часть Костр. городнич. дел в 1798 г. арх. Костр. Научного Об-ва). Мы видим, т. об., что крупно-полотн. ф-нты сами заводили ткацкие светелки в деревнях. Нельзя сказать с совершеной определенностью, на какой почве создавалось это явление, но, надо думать, вы-

---

[1]) См. Сенатское дело № 4489 купца и ф-нта Углечанинова о полотн. ф-ке, купленной с аукциону. Вступило 1816 окт. 16-го, решено 1816 г. ноября 6-го на 14 лл." Хран. в арх. б. Костр. губ. уч. арх. ком.

[2]) Дело № 133 по просьбе Кинешенского купца Прокопия Таланова о переводе производимого дела из Кинешемского в Костр. городской магистрат 9 авг. 1801 г. на 57 лл., хран. в арх. б. Губ. пр-ия. См. лл. 13, 14 и 34. В 1815 г., как это видно из другого дела (Сенатское дело № 1418 мещ. Таланова о долге тражданину Углечанинову 1815 г. л. 14) к ф-ке Таланова в селениях Кинешемской округи принадлежало 28 светелок.

нуждалось оно, гл. об., острым недостатком фабричных р-х. Мы видели выше, как остро этот недостаток чувствовался, напр., на ф-ке Углечанинова в 1806 г: не только вновь заведенные 100 ткацких станов, но и многие из старых станков за недостатком р-х оставались праздными. Ф-нты всячески боролись с этим недостатком р-х; усиленно домогались права покупать и держать для фабричных работ крепостных кр-н. Мы будем еще иметь случай далее рассказать о стремлении того же Углечанинова перевести на Костромскую его ф-ку кр-н, приписаных к Кинешемской ф-ке Таланова, купленной им, Углечаниновым, с торгов. Можно сказать больше, едвали не вся эта затея с покупкой Талановской ф-ки создалось на почве стремления достать для Костр. ф-ки помощью этой покупки приписанных к купленной ф-ке крепостных.

Далеко не всегда однако попытки ф-нтов заполучить тем или иным способом в свое распоряжение подневольных р-х увенчивались успехом. Волей-неволей приходилось становиться на почву эксплоатации наемного труда. Но наемных р-х было мало, да и шли они на ф-ки, особенно кр-не, надо думать, крайне неохотно. Если в 19 в. еще во многих старинных ткаческих районах коренные кр-не неохотно уходили на ф-ку в р-ие, и ядро фабричных рабочих составлял лишь тонкий немногочисленный слой так наз. голыдьбы[1]), то в XVIII в. тоже явление должно было наблюдаться в еще большем размере. И вольных р-х достать на ф-ки было очень тяжело, но если кр-нин не шел на ф-ку, то ф-ка должна было пойти к крестьянину. Ф-нт должен был попытаться найти такие формы промышленности, которые позволяли бы использовать крестьянской труд, не отрывая его от его первоосновы — от крестьянского хозяйства. Такая форма и была найдена, в виде своеобразного сочетания централизованной

---

[1]) Вот, что, м. пр., пишет в своих недавно опубликованных прекрасных бытовых очерках Вичугского фабричного края Вл. Миндовский, хорошо знающий его настоящее и прошлое (Труды Костр. Научн. Об-ва. Вып. XIII Второй историч. сб-к. Вл. Миндовский. Вичугская фабричная старина. Бытовые очерки и заметки) „Вообще, в прежнее отдаленное время (речь идет о первой половине 19 в.)... большинство постоянных фабр.-зав. р-х вербовалось из различной бездомовой, безземельной „голыдьбы“ (стр. 62)... „всякие бобыли, отставные солдаты и все почему-либо отбившиеся от кр-нства... составляли здесь первый постояннный контингент фабр.-зав р-х“ (стр. 40), „настоящий „коренной“ кр-нин долгое время упорно избегал фабричной работы“... И лишь „плохие условия местного земледелия, вынуждавшие искать подсобного зароботка, мало-по-малу пробивали здесь неизбежную брешь. И опять таки, первыми двигались на ф-ки излишние для крестьянства члены больших семейств, в особенности — подростки, бывшие солдаты, вдовы и т. под“, (стр. 62).

фабрики с сетью привязанных к ней, разбросанных по деревням ткацких светелок, где местные кр-не могли работать, не нарушая ни своего земледельческого хозяйства, и не ломая слишком резко своих веками сложившихся привычек[1]). Мы еще раз подчеркиваем, что сами ф-нты, в цепях использования местных кр-н в качестве ткачей, за свой счет строили светелки, как это делал Кинешемский ф-нт Таланов, напр., во владельческих селениях. Впоследствие эти светелки перешли в чужие руки, в т. ч. и гл. обр., вероятно, в руки кр-н. Когда ф-ка Талонова была куплена Костр. ф-нтом Петром Углечаниновым, и он начал ее ликвидацию в целях перевода р-х на Костр. ф-ку, то он продавал ткальные по округе Кинешемской светелки [2]), и, так. обр., ткацкие светелки, заведенные по деревням ф-нтами, могли попасть в руки местных кр-н.

В общем и целом, из всего сказанного напрашивается вывод, что кустарная полотняная промышленность создавалась при ближайшем участии в этом деле полотняных ф-нтов и что, по крайней мере в первое время существования ее, не могло идти и речи о борьбе между фабрикой и кустарной светелкой, и это просто потому, что и ф-ка, и светелки, составляя собою части одного из того же хозяйственного аппарата, находились в руках одних и тех же лиц, ф-нтов.

Впоследствие, когда светелки перешли в руки других владельцев, не ф-нтов, положение могло измениться, а с упад-

1) Отметим кстати, что такой „светелочный" тип совместной работы ведет свое начало от самых древних времен и встречается, как это констатирует Бюхер, почти у всех нецивилизованных народов. Почти везде существуют, г-рит он, общественные дома для собраний „они служат не только местом общих работ, но нередко и ночлегом, и почти всегда помещением для танцев и игр; здесь поют, шутят, болтают, смеются над безплодными усилиями неумелых, восторгаются удачей прилежных и искусных" (стр. 191). Этот обычай совместного труда в общем помещении сохранился еще и в Германии в виде „прядилень" деревенских девушек, „бесед", происходящих по очереди у всех участников данного кружка и пр., „Особенно развит этот обычай—говорит Бюхер (стр. 192) - у русских кустарей. У них кустари, мужчины и женщины, часто не работают у себя дома, а собираются большой компанией, в к-рую входят иногда все односельчане, занимающиеся данным промыслом, в особом помещении, либо нанятой большой крестьянской избе, либо специально для этой цели построенной мастерской. Такое помещение для совместной работы чаще всего и теперь называется „светелкой", иногда и „ф-кой". Карл Бюхер. Возникновение народного хоз., изд. 2-е, Пбург, 1912). Путем ряда незаметных переходов, эти ведущие свое начало из старины супрядки превратились в фабричные светелки—в звенья обширной фабричной системы.

2) Сенат. дело № 1418—1815 г. л. 15.

ком вывоза русского полотна заграницу и общим ухудшением в связи с этим положения всей полотняной, как крупной, так и мелкой промышленности, должна была возникнуть и обостриться конкуренция между ф-кой и светелкой, между крупным ф-нтом и фабрикантиком—мастерком. Так оно и случилось. Отстаивая свое существование, мелкие фабрики вступают в борьбу со старинной крупной ф-кой и в целом ряде случаев приводят эту борьбу к успешному для себя концу.

Одним из чрезвычайно любопытных эпизодов этой борьбы, в котором борющиеся стороны, в целях достижения успеха, не брезгали никакими средствами является так назыв. Талановское дело. Вкратце это дело заключалось в следующем [1]).

В Кинешме существовала не раз упоминавшаяся старинная крупная ф-ка Прокофия и Харлампия Талановых, основанная еще в 1758 г. Как писал в одном из своих прошений „бывой" ф-нт Прокопий Таланов (в ноябре 1815 г., „ф-ка сия до 1801 г. была не только в довольно значительном состоянии, но и была, так сказать, образцом для прочих таковых же ф-к, от нее принявших начало своего существования и находящихся в смежной окольности, как по Костр., так и по Влад. губ. и числом не менее как до 40 ф-к, на коих работали первоначально люди, обучавшиеся на нашей ф-ке" [2]). На почве недостатка искусных ткачей у Талановых бывали столкновения —ссоры и дела по магистрату с некоторыми своими согражданами за сманивание ими с его ф-ки вольнонаемных лучших ткачей. И вообще, повидимому, крупная Талановская ф-ка, являясь, благодаря своим размером, опасным конкурентом, серьезно мешала развитию окрестных полотняных фабричек, и владельцы последних всячески старались поэтому свалить ее, что им и удалось сделать в 1810-х годах, благодаря содействию Костромского ф-нта Углечанинова. Выше мы видели, как остро стоял вопрос о р-х на ф-ке Углечанинова. Вольных р-х достать было трудно, и потому приписанные р-ие, в значительном числе имевшиеся на ф-ке Таланова, сделались для Углечанинова лакомым куском, коль скоро Талановская ф-ка, частью вследствие внутренних несогласий между братьями—владельцами частью в силу задолженности—остановилась. Купив эту ф-ку, Углечанинов намеревался, унич-

[1]) Интересующихся этим характерным делом в подробностях отсылаем к приложениям.

[2]) Сенатское дело № 1418 мещ. Таланова о долге гр-нину Углечанинову 1815 г.

тожив вовсе Талановскую ф-ку, перевести р-х на свою Костромскую ф-ку. Покупка ф-ки была произведена, очевидно, не без содействия со стороны губернских властей. Из дела ясно также что всячески этому содействовали и Кинешемские ф-нты, и, как кажется, не без основании, в одной из записок по делу Костр. ф-нта Петра Углечанинова [1]) говорится, что „*как кураторы* (т. е. члены конкурсного управления, в к-ром находилась Талановская ф-ка), *а особливо члены магистрата, имеющие небольшие заведения полотняного дела, коим обширность Талановской ф-ки препятствовала усилиться и размножаться, с намерением употребили всевозможные средства, чтобы Таланова, как только возможно, лишить ф-ки,* а потому насчитали и представили долгов не малые тысячи, включая в то число спорные, судебным порядком не рассмотренные, следуют ли к платежу или нет, и оставленные без законного решения; к-тому же некоторые (долги) показав ложно казенными, каковых Таланов никогда на себе не имел и вовсе с казною обязательства ни в чем не чинил." В этом эпизоде, в этом характерном подсиживании крупного ф-нта мелкими нашла свое отражение та рознь, тот дух взаимной вражды и конкуренции, какие, повидимому, проявляются все резче и резче, по мере того, как, с одной стороны, размножилась полотняная промышленность, и, главным образом, в форме мелкофабричного и кустарно—светелочного пр-ва, а с другой —ухудшились общие условия полотняного дела на мировом и внутреннем рынках. В результате из этой борьбы победителем вышла мелкая промышленность, а крупная сошла на нет. Мы указывали уже выше, что основнаа причина этой победы мелкого пр-ва над крупным лежала в технической отсталости крупного производства, в господстве на полотняных ф-х ручного, а не машинного труда. Иные условия для мелкой полотняной промышленности создались тогда, когда крупная промышленность усвоила западно—европейскую машинную технику, что в Костромском крае начинает осуществляться с 50-х г. 19 ст. [1]) С возрождением крупнополотняной промышленности в форме машинной индустриоткрывается уже по существу новый период в истории полотняной промышленности, резко отграничивавщий ее от старой полотняной промышленности XVIII и первой половины XIX века.

---

[1]) Сенатск. дело № 4156 „по делу ф-нта Углечанимова о полотняной ф-ке 1816 г. (на 9 л.).

[1]) См. об этом Ев. Дюбюк Осн. черты и т. д. стр. 99—103.

Приложение 1-е.

Полотняные ф-ки Костромского края по данным „Экономических примечаний к генер. межеванию.“

№	Владелец.	Камен. или дерев. ф-ка.	Число покоев.	В них станов.	Число р-х до.	Выработка в год. (тыс. аршин).			
						Фламского полотна до.	Равендуку до.	Каламенки до.	Всего ценностью (тыс. руб.).
	г. Кострома.								
1	Имен. гр. Петр. и Григ. Углечаниновы	Кам.	60	350	600	80	40	—	50
2	1-й гильдии купец Ив Стригалев	Кам.	14	96	200	20	25	20	20
3	1-й „ Вас. Ашастин	Кам.	18	110	250	24	—	24	30
4	2-й „ купцы Ив. и Илья Дм. Волковы	Кам.	8	53	110	12	12	12	16
5	Вас. и Семен. Пыпины	Кам.	8	50	100	10	10	10	15
6	Дм. Солодовников	Кам.	5	39	75	7	7	7	10
7	1-й гильдии купец Алексей Дурыгин с братьями	Дер.	15	95	200	20	25	25	20
8	1-й „ Яков Ашастин	Дер.	4	26	50	5	5	5	5
9	2-й „ „ Алексей Колодкин	Дер.	3	16	35	3,5	3,5	3,5	4
10	2-й „ „ Степан Углечанинов	Дер.	2	13	30	2,8	2,8	2,8	3
11	2-й „ „ Федор Калашников	Дер.	2	12	30	2,8	2,8	2,8	3
	Итого по Костроме		139	860	1680	187,1	133,6	112,6	176
	Костр. у. с-цо Омалихино								
12	гр. Ром. Лар. Воронцов.	Кам.		70					
	в. Кинешма.								
13	Кинеш. купца Григ. Ив. Таланова			20					
	г. Нерехта.								
14	СПБург купца Мих. Грязновского обще с Нерех. купцом Мих. Большим Пастуховым	Кам.	9	32					
15	Нерех. купца Осипа Семен. Суворова	Кам.	5	21					
	г. Плес.								
16	Купцов Андрея и Ив. Ермолина			?					

Приложение 2-е.

Полотняные фабрики г. Костромы в

Владелец ф-ки.	Год основания ф-ки.	Сколько к обращению назначено капитала собственного и на кредит взято (рубл.).	До какого количества каждогодно покупается материалов (рубл.).		Сколько каж тывается кус слож	
					Фламского.	
			Льняной пряжи.	Золы.	Ширин. 1½ арш.	Ширин. 45 дюймов.
1. Костр. именитый купец Гр. Дм. Углечанинов с сыном Петром	1751	120000	125000	10000	до 2000	до 300
2. Костр. имен. купец Вас. Ив. Стригалев с детьми после брата Григорья	1761	60000-100000	50000—70000	5000	1000	—
3. Костр. 1-й гильдии купец Алексей Петров Дурыгин с братьями Иваном, Михайлом и умерщим Дмитрием	1778	не менее 134000	128000	15000	3758	837
4. Костр. 1-й гильдии купец Вас. Сем. Ашастин	1760	не менее 65000	40000	5000	1198	—
5. Костр. 1-й гильдии купец Борис Ив. Стригалев с детьми	1792	65000—70000	55000	7050	до 160	до 1600
6. Костр. 2-й гильдии купец Иван Дм. Волков	1761	не менее 17000	12500	1300	203	—
7. Костр. 2-й гильдии купец Яков Ильин Ашастин	1784	не менее 45000	30000	2500	957	126
8. Костр. 2-й гильдии купец Дм. Ив. Соловьников	1787	до 45000	4000	4000	1020	—
9. Костр. 2-й гильдии купец Алекс. Мих. Колоткин с детьми Васильем и Дмитрием	1786	до 20000	17000	3000	400	—
10. Костр. 2-й гильдии купец Ст. Мих. Углечанинов с детьми Алексеем, Васильем и Николаем	1772	до 19000	18000	2500	499	—
11. Костр. 2-й гильдии купцы Вас. и Сем. Тимофеевы Пыпины	1768	до 30000	10500	2500	505	—
12. Костр. 2-й гильдии купец Федор Матв. Ознобихин	1789	до 32000	26000	4000	647	—
13. Костр. 3-й гильдии купец Илья Дм. Волков	1762	до 10000	3500	670	180	—
14. Костр. 3-й гильдии купец Федор Алекс. Красильников с братом Иваном	1800	до 10000	8500	золы и дров 1500	270	30

*) Полукуска.

**) Ф-нтами №№ 4, 6, 7, 9 и 14 показаны цены 1800 г., а №№ 8 и 12 по трехлет-

1801 году по данным дела № 1872.

догодно выработков по трехлетней ности.				По какой цене обходится каждый сорт.							По каким ценам поступает в продажу.						
Равендука.				Цена за кусок в рублях.							Цена за кусок в рублях**)						
				Фламск.		Равендук.					Фламск.		Равенд.				
Шир. 1 арш.	Шир. 36 дюйм.	Шир. 32 дюйм.	Каламенка.	1½ арш. ординарное.	45 д. „широкое“.	1 арш. ординар.	36 д.	32 д.	Каламенок.	Каламенок за 1 арш. коп.	1½ арш.	45 д.	1 арш.	36 д.	32 д.	Каламенок.	Каламенок за 1 арш. коп.
до5000	до600	до600	1500	22½	29	14	17½	16½	24½	·	23	30	14½	18	17	25½	—
4000	—	—	300	23	—	13½	—	—	—	34	25	—	15	—	—	—	36
7725	1290	1290	1290	23½	30	14½	19	17	—	35	25	31½	14½	20½	18	—	37
4506	—	—	155	21	—	14	—	—	—	35	21	-	14	—	—	—	35
до4560	—	—	до520	22½	29	14	—	—	24½	—	23½	30	14½	—	-	25	—
647	—	123	—	22	—	14	—	15¼	—	—	20	—	13	—	16½	—	—
3546	—	—	—	22¼	30½	14½	—	—	—	—	20	33	13½	—	—	—	—
2454	—	—	462*)	23¾	—	14⁸/₁₀	—	—	10⁸⁵/₁₀₀*)	—	25¹/₁₀	—	15¼	—	—	11⁴/₁₀*)	—
1500	—	—	-	22½	—	15	—	—	—	—		—	13	—	—	—	—
1928	—	—	—	23	—	13	—	—	—	—	21	—	13¼	—	—	—	—
2477	-	—	—	23¼	—	14½	—	—	—	—	23½	—	14¾	—	—	—	—
2729	—	—	—	23	—	14¼	—	—	—	—	24	—	14¼	—	—	—	—
650	—	—	—	23¼	—	14½	—	—	—	—	23½	—	14¾	—	—	—	—
600	—	—	—	20	25	13	—	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—

ней сложности.

Полотняные ф-ки в г. Плесе по данным „Рапорта

Владелец ф-ки.	Год основания ф-ки.	К обращению употребляется собственного и кредиторского капитала рубл.	Материалы име			
			Пряжа льняная.		З о л а.	
			Пудов.	На сумму. рубл.	Четвертей.	На сумму рубл.
1. Плеский купец Иван Яковл. Ермолин	1789	до 13000	до 2200	23650	до 220	1100
2 Плеский купец Ив. Андрианов. Зубарев обще с братьями родными Дмитр. и Михайл. Зубаревыми	1794	до 16000	до 2000	20000	до 200	1000
3 Плеский купец Егор Семен. Шишмолин	1795	до 6000	до 350	4200	до 40	285
Итого в Плесе	—	до 35000	до 4550	47850	до 460	2385

Полотняные ф-ки внутри г. Кинешмы по данным „Ве
в Кинешемский градский ма

Владелец ф-ки.	Год основания ф-ки.	К обращению назначается капитала.	Материалы имеются покупкою.	
			Пряжи пудов.	Золы четвертей.
1. Кинеш. 1-й гильдий купец и ф-нт Дмитрий Таланов с его племянники	1779	70000	до 4000	до 350
2. Купец и ф-нт Ал-ндр Грязнов с братьями	1778	40100	до 3000	250
3. Купец и ф-нт Сергей Грязнов	1778	30000	до 2500	до 200
4. Купец и ф-нты Прокопий и Харлампий Талановы	1758	?	?	?

Полотняные ф-ки г. Нерехты по данным рапорта

Владелец ф-ки.	Год основ. ф-ки.	К обращению назначено капитала рубл.	Вырабатывается в год полотен кусков.	
			Фламск.	Равендук.
1. Нерех. купец Иван Семенов. Брюханов	1799	12000	300	600

Плеского город. магистрата от 24 генваря 1801 г.“

ются покупкою.	Вырабатывается по 3-х летней сложности в 1 год.		Обходятся изделия хозяевам с ткаческою работою.		Означенных полотен отпускается в каждый год по цене на сумму рубл.
Дрова или лес.					
На сумму рубл.	Фламских ординарных мерою по 50 арш. кусков.	Равендук ордин. по 50 арш. кусков.	Фламское за кусок рубл.	Равендук.	
до 6000	1100	1200	18	12	до 34450
500	1000	1000	18	12	до 30000
175	100	250	18	12	до 4800
1275	2200	2450	—	—	до 69250

домости“, доставленной из Кинешемской градской думы гистрат 14 февраля 1801 г.

Обходится каждый сорт по цене (за кусок в рублях).			Идет в продаже по цене в рублях за кусок.			Отвозятся для продажи к СПБургскому порту.	
Фламск.	Каламенки.	Равендук.	Фламск.	Каламенка.	Равендук.	в количестве кусков.	по цене на сумму рубл.
20	21	15	17	21	$12^1/_2$	4000—5000	70000
20	21	15	17	21	$12^1/_2$	3000—4000	40000—45000
20	21	15	17	21	$12^1/_2$	2000—3000	30000—35000
?	?	?	?	?	?	?	?

Нерех. городового магистрата от 11 дек. 1800 г.

Обошлись каждый кусок (рубл).		Проданы по цене (за кусок) в рубл.		В отпуску было.	
Фламск.	Равендук.	Фламск.	Равендук.	Кусков полотна.	На сумму рубл.
22	14	18	$12^3/_4$	900	13050

Приложение 3-е.

Годовая выработка полотняных ф-к г. Костромы в конце XVIII в. (в кусках) [1].

Ф-ки.	Фламское полотно.	Ревендук.	Каламенок.	Всего.
Петр. Углечанинова	?	?	?	8000
Дурыгиных	4000	850	3500	16000
Колодкина	?	?	—	2000
Вас Стригалева	1500	4000	500	6000
Бор. Стригалева	1000	4000	500	5500
Солодовникова	900	2700	?	3900
Вас. Ашастина	?	?	—	4500
Якова	800	2700	—	3500
Ознобихина	600	2200	—	2800
Ильи Волкова	200	600	—	800
Ив. „	240	850	—	1095
Пыпиных	?	?	—	3000
Степ. Углечанинова	554	2045	—	2599
Итого				59694

[1]) Составлена табличка по данным Дела архива Костр. Гор. Управы по ген описи № 1009—о доставлении Костр. губ-ру относительно происходимой в здешнем городе торговли обстоятельного сведения, началось 8 окт. 1799 г. Данные эти представляют собою ответы ф-нтов на запрос президента коммер—колегии т. сов. сенатора и кавалера князя Гаврилы Петровича Гагарина.

Приложение 4-е.

Об'явленные полотняными ф-нтами г. Костромы капиталы[1]).

	Об'явлено капиталов (в рубл.) на:						
	1788	1789	1790	1791	1792	1794	1795
1. Им. гр. Петр Ив. Углечанинов . . .	50500	50500	50500	50500	50500	50500	50500
2. 1-й гильдии Ив. Тим. Стригалев с детьми: Григ., Вас. и Борисом . . .	30000	30000	30000	—	—	—	—
3. 1-й гильдии Григ. Ив. Стригалев	—	—	—	30000	30000	20000	20000
4. 1-й гильдии Борис Ив. Стригалев	—	—	—	—	—	10100	10100
5. 1-й гильдии Алексей Петр. Дурыгин . .	15000	15000	20000	20000	20000	20000	20000
6 1-й гильдии Вас Сем. Ашастин	10100	10100	10100	10100	10100	10200	10200
7. 2-й гильдии Ив. Дм. Волков с братом Ильей и проч.	7050	7100	7100	7100	7100	7150	7150
8. 2-й гильдии Степ. Мих. Углечанинов . .	5050	5050	5050	5010	5050	5050	5050
9. 2-й гильдии Яков Ильин Ашастин . . .	5010	5010	5100	5100	5200	5500	6200
10. 2-й гильдии Дм. Ив. Солодовников . .	5010	5010	5010	5010	5010	5025	5500
11. 2-й гильдии Федор Матв. Ознобихин[2]) .	—	5010	5000	5000	5000	5010	5010
12. 2-й гильдии Мих. Мих. Колоткин . . .	5005	5005	5005	5005	5005	5005	5005

Приложение 5-е.

„*Ведомость Костромских городнических дел во 2-ю часть Костр. именитых граждан Григорья Дмитриева и сына его Петра Григорьева Углечаниновых (о том), какое количество в покупке пряжи и сколько выделывается полотен и по каким ценам.*—В нынешнем 1798 г. в покупке пряжи 10395 пуд., ценою каждый пуд по 11 р. 50 к., итого на 119542 р. 50 к. —В здешнем губ. г. Костроме на состоящей ф-ке нашей при доме нашем, также и в уезде в разных деревнях в наемных домах выделывается в целой год полотен, именно: фламских в $1^1/_2$ арш. 1685 кусков, мерою в каждом куске по 50 арш., ценою каждый кусок по 21 р., на 35385 р., фламских шириною в 45 дюйм 260 кусков мерою каждый кусок по 57 арш., ценою каждый кусок по 25 р., на 6500 р.; равендуков шириною в 36 дюйм 325 кусков, мерою каждый кусок по 50 арш.,

[1]) Данные за 1788 г. взяты из архива б. Костр. Гор. Управы из „Дела по резол. Костр. Город. шестигл. Думы о присылке из Костр. город. магистрата о Костр. купеч. и мещанстве на 788 год с имянной и генеральной ведомостей копий“ (по ген. описи № 12). За след. годы взято из соответств. дел.—по ген. описи №№ 91, 166, 249, 387, 560 и 689.

[2]) В 1788 г. у Ознобихина ф-ки еще не было.

ценою каждый кусок по 17 р., на 5525 р.; шириною в 32 д. 655 кусков, мерою каждый кусок по 50 арш., ценою каждый кусок по 15 р., на 9825 р.; шириною в 1 аршин—3850 кусков, мерою каждый кусок по 50 арш., ценою каждый кусок по 13 р., на 50050 р.; каламенки шириною в 1 арш. 2280 кусков мерою каждый кусок по 68 арш., ценою каждый кусок по 21 р. 75 к., на 49590 р.. всего 9055 кусков на 156875 р.— Оные полотна отпущаются летом на барках по вольным ценам а зимою на наемных лошадях к СПетерб. порту, где продаются иностр. купцам. А как в г. Костроме на оные товары покупщиков не бывает, то за отпуском в СПБург к другому году не остается. Петр Углечанинов подписуюсь". Подана во 2-ую часть июня 25 дня 1798 г. (Архив б. Костр. Уч. Арх. Ком., доставлена в комиссию В. М. Парийским 28 июня 1893 г).

Приложение 6-е

Сведения о фабрикантском землевладении.

I) „Ведомость, кто имены выгонную землю (г. Костромы) заселил—о том значит ниже сего: ф-нта Костр. купца Козьмы Углечанинова при крепостных его землях под зольником некоторая часть выгонной земли. Костр. купцами Ильей Ивановым сыном Ашастиным, Петром Прокофьевым сыном Пастуховым построен овин...." (Дело архива Костр. Город. управы „по доношению от первоклассного старшего землемера пример-майора Баранова о обмежевании здешнего города (Костромы) разночинческих земель, началось марта 18 дня 1773 г.")

II) В „Межевой книге по г. Костроме 1773 г.", сочиненной при генер. межевании, м. пр., значатся земли: под № 65 —под дворным строением и огородом купца Федора Матвеева *Ознобихина*—150 саж., под № 170—под двор. строением с огородом Нерехтского купца фабриканта Михайла Петрова *Пастухова* 982 саж. 1 арш. 2 вершка, № 181—под двором и фабриками Костр. купца и содержателя оной Семена Иванова *Ашастина* 8 дес. 10 саж., № 182—под двором и огородом приписного к означенному ф-нту *Ашастину* из церковников Матвея Семенова Рогожина—393 саж. № 183—под селидебной и огородной землей бывшей Судиславской воеводской канцелярии секретаря Василья Иванова Ашиткова, „а ныне на оной земле полотн. ф-ка Костр. купца и содержателя оной Козмы Иванова сына *Углечанинова* 1 дес. 1657 кв.; № 217—под двором и огородом отст. солдата Федора Ив. Углечанинова—748 саж; № 261—под огородной землею Нерех.

купца и ф-нта Мих. Петрова *Пастухова* 919 саж. 13 вершк.; № 286—под двором и огородной землей Костр. купца и полотн. ф-ки содержателя Григорья Иванова *Стригалева*—838 $^5/_6$ саж.

III). Некоторые из полотняных ф-нтов были весьма крупными земле—и домовладельцами по г. Костроме, как в этом можно убедиться, рассматривая „План губ. г. Костромы за № 3 а.-I, хранящийся в архиве Костр. Гор. Управы“ [1]).

Так, во владении Углечанинова находились земельные участки в кварталах: 46-м [2]) (на углу Серг. и Заводской улиц), 35 [3]) (почти весь квартал,—в этом участке у него во владении находилось 10 кам. зданий), 17 (с выходом на Троицкую ул.), 38 (угол Влас. и Возн.), 6 (ближе к площади—камен. дом с выходом на Александр. ул.), 15 (угол Пятн. и Влас.), 34 (почти весь квартал), 49 (больше $^1/_2$ этого квартала занимали „поляны Углечанинова“) и квартале, ограниченном улицами: Лаврской, Дмитриевской, Алексеевской и Сенной (на углу Дмитр. и Алексеевской). Стригалеву принадлежали участки

---

[1]) План не датирован, но, по определению „Матер. по библиографии Костр. края“ (Тр. Костр. Научн. Об-ва, вып. XIV, стр. 13., № 150). —1784 г. В подзаголовке плана сказано: „В настоящем его положении с об‘явлением последовавших против высоч. конфирмованного плана некоторых перемен и дополнений.“ Масштаб в 1 англ. дюйме 50 саж.

[2]) Нумерация кварталов принадлежит указанному плану. Для облегчения ориентировки необходимо указать, какие улицы (довоенного времени) отграничивают в натуре каждый квартал: кв. № 3—Ильин., Верхн. Наб., Богосл. и Дебринская; 5—Александровская (Никольская), Козьмод., Кинеш. (Русина) и площадь; 6—Александр., Козьмод., Марьин., и площадь; 7—Павл., Златоуст., Марьин. и площадь; 8—Павл., Златоуст., Елен., и площадь; 9—Пятн., Елен., Костр. (Богоявл.) и площадь; 11—Пятн., Конст., Моск. (Мшанская) и площадь; 12—Верхн. Наб., Симеон., Моск.; 13—Верхн. Наб., Возн., Моск., Семен.; 15—Возн., Влас., Пятн. и Конст.; 17—Троицкая Елен., Пятн. и Богоявл.; 19—Лавр., Сенная, Павл. и Златоуст.; 20—Павл., Сенная, Златоуст. и улица, выход. к Козьм. пруду; 22—Марьин., Смолен., Александ. и Козьмод.; 34—Елен., Дмитр., Алексеевская и Сенная; 35—Троицкая, Елен., Завод., и Серг.; 36—Богоявл., Завод., Серг. и Троицкая; 38—Возн., Влас., Конст. и Царев.; 40—Моск., Возн., Верхн. Наб. и Царев.; 41—Верхн. Наб., Спасская Моск. и Царев.; 42—Моск., Царев., Конст. и Спасская; 46—Серг., Завод., Полян. и Воздвиж.; 49—Елен., Дмитр., Алексеевская и Калиновская; 83—Кирпичная, Конст., Спасская, Моск.; 84—Верхн. Наб., Кирпичная, Моск., и Спаская; 85—Речная, Конст., Кирпичная и Моск.

[3]) В „из‘яснениях“ к плану г. Костромы, хран. в архиве Костр. Гор. Управы за № 4а-I (масштаб в англ. дюйме 100 саж., без даты, вероятно, конца XVIII в.) указано, что в квартале 35-м дом купца Углечанинова и при оном ф-ка.

в кварталах: 12-м (почти весь квартал—район нынешней семинарии; в этом участке 6 камен. корпусов), 13, 83 (с выходом на Моск. ул.), 84 (весь квартал—3 кам. здания), 85 (пустая земля, а на углу Моск. и Речной ул.—сушильный двор его же Стригалева). Дурыгин владел земельными участками в кв. 7 (ближе к Златоуст. ул.—где ныне дух. училище и почта —обширное владение с выходом на Павловскую,—камен. дом), 8 (где ныне акц. упр-ие, двор. собр-ие, панс.—приют, музей —почти весь квартал, три кам. дома с выходом на Павловскую), 19 (½ квартала к Златоуст. ул., где ныне электролечебница, кам. дом.), 20 (на углу Павл. и Златоуст.) и 22 (обширное владение с выходом на Смолен. ул.). Ашастину принадлежали участки в кв, 17 (с выходом на Еленин. ул.), 5 (ближе к площади, большой кам. дом с выходом на площадь). 41 (обширное влад., 3 кам. дома, из них 1 на Верхн. Наб. и 2 на Моск. ул.) и 42 (небольшое владение). Во владении Солодовникова находились участки в кв. 35 (небольшой участок с небольшим камен. домом), 9 (обширное влад, где теперь дом Третьякова,—4 кам. дома с выходом на Пятн. и Костр. ул.), 13 (кам. дом), 40 (обширное влад. с выходом на Верхн. Наб.). Колоткин владел участками в кв. 36 (довольно большое влад. с выходом на Серг. ул.), 5 (ближе к площади, кам. дом с выходом на площадь) и 13. У Калашникова зем. участки имелись в кв. 12 (кам. дом с выходом на Моск. ул.) и 11 (кам. дом с выходом на Моск. ул.). Наконец, у Красильникова имелась земля в кв. 3, и у Волкова в кв. 9 (ближе к площади,—кам. дом с выходом на Костр. ул.).

Приложение 7-е.

Извлечения из серии Стригалевских купчих

(архив б. Костр. Дух. Семинарии).

1) *Купчая 174 (1665) года.* „Яз, Иван Большой, да яз, Иван Меньшой Григорьева дети Русиновы Костромичи посадцкия люди продали есмя двор свой с хоромы и с огородом и с садом на Костроме на посаде в Преображенской улице Костромитину ж посадцкому ч-ку Петру Трифонову сыну *стригальщику.* А в межах тот двор посторон с Ысаковым двором Колачника, а по другую Горюгорьевской (?!) огород и сад Горяинова. А на том нашем дворе хором: изба, перед нею клеть, меж ими сѣни да баня да погреб; да в огороде сад. А тот

наш двор в огороде; а мера тому нашему двору и огороду по улице поперечнику 8 сажен, а от улицы в кут 34 сажени, а в кути огорода поперечнику 11 саж.; а взяли есмя я, Иван Большой, да я, Иван Меньшой Русиновы у него Петра Стригальщика за тот свой двор с хоромы и с огородом 25 рублев серебряных денег московских ходячих нынешняго 174-го году ноября в 19 ден. Да і ввѣки ему, Петру, тот наш двор с хоромы и с огородом и с садом без выкупу. А земля под тем двором и огорсдом вел. г-ря царя і вел. князя Алексѣя М-ча всеа В. и М. и Б. Р. с-ца посадцкая черная тяглая. А в очищенье порукою на том дворе с хоромы и с огородом писались от иных купчих и от кабал и от записей и ото всяких крепостей мы же, Іван Большой да Иван Меньщой, да Костромичи ж посадцкия люди Перѳилей Агѣев сын и Трубин да Борис Іванов сын мясник; буде, где у кого на тот двор с хоромы и с огородом и с садом какая крепость выляжат, и нам. очищельником, тот двор с хоромы и с огородом и с садом очищать, а его.........“ Далее Документ оборван, а по копии, кстати, очень плохой, 19 века, далее так: и убытка никакого не доставить; на обороте: „К сей купчей Спаской поп Никита вмѣсто Ивана Большого да вмѣсто Ивана Мѣньщого Григорьева детей, по их челобитью руку приложил. К сей купчей Ѳетко Агѣев вмѣсто очищельников Бориса Іванова мясника да Перѳилья Агѣева по их челобитью руку приложил. Послух Логинко руку приложил. Послух Мартюшка руку приложил.

1759 г. году маия 18 дня сия купчая в Костромском провинциальном межевом ведомстве Костромской провинцы межевщика калежского ассесора Назимова при скаске Костромского купца Ивана Тимофеева сына Стригалева явлена и копия с нѣе во оном правлени принята и по освидетельствовани отдана обратно показанному об'явителю Стригалеву с роспискою „Фѣдот Назимов. Канцелярист Алексѣй Яковлев“.

2) На гербовой бумагѣ.

„Лета 1710 г. июля в 4 де вдова Епистимья Михайлова дочь Костромитина посацкого ч-ка Іванова жена Іюдина сына Гнусина продала я Костромитину ж посацкому Тимоѳею Петрову сыну Стригалеву дворовое і огородное свое і мужа своего место на Костромѣ на посаде на тяглой землѣ в Прображенской улице в межах посторон двором и огородом в-вы Григорьевской жены Белоусова, а по другую сторону с ево ж Тимоѳѣевым двором и огородом

Стригалева. А мѣра тоі моей дворовоі і огородной землѣ по улице по перечнему 13 саж. без четі, а в длину дворовоі и огородноі земли 37 сажен, а в кути огоро[illegible] [illegible]чнику 9 сажен великого г-ря в трехаршинную (сажен) бе(з-четве)рти. А я, в-ва Епистимья, у него Тимоѳея за то свое дворовое і огородное мѣсто (взяла) 8 рублев серебряных денгъ прямых без примиси. Да и ввѣкі ему, Тимоѳею; женѣ: его і дѣтям то мое дворовое і огородное мѣсто без выкупа, а в очищеніе того своего дворового и огородного места от всяких крепостеі і челобитчиков порукою ему, Тимоѳею, пісались яз же, в-ва Епистимия, да нижеподписавшияся. Буде, где и у кого ныне і впредь то мое дворовое и огородное мѣсто об'явитца іная какая крѣпость іли какоі челобитчик, і нам очищать, а ево, Тимоѳѣя и жены ево и детеі в тоі очискѣ убытка никакова не достать.—Костромы посаду Васильевский поп Василей Яковлев вмѣсто дочери своея духовныя в-вы Епистимиі Івановские жены Гнусина, что она вышеописанное свое дворовое и огородное м-о продала и денги взяла и сию купчую дала, по ее велѣнию руку приложил.—Костромитин посацкой ч-къ Петр Якимовъ сынъ Гнусинъ в очищенье писался и руку приложил. Костромитин посатьской ч-к Степан Горячькин в очиченье писалс и руку приложил.—Костромитин посацкой ч-к Андрѣй Іванов сын шапочник у сей купчей свидѣтелем был и руку приложил. —А купчую писал Костром. крепостных дѣл надсмотрщик Петр Поликарпов—1710 г. июля в 4 де за письмо і з запиской 4 алтына 2 денги взято і сия купчая на Костромѣ у крепостных дѣлъ в книгу записана перечнем, а для совершения і записки явить еѣ і пошлины платить в указное число гдѣ надлежит; а буде, в указное число записана не будет и она не в крѣпость. Подписал я же Петр Поликарпов.

3) [1]) 1741 г. 6 июля Костр. провинц. канц. подьячий Ив. Борисов Из'единов продал Костромитину посадскому ч-ку Ив. Тимоф. Стригалеву Меншему „двор свой с хоромы и с огородом в Костроме на посаде в Преображенской улице в межах посторонъ з Григорьевою землею Егорова сына Мусорина, а по другую сторону проезжей переулокъ к Волге реке, а позадь того огорода с огородною ж землею Якова Емельянова сына Лотошникова да в-вы Катерины Игнатьевой дочери Сергиевской жены Карпова Костромичь посацких людей, а межа тому моему двору и огороду по улице поперечнику 11 саж.

[1]) Дальнейшие купчие в целях экономии места приводятся в извлечении.

2 аршина, а позади огорода поперешнику ж 12 саж. с полуаршином, а посреди огорода поперешнику ж 12 саж. с полуаршином, в длину двора и огорода 32 саж. с полуаршином, в печатную сажень. А взял я, Иван Изьядинов, за тотъ свой двор со всякимъ хоромнымъ строениемъ и с огородомъ денгъ 10 р...“ Очистка и проч. Свидетель у купчей Костр. провинц. канц, подканцелярист Андрей Данилов Рожнов.

4. 1743 г. 13 янв. Арина Андреева дочь Костромитина посад. ч-ка Савинова жена Тимофеева сына Стригалева „с позволения мужа моего продала я для платежа за оного ж мужа своего Савина Стригалева в ыск истице в-ны бывшаго князя Алексея Михайловича Черкасского Костромскаго уезда села Емсны кр-нке вдове Ульяне Івановe дочере и на выкупъ оного мужа моего ис каторжной работы деверю своему Костромитину посацк. ч-ку Ивану Меньшему Тимоѳѣеву сыну Стригалеву двор оного мужа своего в городѣ Костроме в Преображенской улице со всем хоромным строениемъ. А в межах тот мужа моего двор посторону и позади двора здвором же оного деверя моего Ивана Меньшева Стригалева, по другую сторону з двором же в-вы Ѳедосьи, Артемьевой дочери дворянина Івановской жены Михайлова сына Сурмина. А межа тому мужа моего двору поперечнику с лица на Преображенской улице 8 саж. 1½ арш., длиннику, по двору до забору, что того двора назади, 22 саж. 1 арш., позади двора поперечнику ж 8 саж. 1½ арш. Да к тому ж мужа моего двору продала ж я, Орина, ему ж, девѣрю своему Івану Меньшему,... полосу огородной земли в той же Преображ. улице токмо на другой той Преображ улицы что к Волге реке стороне; в межах посторонь с огородною ж землею в-вы Аѳимьи Дементьевой дочери Костромитина посадцкого ч-ка Григорьевской жены Никитина сына Белоусова, а по другую сторону от двора деверя ж моего Ивана Большева Тимоѳѣева ж сына Стригалева и позади имѣетца ево ж, деверя моего Івана Меньшева,... огородная земля, а мера той огородной земли полосе поперечнику по Преображенской улице 8 саж. 2 арш., длиннику по полосе 21 саж., позади на другом той полосы конце в уском мѣсте поперечнику ж 5 саж. 1 арш. в указную печатную трехаршинную сажень. А взяла я, Орина Андрѣева дочь, у оного девѣря своего Ивана Меньшева Стригалева за вышеозначенные мужа моего двор и за полосу огородной земли денегъ 40 рублев“. Очистка и пр. Подписался посад. ч-к Вас. Савинов сын Стригалев — сын продавщицы.—В 1759 г. 18 мая эта купчая была явлена в Костр. провинц. межевом

ведомстве Костр. провинции межевщика кол. ассесора Назимова при скаске Костр. купца Ив. Тимоф. Стригалева.

5) 12 мая 1748 г. Костр. посад. ч-к Григ. Федоров Воронин продал Костр. купецкому ч-ку Ив. Тим. Стригалеву огородную свою землю в Костроме на посаде в Николаевской ул., десятильиничья, идучи от города на левой стороне. Межи: посторонь с огородною землею в-вы Натальй Дмитриевской жены Лузина, а по другую сторону с огородною землею его же Ивана Стригалева. Мера: по улице поперечнику 6 саж., в длину 12 саж. с аршином в указную 3-х аршинную сажень. Цена 9 руб. Очистка и проч.

6) В июне 1751 г. Костр. помещик кол. ассесор Семен Петров Глебов продал Костр. посад. ч-ку Ив. Тим. Стригалеву двор со всяким хоромным двором строением с дворовою и огородною землею и с яблонным садом в Костроме в Преображенской ул. что близь р. Волги „к-рой мною был куплен... в 1743 г. у помещицы в-вы Татьяны Инановой дочери кол. ассесора Ивановой жены Петрова сына Мусин-Пушкина". В межах с дворовыми и огородными землями по сторону в-вы Федоры Федоровой дочери Костромитина Максимовской жены Рукавишникова, а по другую с его Иванова Стригалева, а позади Семеновою огородною Иванова сына Денисова да бывого Костр. Дух. Пр-ия землями, А мера тому двору и огороду с яблонным садом поперечнику 39 саж., а в длину того двора и саду 32 саж. с аршином до земли об'явлений бывого Дух. Пр-ия, а до Ивановой земли Денисова поперечнику 33 саж. с полуаршинном. Цена 200 руб. Очистка и пр.

7) 17 апреля 1762 г. директор Ал-ндр Филипов Угримов продал Костр. полотн. ф-ки содержателю Ив. Тим. Стригалеву состоящий в г. Костроме в Никольской улице, что у Дух. Пр-ия свой двор со всяким хоромным строением, дворовою и огородною землею и яблонным садом. Досталась Угримову земля по купчим: 1) Костр. Дух. Консистория от канцеляриста Ив. Кузмина Протопопова и 2) от в-вы Евдокеи Васильевой дочери Костр. купца Семеновой жены Иванова сына и сына ее Андреея Семенова Денисовых. В межах: по сторону— проезжая большая называемая Никольская улица, а по другую сторону попа Фадея Федорова, а по третью сторону с огородной землей об'явленного содержателя Ив. Стригалева, а позади с огородною землею Костр. Дух. Пр-ия, к-рой именовался Духовною Консисторию. Цена 150 р. Мера не указана. Очистка.

8) 25 июня 1763 г. Костр. Дух. Консистории копеист Яков Ив. Протопопов продал Костр. полотн. ф-ки содержателю Ив. Тим. Стригалеву доставшуюся ему в 1763 г. по купчей от в-вы Феклы Ивановой дочери бывшего Костр. провинц. Канцелярии канцеляриста Ивановской жены Иванова сына Большакова дворовую и огородную землю в Костроме на посаде в Никольской ул., что у Десятильничья приказу, идучи от огорода на левой стороне. В межах—по сторону от огорода той дворовой и огородной земли проезжие дороги от Настасеина девичья м-ря к Волге, по другую—с землею церкви Николая Чудотворца, что Десятиленичья; по лицу той дворовой и огородной земли большая от города в Сулу проезжая дорога. Мера—по улице поперечнику 15 саж., длиннику от большой дороги в гору до проезжей от Настасеина м-ря к Волге дороги 18 саж., позади той дворовой и огородной земли поперечнику тож число в указную трех аршинную сажень. Цена 10 руб. Очистка.

9) 4 июля 1768 г. Купец Степан Григ. Кулаков продал Костр. купцу и полотн. ф-ки содержателю Ив. Тим. Стригалеву доставшуюся ему по наследству от отца, Григ. Ив. Кулакова, огородную землю в Костроме в Спасской бережной улице, идучи от города по левой стороне. В межах по обе стороны с его ж, Ив. Стригалева, землею, а позади с огородною землею г-на генерал-аншефа действ. камергера и разных орденов кавалера гр. Романа Ларионовича Воронцова. Мера —длиннику 37, поперечнику 18 саж. Цена 50 руб. Очистка.

10) 6 ноября 1768 г. Костр. купец Михайла Яковлев Шевяков продал Костр. купцу и полотн. ф-ки содержателю Ив. Тим. Стригалеву крепостной свой двор со всяким хоромным строением, с дворовою и огородною землею в Костроме в Никольской ул., что у Деятильничья двора, идучи от города на левой стороне. В межах—по сторону Костр. купца Мих. Дм. Лузина, а по другую сторону и позади его ж Стригалева с дворовыми землями. Мера двору и огороду длиннику 19½ саж., в ширину 5 саж. 2 ар. Цена 50 руб. Очистка.

11) 30 марта 1770 г. г. Костромы церкви всемилостивого Спаса, что на Горе, церковник Вас. Фадеев продал Костр. купцу и полотн. ф-ки содержателю Ив. Тим. Стригалеву крепостную свою дворовую землю в Костроме в Преображенском переулке, идучи от города направо. В межах по обе стороны с землею его же Стригалева. Мера—длиннику 19, поперечнику 6 саж. Цена 50 руб. Очистка.

12) 18 марта 1771 г. Костр. купец Мих. Дм. Лузин продал Костр. купцу и полотн. ф-ки содержателю Ив. Тим. Стригалеву крепостную свою дворовую и огородную землю в Костроме в Никольской ул., идучи от города на левой руке, В межах—по обе стороны с его же Стригалева землями. Мера—поперечнику по улице 11 саж. $^1/_4$ арш., длиннику в обеих сторонах по $30^1/_2$ саж., взади поперечнику 10 саж. $^1/_4$ арш., в указную трехаршинную сажень. Цена 50 руб. Очистка.

13) 16 марта 1771 г. ген.-аншеф, сенатор, действ. камерер и разных орденов кавалер граф Ром. Лар. Воронцов продал Костр. купцу и содержателю полотн. ф-ки Вас. Ив. Стригалеву, жене, детям и н-кам двор в Костроме в приходе ц. Преображения Господня с каменным и деревян. на том дворе строением. Мера—длиннику по улице Преображенской 25 саж. 2 арш., по переулку 55 саж. 1 арш., в заднем конце в огороде 34 саж; да береговое с Волги реки место, а что под оным земли, о том значится в прежних Воронцова на то место купчих. В межах—с обеих сторон с дворами его ж Стригалева. Цена 500 р. Очистка. В числе свидетелей кол. ассесор. и ревизионной к-ры член Мих. Никиф. Филисов, полковник Родион Родион. Кошелев, двора ее и. в. действ. камергер гр. Ал-ндр Роман. Воронцов, секретарь ревизион. к-ры Андрей Дм. Макавеев и т. д.

14) 4 июля 1772 г. Костр. купец. Мих. Дм. Скалозубов продал Костр. купцу и полотн. ф-ку содержателю Ив. Тим. Стригалеву двор, доставшийся по наследству от отца его, Дм. Григ. Скалозубова,—в Костроме в Никольской ул., Десятильничья тож, идучи от города на левой стороне, с хоромным строением, дворовою и огородною землей. В межах—с дворами и огородами Костр. купцов по правую сторону Дм. Андреева Скалозубова, по левую—Ильи Петрова Рогаткина, позади—с его же землей Ив. Стригалева. Мера—поперечнику по улице 11, длиннику по обеим сторонам двора и огорода по $26^1/_2$ саж., взади ж двора и огорода поперечнику 8 саж. без полуаршина, указною 3 арш. мерою. Цена 150 р. Очистка. В числе свидетелей Костр. купец Андрей Гаврил. Шаровников.

15) 11 июня 1792 г. в-ва купеческая жена Парасковья Ив. Стригалева дала владенное письмо впредь до написания подлинной крепости Костр. 1-й гильдии купцу и полотн. ф-ки содержателю Вас. Ив. Стригалеву в том, что продала ему

собственую свою крепостную огородную землю, доставшуюся ей после мужа Костр. купца Федора Алексеева Стригалева — в Костроме, идучи из города Преображенскою улицею на левой стороне. Мера—по улице с лица попере̃г. 15, взади от земли столоначалника Ив. Маркова 8½, длиннику по сторонам—по сторону от мещанина Ив. Ив. Стригалева 34, по другую от купца Леонтья Стригалева 14 саж. Цена 80 р. Очистка.

Приложение 8-е.

Талановское дело (извлечения).

I. Дело Канц. Костр. Губ-ра 1801 г. № 133 по просьбе Кинешемского купца Прокопия Таланова о переводе производимого дела из Кинешемского в Костр. городовой магистрат 9 авг. 1801 г. (на 57 лл., хран. в арх. б. Губ. пр-ия).

Из этого обширного дела между братьями ф-нтами Прок. и Харл. Талановыми из-за—ф-ки извлекаем наиболее существенное, представляющее общий интерес.

1) „Кинеш. купец Харлампий Т-в в сент. 1800 г. поданным в Губ. пр-ие доношением требовал о разделе оставшегося по смерти отца их дому, ф-ки, недвижимого с кр-ны имения и вырученных за проданной в СПбурге комисионером Костр. купцом Рыбниковым товар денег 91120 р. 46 к., также лошадей, экипажей и рогатого скота, ибо, всем имением по кончине родителя пользуясь брат Харлампия—Прокопий Т-в не токмо ничего к тому не присовокупляет, но, без пользы управляя оным, делает ему растрату“ (л. 7).

2) Братья Т-вы взаимно обвиняли друг друга. Напр., Прокофий обвинял Харлампия в том, что тот без согласия его продал своему тестю Костр. ф-нту Борису Стригалеву фабричное полотно (л. 25).

3) Костр губ-р так характеризовал тяжбу Т-х в 1803 г. в ответе на письмо графа Ал-ндра Романовича Воронцова: „Купцы Т-вы, быв вооружены между собою больше злобою, нежели прямым делом, стараются всеми силами сокрушить один другого. Распри их между собою столь неограничены, что они..... начали приносить жалобы один на другого в разных неудовольствиях и, оставя коммерцию, предались ябеде“ (л. 22).

4) От спора страдало дело, ибо ф-ка стояла без всякого действия, как это видно из письма директора м-р—коллегии князя Юсупова от 29 дек. 1801 г. Харл. Т-в писал в 1801 г., что „приписные к ф-ке кр-ня, от начала ее состояния токмо занимающиеся работой в ткании полотен, должны остаться (вследствие остановки ф-ки) в безплодной жизни и, следов., без пропитания“ (л. 54). В рапорте Кинеш. город. магистрата от 15 ноября 1801 г. сказано, что „ф-ка, их, как в поданом купец Прок. Т-в прошении писал, по запечатании братом его Харлампием капитала их и большей части инструмента действия своего уже не имеет“ (л. 42).

5) В конце концов братья просили о разделе: „состоящую в общем нашем владении полотн. ф-ку.... в г. Кинешме со всеми при ней заведениями и принадлежащими к той же ф-ке построенными Кинешемской округи в разных деревнях ткатскими светлицами и со всеми как в ф-ке и тех светлицах имеющимися разного калибра инструментами и с приписными к той ф-ке в вышеписанных деревнях Буровице и Рябихе обоего пола кр-нами, значущимися по 5-й ревизии за родителем нашим и с рожденными от них после той ревизии обоего ж пола детьми и со всеми их кр-нскими пожитками, со скотом разного рода и их кормом, а пашенную и непашенную землю с лесы и с сенными покосы и со всеми к тем селениям принадлежащими угодьи разделить нам, Прокофью и Харлампию пополам“ (л. 34).

Для раздела назначался третейский суд—медиаторами были Костр. имен. купец Вас. Ив Стригалев и кинеш. купцы Ал-ндр Грязнов и Дм. Таланов (л. 40, сообщ. Кинеш. город. магистрата от 22 дек. 1801 г.)

II. Сенатское дело № 1418 мещанина Таланова о долге гражданину Углечанинову 1815 г.

1) „Его Высокопр-ству г. д. т. сов. чл. Гос. Совета мин. юстиции и кавалеру Дмитрию Прокофиевичу Трощанскому от бывшего Кинеш. купца и ф-нта Прокофья Таланова всепокорнейшее прошение.—Родителя моего, Григория Иванова, отец, а мой родной дед Кинеш. 1-й гильдии купец и ф-нт Иван Никифоров Таланов по указу и дозволению бывшей м-р—колл. в 1758 г. завел при г. Кинешме на 60 станов, полотн. ф-ку и к ней купил на собственный свой капитал две деревни кр-н и обучил их на той ф-ке всем нужным операциям на свой счет без всякой казен. помощи.—Впоследствие времени та

ф-ка размножена была до той степени, что кроме покупных к ней кр-н, обученных сему искусству, обучено и вдруг работало на ней разных окольных помещиков кр-н и разного звания вольнонаемных людей до 500 чел.—Ф-ка сия до 1801 г. была не только в довольно значительном состоянии, но и была, так сказать, образцом для прочих таковых же ф-к, от нее принявших начало своего существования и находящихся в смежной окольности, как по Костр., так и по Владим. губ. и числом не менее, как до 40 ф-к, на коих работали первоначально люди, обучавшиеся на нашей ф-ке.—На ней вырабатывалось разного полотн. изделия столько, что, кроме внутреннего расхода, от одних отпускаемых от российских портов в чужие края наших полотен казна получала ежегодно дохода пошлинами не менее 3500 р.—Ф-ка сия, по смерти первоначального ее основателя и по смерти некоторых его детей и по отделении из них других, дошла во владение родителя моего, а по кончине его по наследству дошла ко мне с братом моим меньшим Харлампием, с коим мы, считая с 796 г., т. е. со смерти родителя нашего, по 1801 г., и владели, управляя вообще с тем братом моим как ф-кою, так и другими комерческими нашими делами.—Брат мой меньшой, в бытность мою по комерч. делам в СПбурге, в надежду тестя своего именит. купца и других знатных жены своей родственников, желал воспользоваться присвоением на свою часть лучшего движ. и недвиж. имения, а наипаче той полотн. ф-ки со кр-нами, и на сей конец подал в Костр. губ. пр-ие прошение о приведении всего общего нашего имения в известность и о разделе общего между нами имения, показывая несправедливо, что всего общего капиталу д. б. слишком на 90 тыс. р.—Губ. пр-ие, вместо того, чтоб по указу 1786 г. февр. 14-го тот раздел предоставить самим нам между собою учинить впредь на 2 года, предписало Кинеш. магистрату все наше имение, заарестовав, оценить и разделить между нами по законам, а бывшему в СПбурге ратгаузу сообщило, чтоб бывшего при СПбург. порте для продажи в заморской отпуск нашей ф-ки изделий комиссионера обязать подпискою, дабы меня до той комиссии вовсе не допускать, что по обоим местам и исполнено. М. т., прежде нежели со стороны магистрата и тамошнего сиротского суда приступили к аресту и описи имения, брат мой успел тайным образом вывезти с ф-ки разных сортов полотен, совсем отделанных, стоющих ф-к 17500 р. и составляющих значит. капитал. Сие употребил он на тот конец, дабы удобнее было меня притеснить и вынудить от

меня уступку той ф-ки, к-рая по указу 714 г. по праву моего первородства мне принадлежала на свою часть, что впоследствие и оправдалось.—Как ни одна ф-ка, завод или другое какое-либо комерч. заведение никак без кредита обойтись не может, следов., и мы с братом имели на себе общие долги, однакож действительно точных долгов на нас было не больше, как до 15 т. руб., а по описи Сирот. Суда всего общего нашего имения нашлось слишком на 90 тыс. р., но кредиторы, не зная точной причины описанию имения и не входя в исследование о том, а опасаяся утратить вверенной нам капитал, вступили в претензию с требованием взыскания с нас по тем претензиям платежа. М. т. лишенная братом моим капитала ф-ка осталось без действия, что для граждан г. Кинешмы, имеющих у себя таковых ж ф-к в заведении ткаческие станы, и нужно было, ибо по бездействию нашей ф-ки лучшие ткачи, не токмо наемные, но и покупные к ф-ке нашей мастеровые обратились на их работы.—Представленные от кредиторов претензии мною признаны за справедливые, и прошено, чтоб, не подвергая кредит к лишению доверия, заплатить из общего капитала, к-рый выручен был братом моим за вывезенные им с ф-ки тайно полотна и за собою удержан, поелику мне платить было не из чего по неимению у меня как общественной, так и особенной своей суммы, но брат от платежа оных отбывал разными отговорками и м. т. требовал, чтоб я ту ф-ку уступил за самую малую цену на его часть, и даже по убеждению тестя его Стригалева и других жены его родственников бывший гр. губ-р д. ст. сов. Кочетов неоднократно призывал меня к себе в Кострому и с угрозами принуждал к уступке ему той ф-ки. —Я, зная совершенно свойства своего брата и предвидя точную цель Кинешемских наших сограждан, стремившихся тайно к уничтожению легчайшим образом нашей ф-ки, как скоро бы она во владение брата моего досталось, ибо при жизни еще родителя моего, да и по смерти его у меня с некоторыми из сограждан были ссоры и дела по магистрату за сманивание ими с нашей ф-ки из вольнонаемных лучших ткачей, без к-рых им с лучшею выгодою не можно было производить на станах своих работы, как. на нашей ф-ке, к-рая по обширности своей всеми нужными к делу сему инструментами достаточно была снабжена, из коих многих всякому иметь у себя не можно, по сим обстоятельствам не мог согласиться на ту уступку.—Таковое несогласие повлекло на меня от магистрата столь сильное притеснение, что я при-

нужденным нашелся в 1803 г. отъехать в Кострому с жалобою на Кинеш. магистрат, но как и там в Губ. пр-ии не мог получить в справедливых своих жалобах никакого удовольствия, то отправился в СПБург. где и приносил жалобы кк. в Прав. Сенате, так и в м-р-колл., прося себе в нападках, в бездействии и расстройстве моей ф-ки справедливой защиты.— Таковую мою из Кинешмы отлучку магистрат полагал несправедливо насильственно за побег, изображенный в уставе о банкротах 1-й части в 5 и 7-е пунктах, но он не имел не токмо в свежей памяти, но и пред глазами у себя арестованного, описанного и в зависимости Кинеш. Сиротского Суда состоящего общего нашего с братом имения слишком на 90 тыс. р., из чего мне следовало по разделу с братом на часть того имения по крайней мере на 45 тыс., следов., довольно сей части и одной третьей доли на оплату всех общих долгов. Огласив меня повсюду банкротом припечатаньем в публичных ведомостях обеих столиц, а в городе Кинешме на торговой площади с барабанным боем, учредил конкурс, не из кредиторов моих, ниже с согласия их, а по своему произволению из Кинеш. жителей из одного купца и двух мещан, в противность 26-го пункта 1-й части Устава о банкротах, но м. т. с того 1803 по 1808 г. сам производил то дело и не прежде оное сдал в конкурс, как по данной от меня в Губ. пр-ие жалобе и по неотступному моему в оном настоянию, не определя по 19 пункту 1-й части Устава о банкротах мне с семейством на содержание ни одной копейки, и таковой поступок магистрата в оглашении меня банкротом, в избрании кураторов, в производстве самим им конкурсного дела, в неопределении мне с семейством на содержание ниже одной четверки копейки, зная совершенно, что в руках моих не было никакой суммы, ни общественной, ниже другой какой особенной, мне собственно принадлежащей, к-рою бы я мог себя с семейством хотя самонужнейшим содержать, не сходствует с каким-нибудь высоч. изданным законом, наглым и насильственным образом оглася меня банкротом, под каковым названием, считая с 1803 г., слишком 13 л., содержит и поныне; наконец, под покровительством Костр. губ. пр-ия лишил меня как всего движ., так и недвиж. имения, о чем в поданном к Вашему Высокопр-ству минувшего октября 27 числа прошении и в приложенной копии с прошения, поданного мною Пр. Сената в 2-й д-те, подробнее мною показано. Все сие отдано на прозорливое Вашего Высокопр-ства рассмотрение.—Что принадлежит до оценки

моего имения, пр-ва торгов, продажи оного и до последствий, какие учинил покупщик ф-нт Углечанинсв распоряжениями с купленною моею ф-кою и людьми, то из той же приложенной копии к прежде поданному Вашему Высокопр-ству прошению сами видеть и судить можете, когда получите о том справки, и я больше здесь ничего сверх того, что там мною описано, представить не осмеливаюсь, а только необходимым считаю представить здесь отысканные мною у приятелей моих изделия моей ф-ки, скатерти и салфетки, кои ткались на моей ф-ке в немалом количестве, что сама надпись, вытканная на тех штуках, свидетельствует, что они моей, а не другой ф-ки работа, и таковой доброты работались они на трех только ф-х, на двух Ярославских и на третьей нашей, и к-рые ныне в продаже не менее, как по 12 р. аршин, и холст, какой я работал в 1808 и 1809 г. для директора казенных ф-к г-на кол. сов. Серебрякова, коего выткано и к нему доставлено 600.000 арш. указной—широты—на тот единственно конец, что г-н Костр. гражд. губ-р Пасынков к г-ну мин. вн. д. пробы производимому на ф-ке моей только грубому холсту (представлял), а о салфеточном по какой причине умалчивал и проб не представлял, мне вовсе не известно, и посему—то самому ф-нт Углечанинов прежде еще, нежели продана ему ф-ка, имел смелость утруждать г. мин. вн. д. о раздроблении или, лучше сказать, о уничтожении моей ф-ки, как будто бы на ней, кроме грубого холста, лучшего и изящного ничего не было работано, а потому и в Прав. Сенате 1-й д-т от г-на мин. вн. д. о том представлено.—Хотя я на правосудие Прав. Сената и весьма полагаюсь, однакож, как не было у него в виду, какие точно изделия вырабатывались на моей ф-ке, а потому и м. б. о том иное суждение, иное заключение, нежели какие самым вещам быть долженствуют.—Того ради, Ваше Высокопр-ство, сим самым осмеливаюсь утруждать и просить в деле сем правосудия Вашего Высокопр-ства помощи, каковой и ожидаю. Прокопий Таланов руку приложил. Ноября дня 1815 г.

2) *Извлечения из прошения, поданного Прок. Талановым во 2-й д-т Сената в марте* 1815 г.

а).... „Условие о выработке... рубашечного холста и доставлении оного в Москву сделано было у меня не с казною, а с бывшим директором казен. ф-к г-ном 6 кл. Серебряковым, следов., претензия его не есть казенная, а партикулярная. Доказательно (это) тем, что оный Серебряков в 1814 г. в фев-

рале и отсрочил мне сию претензию впредь на 5 л. с позволением мне продажи имения моего повольною ценою“ (л. 10).

б) Конкурс не выдавал „мне с семейством.... на содержание ни одной копейки, а м. т. разными притеснительными средствами...., принудил к постановлению уступочных актов в рассуждении оставшегося после родителя моего 1-й гильдии купца и ф-нта Андрея Таланова имения, коих бы я из доброй воли к потерянию знатной части капитала постановить никак не согласился... а в том 1808 г., оставя вовсе взыскание по наследству мне принадлежащего капитала до 8000 р., как-то с комиссионера Кокорева и упущенных Кинешемским магистратом процентов да выданных под ткальную работу разным людям до 3000 р., а всего с лишком 10000 р., предположил ко взысканию с меня....в противность 101 п. 1 части Уст. о банк. не по 5, но по 30 п. 1 гл. Векс. устава по 18% на сто, а в начале 1810 г. вызвал чрез публики вновь кредиторов, что также противно 62 и 65 пп. Уст. о банк. и набрал от явившихся по оным несколько на меня претензий, упущенных, спорных, недельных, вовсе незаконных и никакими судебными местами не рассмотренных, и даже от претендателей не истребовал тех..... подлинных документов“ (л. 11).

в) „Прав. Сенат, уверясь на донесение Губ. пр-ия, что претензия..... Серебрякова есть подлинно казенная, 1813 г. генваря 27 дня предписал то имение мое продать“, 3 сент. 1814 г. Сенат предписал Губ. пр-ию, чтоб пр-ие поступило по 62, 65, 101 и 105 пп. Учрежденный над ф-кой конкурс, вместе того, чтобы самому „производить на ней (на ф-ке) полотн. работу или, вызвав чрез публики желающих, отдать в оброчное содержание, от чего мог бы получить годового дохода, по крайней мере, до 9500 р., каковой за один год суммы довольно бы было на оплату остающейся на мне процентной суммы, полагая оную..... по 5 на 100,.... оставил оную ф-ку без отдачи и все строение без починки, без присмотру и допустил до совершенного обветчания и разорения к точному упадку всему тому цены“ (л. 12), Торги 28 мая „состоялись (по цене) за ф-ку с кр-нами и мастеровыми 24568 р., за один каменный и два деревянных дома 4900 р. за дворовые и огородные места 120 р. и за дерев. лавку 7 р., да за 21 кусок холста 405 р, а все имение 3000 р.“ (л. 13). Перед торгами конкурс произвел оценку продаваемого имущества, но оценка должна была быть сделана „не кураторами,

к-рые и не могут быть и кураторами и вместе ценовщиками но людьми, знающими совершенно цену оцениваемых ими вещей и притом приведенными к присяге. а в рассуждении строений и при определенном архитекторе“ (л. 13). Но „при оценке моего имения. как в 1810, так и в 1813 г. не было ни присяжных ценовщиков, ни определенного архитектора, к-рый мог сделать верную смету, сколько в какое строение пошло какого материала, оному исчисления. а потом уже и справедливую сделать сметку, а хотя присяжные ценовщики и признаны были конкурсом, но только по оценке одних фабричных инструментов, о коих они едвали имели и малое понятие, п. ч один из них был калашник, а другой кирпичевладелец. ... А чтоб яснее показать, сколь низко и весьма несоразмерно с точною ценою оценена и одна моя ф-ка кроме того имения ..., осмеливаюсь представить здесь следующую подробность: строение моей ф-ки состоит из 5 больших корпусов, из коих 4 в два этажа длиною на 131 саж., шириною от 5 до 7 саж., половина их имеет двойные своды, т. е. нижние и верхние; в сие строение употреблено кирпичу 2.800.000, весом каждый от 16 до 20 фунтов; обыкновенно ж кирпич продается тут на месте по 16 р. тысяча, следственно, одного кирпичу в том строении находится на 44000 р., кроме извести и платежа за работу; железа в то же строение употреблено 1000 пуд., полагая каждый по 4 р. 40 к., на 4400 р.; при лощильных ларях и валах оного железа 700 пуд., полагая каждый в 5 р. пуд — на 3500 р., земли под ф-кою 3 дес. 1539 кв. саж., к-рая. как городская и из лучших в городе месте то и стоит каждая таковая кв. саж. не менее 1 р.—8739 р.; при оной же фабрике в мыловарне 7 жел. котлов, полагая каждый в 450 р., всего на 3150 р.; следственно, в той ф-ке одних несгораемых материалов на 63789 р.; сверх того принадлежащих к ф-ке в селениях Кинеш. округи находится 28 светелок для пр-ва в них ткания полотен с имеющимися в них и при ф-ке 340 станами и прочими инструментами — более нежели на 10000 р., четыре лощильных ларя стоят 3000 р., итого на 13000 р.;..... равным образом домы и прочее мое имение оценено и продано за столь же низкие и несоразмерные употребленным в них материалам цены. На сей ф-ке ежегодно вырабатывалось по 5000 кусков полотна, а как всякий в том краю ф-нт за употребленный в ф-ку капитал всегда полагает в пользу ф-ки на каждой кусок по 1 рублю; также, ежели он свою ф-ку кому и в оброчное содержание отдает, кроме платимых мастеровым и работным людям денег, ниже

сей цены, т. е. по 1 р. с куска, никому уступить не согласится, следственно, чистого дохода от сей ф-ки 5000 р. При сей же ф-ке излишние кладовые отдавались под складку и хранение вина по 700 р. в год; покупные к ф-ке мастеровые в узаконенное для них в году время, кроме того, к-рое оставляется им на обработание и уборку с полей своего хлеба, могут заработать на ф-ке 6800 р., из коих, по силе состоявшихся 1736 г. генваря 7 дня, 1762 июля 8-го и 1797 апреля 5-го и 1798 гг. марта 14 числ указов, половина—3400 р. принадлежит собственно тем мастеровым, и другая—в пользу ф-нта, а сложа сию сумму с полагаемого капитала ф-ки, с куска по 1 руб.—5000 р. и 700 р. за поставку вина, составит всего с моей ф-ки в год 9100 р.; отделив от сей суммы на годовое содержание самой той ф-ки починкою и поправкою 600 р., затем для ф-нта остается в год чистого дохода 8500 р.; а по сему истинному счету не можно было ф-ки моей Губ. пр-ию по инструкции канцелярии конфискации продать ниже 85000 р., а не за 24568 р. А посему, считая с 1810 по 1814 г., отдачею оной ф-ки в оброчное содержание желающим можно было бы в те 4 года получить с нее оброчной суммы слишком 36000 р. Следов., и некоторой части сей суммы весьма бы было достаточно на заплату моих долгов, а потому и не было никакой надобности продавать ту мою ф-ку, но Кинеш. магистрату и учрежденному от него над имением моим конкурсу не заплата долгов моих нужна была, но мое разорение и уничтожение моей ф-ки... Сверх того от отдачи моих домов и прочего в таковое же содержание можно было получать в год более 1000 р., ибо Кинеш. питейных сборов содержатель г-н Истомин за один только кам. дом давал по 700 р. в год, но конкурс того дома в содержание не отдал, и, чаятельно, не для иных каких причин, как только для тех самых, дабы чрез ту отдачу не открыть как тому, так и прочим зданиям точных цен, а притом не менее того и для (того, чтобы).... 1-е, продлить незаконно учрежденный над имением моим конкурс и 2-е, не токмо лишить меня моей ф-ки, но и вовсе оную уничтожить, что ныне и оправдывается, ибо покупщик моей ф-ки Костр. купец и ф-нт Петр Углечанин в принадлежащих к той ф-ке мастеровых и кр-н переводит на Костр. свою полотн. ф-ку, куда и некоторые нужные инструменты перевозит, ткальные ж по округе Кинешемской светелки продает да и самые фабричные корпуса предполагает для отдачи в содержание под помещение в них инвалидов, и первоначальная в том краю ф-ка, служившая

там многим окольным фабрикам образцом и училищем, вовсе ныне чрез таковую незаконную продажу уничтожается“. (лл. 14 и 15). „Возможно ли учрежденному над тем моим имением конкурсу, в к-ром помещены единственно по воле магистрата, а не по воле действительных моих кредиторов... некоторые из мещан, оценивать все здания фабричные с состоящею под ф-кою в лучшем из всего города месте землею и прочими принадлежностями в 3000 р., 56 душ покупных к той ф-ке кр-н, кои все суть лучшие мастеровые и деловые люди, в 11200 р., состоящую под селениями их пашенную и сенокосную и прочих угодий землю в 2883 р. 50 к., состоящие по округе Кинешемской ткацкие 28 светлиц в 397 р. 18 к., состоящие при ф-ке инструменты и прочие принадлежности в 921 р. 80 к., а все вообще в 18402 р. 48 к. и сказать, что все сие не может больше приносить доходу в год, как только 2000 р... А что та моя ф-ка весьма более той цены стоит, в какую она Губ. пр-ием продана, доказывается и тем, что Углечанинов, едва только успел оную ф-ку купить и не приняв еще во владение, успел уже оную заложить жене своей Катерине Егоровой в 40 тыс. руб., и в Костр. палате гражд. суда при крепостных делах, не смотря на запрещение в 48 п. 2 ч. Уст. о банкр..... закладная совершена“ (л. 16).

г) „Углечанинов принадлежащие к ф-ке моей состоящие по округе ткацкие светелки и даже некоторые при ф-ке строения продает, а мастеровых и кр-н переводит в Кострому на тамошнюю свою ф-ку, а тем самым не токмо раздробляет мою ф-ку, но и вовсе оную уничтоживает“ (л. 16). Поступая так, он „ту ф-ку не размножает и усиливает к общей пользе, а к совершенному вреду ее уничтожает“ (л. 17).

д) В заключение Т-в просил: 1) возвратить ему ф-ку „во владение для пр-ва на ней к общей пользе ткацкой работы“, 2) конкурс, беззаконно его разоряющий и состоящий частью из мещан, уничтожить и 3) предоставить ему право узаконенным порядком отыскивать убытки и разорения, безвинно потерпенные в течение 12 л. от магистрата и конкурса.

3. Извлечения из прошения, поданного 14 окт. 1815 года Кинеш. мещ. Прокоф. Григ. сыном Талановым министру юстиции Дм. Прок. Трощинскому.

„По смерти родителя нашего Григ. Т-ва, последовавшей ему в 1796 г., остались законными наследниками я и меньший мой брат Харлампий Т-в, получив в наследство дв. и

недв. имение, состоящее из одного кам. и двух деревянных домов, из дворовых и огородных мест, из полотн. ф-ки с состоящими при ней материалами, мастеровыми людьми и крестьянами, и из разных к домам, ф-ке и другим заведениям принадлежащих вещей, чем, а равно всеми комерч. делами и конторою вообще с тем братом моим и управляли по 1800 г.— А в 1800 г., в отбытие мое по коммерч. делам в С.-Пбург., брат мой, не упоминая мне никогда до того о разделе общего имения, подал в Костр. губ. пр-ие прошение о разделе того имения по законам, а м. т. успел тайно вывести с ф-ки отделанных разных сортов полотен на 1750 р., чего они ф-ке стоили, и передать оные тестю своему Костр. ф-нту Борису Стригалеву.—Губ. пр-ие, вместо того, чтобы по силе имен. 1786 г. февр. 14 дня указа предоставить тот раздел именно нам самим в двугодовой срок учинить, в тоже самое время предписало Кинеш. магистрату, чтобы все общее наше имение взял в ведомство свое под присмотр и, оное описав, оценил к разделу между нами по законам, а бывшему С.-Пбург. город. пр-ию сообщило, дабы находящегося при тамошнем порте у продажи ф-ки нашей разных изделий в чужие края нашего коммисионера обязать в недопущении меня одного к товару, ни к вырученным за оные деньгам, ниже к письменным по той коммиссии делам, что по обоим местам и исполнено, кроме раздела имения, к-рый никогда не был кончан.— По описании всего имения и по учинении оному оценки следовало бы приступить к разделу, но брат мой в надежде на своего тестя и других богатых жены своей родственников Костр. ф-нтов, пособие и ходатайство у гражд. губ-ра и в Губ. пр-ии имеющих, начал с сильным притеснением домогаться получить на свою часть общую нашу полотн. ф-ку, которая в силу госуд. постановлений по первородству следовала ко мне на часть.—Между тем как никакая ф-ка, никакие заводы или другие какие заведения никак не могут обойтись без кредита, то кредиторы наши, узнав об описи нашего имения..., не зная тому прямой причины, не только отпуском потребных на ф-ку материалов приостановились, но каждый, предохраняя вверенный нам капитал свой, вступил в присудствен. места с требованием взыскания платежа.—Чтобы сохранить кредит, не умножить долгов наращением процентами, а наипаче не остановить действие ф-ки, просил я как в Кинеш. магистрате, так и в Костр. губ. пр-ии, чтобы немедленно удовлетворить кредиторов из общей массы имения и особливо из того капитала, к-рый братом моим без меня захвачен с ф-ки до описи имения в разных полотнах, переданных им

тестю своему и в то время бывших уже проданными.—Но брат мой, желая более меня притеснить и тем принудить к уступке на его часть общей ф-ки, воспротивился к заплате тех долгов из общего имения; будучи всегда вообще со мною, управляя конторою, знал совершенно о всех делах, однакож объявил, что он неизвестен, поступали ли те долги в общую нашу кассу, напротив того по производившимся в Кинеш. городском магистрате делам свидетельством самих наших кредиторов, у коих я обще с братом забирал на кредит потребные для пр-ва на ф-ке материалы, и уличениями их доказано, что... брат мой... те в долг забираемые нами припасы сам принимал и весил их, следов., не мог отзываться о поступке их в общей капитал незнанием, а потому Кинеш. магистрат и определил все те общие долги заплатить из той суммы вырученной им за тайно вывезенные до описи имения с ф-ки полотна. По некоторым делам брат мой подписывал апелляции и переносил те дела как в Костр. палату гражд. суда, так и в Прав. Сенат., где однакож решения магистрата... признаны законными. По другим делам того же рода решения оставил без переноса в апелляцию и по третичному предписанию бывшего г-на мин. юст, д. т. сов. Державина, последовавшему в 1803 г. по прошению Елабужского купецкаго сына Рудознаева, внес на платеж тех долгов в Костр. губ. пр-ие 1349 р. 85. к., но достальные по понаровке ему от магистрата и по послаблению Губ. пр-ия взнесены ль или нет, мне неизвестно, ибо я многих действительно поступавших на платеж моих долгов в платеже не отыскиваю, а Магистрат и Губ. пр-ие, во всем ему способствуя, не истребовали и не настояли, чтоб оные долги были заплачены из захваченного братом капитала, а между тем ф-ка оставалась без действия, мастеровые люди, не только вольнонаемные, но и собственно принадлежащие нашей ф-ке, принуждены разойтись на другие посторонние ф-ки, а долги остались не выплаченными.—Чувствуя таковое несносное для себя притеснение от Магистрата и Губ. пр-ия, принужден был я в 1803 году отъехать в СПбург не для укрывательства от долгов, но для принесения как в м-р-коллегии, так и в Прав. Сенате жалоб на неправосудие и крайнее притеснение Губ. пр-ия...—Кинеш. магистрат., узнав о сем, в определении своем 30 мая 1803 г., признал меня банкротом, о чем и в публичных ведомостях обоих столиц припечатал и учредил над мной конкурс, составя оный, в противность 26 пункта 1-й части Устава о банкротах, из посторонних, а не кредиторов, к-рый поднесь над мной производится, чему прошло 12 лет и чему нет нигде примера и подобия.—Ежели я с жалобою

на неправосудие отъехал в СПбург без ведома пр-ства и без паспорта, то... на сей случай... положены особые... наказания и штрафы, а не банкротами насильственно признавать и публиковать, ибо магистрат к оглашению меня банкротом не имел никакого законного побуждения и тем паче, что самим им общего имения отдано уже в зависимость Сиротского суда слишком на 90 тыс. р., из коего на мою часть принадлежало на 45 тыс. р., а общих долгов тогда простиралось не больше, как на 15 тыс. р.—В 1806 г., в небытность мою при смерти брата моего Харлампия, Кинеш. магистрат обещался опечатать все то, что при брате в особенности находилось, кк. п. ч. не было меня, как законного после его н-ка, на тот случай дома, так наипаче, п. ч. сам тот магистрат определил общие наши долги заплатить из той суммы, к-рая по продаже тайно вывезенных им без меня с ф-ки общих полотен за ним состояла,—допустил вдову забрать в свои руки все имущество братнее и не токмо не взял в том надлежащей предосторожности к предохранению братнего имущества, но при том довел меня чрез разные посредства к тому, что я, находясь под конкурсом, принужден был как с сею вдовою, так и с другою вдовою, оставшеюся после родного моего дяди Андрея Таланова женою, постановить, в противном 58-го, 62 и 65 пп. 1-й ч. Уст. о банкр., не только предосудительные, но еще с немалым потерянием принадлежащего мне капитала миролюбивые акты, кои хотя магистратом и утверждены, однакож никогда не могут быть правильными или законными, каковыми я их и не признаю.—А потому и ф-ка из зависимости Сиротского суда еще в 1807 г. во управление мне возвращена, к-рая, с 1801 г. находясь все время в бездействии и без починки ибо заготовленные для всегдашней ее починки нужные материалы, за общие долги наперед всего магистратом были проданы,—требовала на приведение свое в исправность и действие не малых трудов, суммы и времени. Почему принужден был, я сколько только возможно, приводить ту ф-ку на счет приданого жены моей и на счет ее родственников, да и самое содержание себя с семейством всем нужным иметь на тот же счет, ибо с самого поступления всего имения в присмотр сперва опеки, а потом конкурса и даже до днесь ни от конкурса, ни от магистрата ничего на содержание по силе 19 п. 1-й ч. Уст. о банкр. определяемо и выдаваемо не было, но даже не токмо мне, но и сыну моему, к-рый в тех общих долгах ничем не участвовал, ни займом, ни поручительством, не было давано паспортов, дабы не допустить в Прав. Сенате ходай-

ствовать по жалобам моим на притеснения Магистрата и Губ. пр-ия.—По приведении ж мною той ф-ки, сколько было можно, в исправность и по вступлении в пр-во на ней в 1808 г. для состоящего в 6 классе бывшего директора Павловской ф-ки Серебрякова рубашечного холста, когда мастеровые той ф-ки и другие вольнонаемные мастеровые, оставя у Кинеш. гражд., занимающих в магистрате и в думе места членов, на станах работы, обратились на ф-ку, то в 1808 г. учрежденный над мной и продолжающийся до того времени более 5 лет конкурс по предположению Кинеш. магистрата положил с меня ко взысканию на долговую сумму процентов по 30-му пункту 1-й гл. Векс. Устава по 18 на 100 и начел оных 7037 р, 20 к.". На это Т-в принес жалобу Костр. Губ. пр-ию, но пр-ие в том отказало. Тогда Т-в послал жалобу в Сенат. Сенат затребовал об'яснения от Губ. пр-ия, „а между тем и предписано было продажу недвиж. моего имения, к-рое одно только у меня в владении и оставалось, впредь до указа остановить.—Но Кинеш. магистрат и... конкурс...., желая не токмо лишить меня всего имения, но и самую ф-ку уничтожить, набрал разные недельные, спорные, в узаконенный срок ко взысканию в конкурс не представленные и по 65 п. Уст. о банкр. уничтожению подлежащие, претензии другие же и такие, по коим бы я и сам, когда бы не было со стороны магистрата и конкурса в производстве работ на ф-ке препятствий, платеж мог уничтожить, и не рассмотрев оные судебн. порядком, идут ли оные ко взысканию, и не сделав на то приговора, препровождал в конкурс, к-рой, оные причисляя к долговой массе на оные по вексельному, а не по банкротскому уставу, проценты и увеличив тем долговую сумму, в конце 1809 г. остановя на ф-ке пр-во работ, приступил к отобранию от меня в конкурс той ф-ки, сделав всему имению сам особую новую опись и оценку, которую весьма уменьшив против прежней, представил в магистрат как о публиковании меня вторично банкротом, так и о продаже моей ф-ки с прочим недвижимым моим имением, назвав ложно претензию бывшего г-на директора Павловской ф-ки Серебрякова казенною, а что таковое название действительно ложное, впоследствие Прав Сенату доказано мною письмен. свидетельством за подписанием его Серебрякова".—В начале 1810 г. Т-в в ведомостях обоих столиц вторично через 7 л. был публикован банкротом с вызовом кредиторов, а затем Губ. пр-ие просило Сенат разрешения на продажу недвиж. его имения, 29 мая 1813 г. Сенат предписал Костр. Губ. пр-ию, „дабы оное в

продаже моего имения и в удовлетворении долгов преимущественно казеных поступило по законом". Губ. пр-ие приступило к вызову желающих купить имение, назначив для торгов сроки 20 марта, 20 апреля и 20 мая 1814 г.—11 апреля 1814 г. Т-в просил в Сенате, „чтобы отчислить от общей массы долгов те претензии, к-рые приняты в конкурс после сроков, назначенных в первых публикациях,—чтоб отобрать от г-на бывшего казен. ф-ки директора Серебрякова постановленные со мною о поставке к нему холста контракты и обязательства, к-рые конкурс несправедливо назвал казенными, а что подлинно я имел оное не с казною, а с оным директором—в доказательство тому представил за рукою Серебрякова на 5 лет отсрочку, а в то же время препроводил по почте и в Костр. Губ. пр-ие прошение, дабы обождало произведением на продажу моего имения торгов до Сенатского указа, т. е. до начатия той продажи, но.... Губ. пр-ие (его) не уважило.... 22 мая 1814 г. Губ. пр-ие приступило к произведению между покупщиками моего имения торгов. Как в первые два дня в назначенные сроки торгов не было, следственно, в третий срок произведенный торг стал быть первым, то и следовало бы Губ. пр-ию для 2-го и 3-го торгов сроки каждый чрез м-ц, а не через день пропечатать о том в публичных ведомостях обеих столиц, но Губ. пр-ие, вняв словесному предложению г-на Гражд. Губ-ра за добольное сочло назначить для 2-го торга 22, а для 3-го 25 числа того же мая и о том дало знать одним только жителям г. Костромы чрез Градскую полицию; итак, всему имению моему продажа учинена в 6 дней, и за все то имение 26-го числа последняя цена 30 тыс. руб. состоялась за Костр. имен. гражд. Петром Углечаниновым; но в определении Губ. пр-ия за ним показаны в продаже только ф-ка со всеми к ней принадлежностями, да один дом деревянный, а прочие, каменный и другой дерев. домы, также дворовые и огородные места и дерев. лавки показаны за другими торговавшимися с ним людьми. Из сего ясно видно, что между торговавшимися на имение мое людьми до произведения еще торгов было условие, кому какое имение должно в продажу поступить; ясным и неоспоримым тому доказательством служит то, что Углечанинов прежде нежели осталась та ф-ка с тех незаконных торгов за ним просил мин. вн. д. о переводе ф-ки моей мастеровых из Кинешмы в г. Костромы, от коего представлено сие обстоятель-

ство Пр. Сенату 1 д-ту, в коем о том и дело производится, следов., он прежде торгов на мою ф-ку был весьма обнадежен, что она уже его, инако как бы он мог просить о переводе людей, коих у себя во владении еще не имел, а при том никому неизвестно было, за кем они с торгов останутся. Однакож Углечанинов... верно знал, что с торгов они с ф-кою за ним останутся, а при том не меньшим к тому доказательством служить может и то, что строение ф-ки, принадлежавшие к ней инструменты и состоящая под нею земля—до торгов все то состояло по оценке в 12 тыс. р., а при торгах оказалась всему тому новая оценка только в 3 тыс. р. Но ежели бы не было стачки и прочего мною показуемого, то как бы могло быть, что, когда за все вообще имение последняя цена с тех незаконных торгов состоялась за Углечаниковым, то за ним бы и должно все имение в продаже остаться, но по каким случаям расписано все имение по разным особам?“.—Таланов говорит далее, что если торговавшимся с Углечаниновым нужно было приобрести часть имения его, то сделать это они могли не иначе, как покупкой его от Углечанинова по крепости с платежем особых в казну пошлин и то не в тот день, в к-рый продажа за Углечаниновым состоялась, а в силу Устава о банкр, 11 ч. 48 п., считая с об'явления выданной Углечаниновым на все имение данной чрез 1 год, а не ранее. Углечанинов же, „не выжидая узаконенного годового срока, успел ф-ку заложить жене своей в 40 т. руб., с ф-ки все машины и инструменты, а из деревень мастеровых людей и кр-н перевести в г. Кострому на свои таковые же ф-ки, оставя при Кинешме одни пустые фабр. строения, а в деревнях мастеровых и кр-н пустые дома.—Итак, бывшая привилегированная предками моими заведенная в 1758 г. полотн. ф-ка, на к-рой до 1800 г., кроме своих мастеровых, одних вольнонаемных людей занималось тканием разных сортов полотен, в т. ч. лутчего сорта, до 500 чел. и вырабатываемо было ежегодно до 5 тыс. кусков, полагая каждый указной меры в 50 арш., от к-рой получала ежегодно казна при отпуске в чужие края кроме внутренней распродажи в пошлинах до 3500 р. и более, к-рая, так сказать, для многих ф-к, по Костр., Влад. и Нижегор. губ. заведенных, была колыбелью, в к-рую употреблено кирп. более 2800 тысяч, всего по наст. цене на 44800 р., железа более тысячи пудов на 4400 р. и земли, состоящей под ф-кой из всех городских мест самой лучшей, стоющей, полагая каждую кв. саж. не менее 1 р., 8739 саж. на 8739 р., да 7 котлов железных, стоящих 3150 р., итак одних несгораемых вещей слишком на

64500 р.,—теперь не только в противность высоч. изданных узаконений продана за безценок раздробленно, но и совершенно по желанию Кинеш. сограждан, имеющих у себя таковые ж ф-ки, совершенно разрушена, ибо покупщик ее, Углечанинов, переведя с нее в Кострому все инструменты и машины и переведя туда же всех мастеровых людей, хотя по 1-му Прав. Сената д-ту и просит о переводе того на время, но этот перевод будет вечной, ибо кто будет понудителем его к возвращению в Кинешму всего того, что им забрано в Кострому и кому в том настоять будет надобность? Подобным образом уже в Костроме и сделано: ф-ка привилегированных ф-нтов Волковых уничтожена, и строения их употреблены совсем на другие надобности без ведома верховного пр-ства.— После той продажи имения... от Сената 3 сент. Губ. пр-ию предписано: как при решении Сенатом в 1806 г. дела, поступившего из камер-коллегии о вексельной английских купцов Бусков на бывш. купца Прокопия Таланова претензии, из 6143 р. состоящей, совсем не было в виду того, что он, Т-в, еще в 1803 г. Кинеш. магистратом признан банкротом и учрежден над ним конкурс, то в разрешение представления предписать указом, дабы во взыскании как купцов Бусков, равно и прочих поступивших в конкурс на Т-ва претензий поступлено было по точным словам Банкротского Устава 1-й части 62, 65, 101 и 105 пп.—А как 1-е, оценка и переоценка имению моему, 2-е, вызов покупщиков к торгам, 3-е, самое назначение тех торгов, 4-е, произведение и 5-е, заключение оных суть незаконны, да и допущение покупщика ф-ки Углечанинова к закладу столь же неправильны, то минувшего марта 16 дня подано от меня Прав. Сената во 2 д-т прошение о перепродаже всего того моего имения на законном основании, а как.., Углечанинов Прав. Сената 1-й д-т просит о переведении мастеровых и кр-н из Кинешмы в Кострому, раздробив уже в противность узаконений ф-ку, то в оный д-т с оного прошения представил копию для удержания той ф-ки от незаконного раздробления, каковую для благорасмотрения прилагая у сего, всепокорнейше прошу, дабы Ваше Высокопр-ство благоволили от Прав. Сената исходатайствовать: 1-е, на незаконное той ф-ки моей раздробление покупщику оной Углечанинову воспрещение, а как уж он до того еще самовольно то раздробление ф-ки произвел, то возвращение всего на ф-ку в целости, 2-е, переоценку всего проданного Губ. пр-ием чрез знающих людей с прикомандированием к тому на мой счет из Яросл. губ. архитектора и 3-е, произ-

ведение вызова к переторжке желающих и самой переторжки здесь в СПбург. губ. пр-ии, где, кк. в столице и при порте, несравненно более быть может покупщиков, нежели в Костроме, и при том почти за 1000 верст от столицы для торгов не всякой согласится ехать. Прокопий Григорьев сын Таланов руку приложил. Окт. 14 дня 1815 г.

4) Извлечения из „Сведения", посланного 26 окт. 1815 г. в д-т М-ва Юст. из Канц. Прав. Сената.

Прав. Сенат, заслушав рапорт Мин. Вн. Д. и прошения Таланова и Углечанинова и проч., 27 сент. определил: „хотя имен. высоч. указами 1762 г. авг. 2, м-ры, ф-ки или з-ды раздроблять воспрещено, а 16 марта 1798 повелено Берг-и м-р-коллегиям с помощью губ. начальства крайне наблюдать, дабы к заводам и ф-м купленные деревни всегда были при з-х и ф-к неотложно и так, чтоб деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслами ни за кем не укреплять и к другим заводам и селениям по одиночке или семьями не переводить, но кк. из рапорта Мин. Вн. Д. видно, что по мнению Костр. Гражд. Губ-ра в причислении мастеровых 42 душ к Костр. купца Углечанинова ф-ке не придвидится никаких препятствий тем более, что Угл-в, дабы не обременять их излишним на ту ф-ку переходом, предполагает для исправления работ в в тех селениях, где теперь они жительствуют, особые ткаческие покои построить.—(~~Е. Д~~)..., а Костр. ф-нт Угл-в в просьбе своей из'ясняет, что упомянутая ф-ка от давнего бездействия пришла в ветхость и некоторые при ней заведения так обветшали, что исправить их нет возможности, мастеровые же люди, живя в селениях, от той ф-ки расстоянием более 20 в., на проход к оной теряли много времени и по случаю упадка прежнего той ф-ки хозяина т-ва, проживая в домах своих и занимаясь хлебопашеством, сделались не искусными в своем ремесле, а по сим причинам означенный Угл-в, не желая ныне и сам переводить их к Костр. его ф-ке, просит только позволения ему оставшееся от расстроенной Кинеш. ф-ки строение продать, на место оного выстроить для мастеровых людей ткаческие покои, а неискусных в ткаческом ремесле мастеровых брать на некоторое время на Костр. его ф-ку для образования их в сказанном ремесле... Мин. Вн. Д. находит, что просьба Угл-ва о позволении ему продать состоящие в г. Кинешме фабр. строения или употребить их для какого-либо другого заведения удовлетворить можно с тем однакож, чтобы он вместо того устро-

ил непременно в том селении, где имеют жительство купленные им с ф-ки Т-ва кр-не, другие новые р-ие здания, к-рые, заменив во всем Кинешемские, составили бы полное заведение, и чтобы Угл-в употреблял на оном кр-н, не причисляя их к Костр. своей ф-ке, в чем и нужды никакой не будет, если он выстроит ф-ку на месте их жительства; если же бы надобность потребовала усовершенствовать их в мастерствах, в таком случае он, конечно, может брать из них несколько ч-к на Костр. свою ф-ку для образования из них мастеровых, но по изучении должен обращать их паки в свое место, дабы они обучали других. Все же таковые его, Угл-ва, предположения не заключают в себе запрещенного вышеозначенными указами перевода людей к другой ф-ке, но могут послужить еще к восстановлению упадшей Кинеш. ф-ки и остановившихся на оной действий, а равно и к усовершенствованию мастеровых, а потому Прав. Сенат находит мнение его, г. Министра, вышеозначенным указом не противным и оное утверждает, почему и предоставить ему, г. Министру, сделать по сему предмету зависящее от него распоряжение.... с тем, дабы не оставило местное начальство склонить ф-нта Угл-ва, чтоб не обращал в продажу состоящих в г. Кинешме фабр. зданий и, не употребляя для другого какого-либо заведения, старался со временем восстановить на оном упадшую полотн. ф-ку с возвращением к оной и всех бывших при ней кр-н и мастеровых людей. Относительно просьб бывшего Кинеш. ф-нта Т-ва, поелику положением Госуд. Совета постановлено проданных с публичных торгов имений по векселям и другого рода претензиям кроме покупных и просроченных по закладам на выкуп не отдавать...., то, за силою сего положения, Прав. Сенат в рассмотрении просьб его, Т-ва, дабы проданная с публичного торгу за долги бывшая его полотн. ф-ка до истечения положенного на выкуп срока не была передана или заложена, входить не может. Что же касается до прочих из'ясняемых им, Т-м, в просьбах его обстоятельств, якобы ф-ка сия продана без соблюдения установленных в законах правил за дешевую цену и о прочем, то о сем предоставляет ему ожидать на таковые ж свои просьбы решения от 2 Сената д-та, от к-рого о продаже всего его, Т-ва, за долги имения сделано было предписание. О чем и приговор находится у подписания. Окт. 22 дня 1815 г. Обер-секретарь Федоров."

III. *Извлечения из Сенатского дела № 4489, купца и ф-нта Углечанинова о полотн. ф-ке, купленной с аукциону.*

(Вступило 1816 окт. 16-го, решено 1816 ноября 6-го, на 14 лл.)—*„Записка из дела о купленной Костр. первостат. купцом Угл—м полотняной бывшего ф-нта Т-ва ф-ке.“* [1])

„Костр. первост. купец Петр Угл—в для распространения полотняной своей в г. Костроме состоящей ф-ки просил дозволения на покупку продававшейся с аукционного торга полотн. же купца Т-ва ф-ки, в г. Кинешме состоящей, со всеми находящимися при ней мастеровыми людьми и с прочими принадлежностями с тем, чтобы он мог сих людей причислить к Костр. его ф-ке, а строение продать такому заводчику, к-рый бы полотн. дело исправлял вольнонаемными людьми, или же предоставить ему, Угл-ву, обратить оное на другое какое-либо полезное заведение.—По истребованным г. мин. вн. д. от Костр. гр. губ-ра.... сведениям оказалось: 1) что ф-ка сия назначена в продажу по указу Прав. Сената от 29 мая 1813 г. за долги, коих Т-в заплатить был не в состоянии, 2) во исполнение того указа оная вместе с прочим Т-ва имением продана уже Костр. первост. купцу Угл-ву с трех торгов и переторжкою за 30 тыс. р.; 3) что при ней по последней ревизии числится 42 души. Они занимаются частью на посторонних ф-х и частью обыкновенными крестьянскими работами; самая же ф-ка по причине расстроенного состояния хозяина находится без действия и в крайнем упадке, так что на приведение зданий ее в такое положение, чтобы они могли быть обращены на какое-либо другое употребление, потребен весьма значительный капитал, 4) в причислении мастеровых ее к Костромской купца Угл-ва ф-ке не предвидится, судя по местным обстоятельствам, никаких препятствий, тем более, что Угл-в, дабы не обременять их излишним на ту ф-ку переходом, предполагает для исправления работ построить в тех самых селениях, где они теперь жительствуют, особые ткаческие покои; хотя же из них и возмутся некоторые для усовершенствования в мастерствах на Костр. его ф-ку, однакоже в летнее время для домашних работ увольняемы будут в свои дома. К тому губ-р присовокупил, что, буде, на основании сем на причисление их последует разрешение, в таком случае Губ. начальство не оставит иметь наблюдение, дабы они Угл-вым, вопреки предположений его, отягощаемы не были.—По делам д-та м-р и внутр. торговли известно, что

---

[1]) На записке пометка: „Слушана в общем Сената собрании 4 авг. 1816 г.“

ф-ка Т-ва находится в Кинешме. В 1758 г. позволено было купить к оной на праве фабрикантском 100 душ кр-н. В то число в 1773 г. куплено 49, по 5 же ревизии числилось при ней 63 души, из коих 40 ч-к находилось собственно при ф-ке, а остальные 23 занимались хлебопашеством..—Г. мин. вн. д.... находит, что просьбу Угл-ва о позволении ему продать состоящие в г. Кинешме фабр. строения или употребить их для другого какого-либо заведения удовлетворить, кажется, можно с тем однакоже чтобы вместо того устроить непременно в том селении, где имеют жительство купленные им с ф-кою кр-не, другие новые р-ие здания, к-рые бы, заменив во всем Кинешемские, составили полное заведение, и чтобы Угл-в употреблял на оном кр-н, не причисляя к Костр. своей ф-ке, в чем и нужды никакой не будет, если он выстроит ф-ку на месте их жительства. Если же бы надобность потребовала усовершенствовать их в мастерствах, в таком случае он, конечно, может брать из них несколько ч-к на Костр. свою ф-ку для образования из них мастеров, но по изучении должен обращать их паки в свое место, дабы они обучали других. Т. обр., и выработка изделий улучшена будет, и целость заведения сохранится в полной мере на основании законов, на что и испрашивает разрешения.—Бывший же Кинеш. ф-нт Т-в в прошении Прав. Сенату из'яснял, что решением 2-го д-та Прав. Сената, последовавшим на представление Костр. Губ. Пр-ия о продаже его имения, предписано было 1813 г. в продаже его имения и в удовлетворении долгов, преимущественно казенных, поступить по законам;, следственно, и разумеет он, что Прав. Сенат полагал не иначе, как дело о претензиях в нижних инстанциях решенным, но по представленным от него документам претензия, названная казенною, оказалась партикулярною, к-рая решением 2-го д-та Прав. Сената в том м-це 1814 г. по силе Устава о банкр. уничтожена; да и за произведенный неправильный иск возложенных на него рекамбио и вексельных процентов от конкурса и Губ. Пр-ия тем же Уставом 101 п. уничтожена, и кк подал он во 2 д-т прошение, чтоб продажу сию, яко неправильную, к-рая произведена притом менее 10-летней сложности дохода и с изданными на то правилами несогласную, уничтожить, то и просил: 1) снесясь со 2 д-том, переводом кр-н на другую ф-ку до окончания дела во 2 д-те о уничтожении продажи приостановиться, и 2) предписать, дабы полотн. ф-ка его до истечения положенного законом срока на выкуп не была передана или заложена и о всем том учи-

нить решение по законам.—А Костр. первост. купец Углеч. в прошении из'ясняет, что он, купя упомянутую Т-ва ф-ку, при обозрении оной нашел: 1) что ф-ка от давнего на ней недействия пришла б. ч. в ветхость и на исправление ее требует многого капитала; некоторые же при ней заведения так обветшали, что и исправить нет возможности, кроме как должно сделать вместо их новые; 2) мастеровые люди во время пр-ва на Кинеш. ф-ке работ для оных ходили из селения своего более 20 верст и от сего теряли много времени, для работ полезного; 3) по давнему недействию Кинеш. ф-ки по случаю упадка Т-ва мастеровые, проживая в домах своих и занимаясь одним хлебопашеством, в ткаческом мастерстве упадают, а по сему для облегчения мастеровых от излишних переходов предположил вселении их построить собственным своим капиталом ткаческие покои, в коих мастеровые, в своей работе сведующие, работая, никогда не будут отлучены от своего мастерства, а кои не искусны, таковых для образования брать на время только на Костр. его ф-ку, не касаясь под сим предлогом перевода. Из сего выходит две пользы: 1) что люди из Кинешемского селения, будучи временно на Костр. его ф-ке и находясь между совершенными мастерами, скорее приобретут познание в совершенстве своего дела, 2) что Костромская его ф-ка умножением людей может придти в распространение и лучшее еще совершенство. За сим распоряжением купленную Кинеш. ф-ку располагает продать кому-либо из ф-нтов для произведения по возобновлении ее таковых же фабричных изделий или обратить на другое какое либо заведение. Все таковые его предположения одобрены Костр. гражд. губ-ром и г. Мин. вн. д., о чем представлено от него на рассмотрение Прав. Сенату, но, как разрешение еще не последовало,—то и просил по рассмотрении всего вышеописанного о дозволении предположения его привести в действие предписать кому следует указом.—После сего бывший Кинеш. ф-нт Т-в подал в Прав. Сенат вновь прошение, при к-ром, прилагая копию с поданного во 2-й д-т Сената прошения, чтоб возвратить ему во владение полотн. его ф-ку, проданную с публичного торгу Костр. первост. купцу Углеч., а продолжающийся над имением и делами его более 12 лет конкурс уничтожить,—просил, до воспоследования на сию его жалобу во 2-м Сената д-те решения, по делу Углеч. в 1-м д-те решением приостановиться, а между тем о учинении в письме купчих закладных и всяких крепостных на ту ф-ку актов запрещения, также и о содержании той его ф-ки всегда в

надлежащем порядке предписать кому следует указом.—По таковым просьбам Т-ва требованы были из 2-го Д-та Прав. Сената сведения, по первой, производится ли в том д-те об упомянутой ф-ке дело, и ответствовано, что дела касательно ф-ки не состоит, и по жалобе купца Т-ва на Костр. губ. пр-ие, в содействовании им расположениям Кинеш. город. магистрата во взыскании с него долгов. Прав. Сенат, по истребовании против прошения Т-ва от Костр. губ. пр-ия об'яснения, указом тому пр-ию 29 мая 1813 г. предписал, чтобы оно в продаже помянутого Т-ва имения и в удовлетворении преимущественно казенных, а потом партикулярных долгов поступило по законам, а по второй ответствовано, что против того прошения потребуется от Костр. губ. пр-ия, об'яснение.—Указом 1762 г. авг. 8 о разделе недвиж. имений м-ры, ф-ки или з-ды раздроблять воспрещено.—Имен. высоч. указом 16 марта 1798 г. постановлено: берг и м-р-коллегиям с помощью губ. начальства крайне наблюдать, дабы к заводам и ф-м купленные деревни всегда были при з-х и ф-х неотложно и так, чтоб деревень сих особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслы ни за кем не укреплять и к другим заводам и селениям по одиночке или семьями не переводить.—Госуд. Совет при рассмотрении Прав. Сената в общем собрании СПбург д-тов дел, заключающих вопрос, отдавать ли родственникам на выкуп проданные с публичного торгу имения, заключил, чтоб проданных с публичн. торгов имений по вексельным и другого рода претензиям, кроме покупных и просроченных по закладным, на выкуп не отдавать; и о единообразном по сему положению поступлении предписано от Прав. Сената повсеместно указом 23 сент. 1815 г.—Прав. Сенат, по расмотрении всех сих обстоятельств, 27 сент. 1815 г. определил: хотя имен. высоч. указами 1762 г. авг. 8 и 16 марта 1798 г. раздроблять ф-ки м-ры и з-ды, равно и перевод кр-н к другим заводам и селениям по одиночке или семьями запрещается, но, кк. из рапорта г. Мин. вн. д. видно, что по мнению Костр. граж. Губ-ра в причислении мастеровых 42 душ к Костромской, купца Углеч. ф-ке не предвидится никаких препятствий тем более, что Углеч,, дабы не обременять их излишним на ф-ку переводом, предполагает для исправления работ построить в тех самых селениях, где они теперь жительствуют особые ткаческие покои; хотя же из них и возмутся нек-рые для усовершенствования в мастерствах на Костр. его ф-ку, однакож в летнее время для домашних работ увольняемы будут в свои домы, а Костр. ф-нт Углеч. в просьбе своей из'ясняет....

(Далее излагается содержание прошения Углеч. и мнения Мин. вн. д., к-рые уже приводились выше.—Е. Д.) Все же таковые его Угл-ва предположения не заключают в себе запрещенного вышеозначенными указами перевода людей к другой ф-ке, но могут послужить еще к восстановлению упадшей Кинеш. ф-ки и остановившихся на оной действий, равно и к усовершенствованию мастеровых, а потому и Прав. Сенат, находя мнение его г. министра вышеозначенным указам не противным, оное утверждает, почему и предоставить ему г. министру сделать по сему предмету зависящее от него распоряжение и кому следует предписание с тем, дабы не оставило местное начальство склонить ф-нта Углеч., чтоб не обращал в продажу состоящих в г. Кинешме фабр. строений и, не употребляя для другого какого-либо заведения, старался современем восстановить на оном упадшую полотн. ф-ку, с возвращением к оной и всех бывших при ней кр-н и мастеровых людей. Относительно просьб Кинеш. ф-нта Т-ва....... то за силою положения Госуд. Совета Прав. Сенат в рассмотрении просьб его, дабы проданная с публич. торгу за долги полотн. его ф-ка до истечения положенного на выкуп срока не была передана или заложена, входить не может. Чтож касается до прочих из'ясненных им, Т-вым, в просьбах его обстоятельств, якобы ф-ка сия продана без соблюдения установленных в законах правил за дешевую цену и о прочем, то о сем предоставляет ему ожидать на таковые же свои просьбы решения от 2-го Сената д-та, рассмотрению к-рого оные принадлежат и от к-рого о продаже всего его, Т-ва, за долги имения дано было предписание.—Но мин. вн. д. г. т. сов. и кавалер Осип Петр. Козадавлев по рассмотрении определения дал мнение:........ Но все дело здесь именно заключается в продаже Кинеш. фабр. строений. Разрешение на сию продажу для того и испрашивается, чтобы восстановить упадшую бывшую Т-ва ф-ку, к-рая от того наиболее пришла в растройство, что строения ее находятся за 20 в. от жилища приписных к ней кр-н, кои, ходя на работу чрез столь дальнее растояние, всякий раз изнуряют себя излишним переходом и от того перестали работать на сей ф-ке, а занимаются частью на посторонних ф-х, а частью обыкновенными крест. работами; восстановить же сей ф-ки иначе нельзя, как тем способом, какой предполагает Углеч., те нынешние фабр. строения продать или употребить для другого заведения, а вместо оных построить новые в самом том селении, где принадлежащие к ф-ке кр-не живут. Сим распоряжением согласно уза-

конениям означенная ф-ка не только не раздробляется, но паче соединяется в одно место. А потому он, г. мин., и не может согласиться с окончательными словами резолюции Прав. Сената, где сказано: с тем, дабы не оставило местное начальство склонить и проч., а остается при своем мнении........ По выслушании сего мнения гг. сенаторы... остались при прежней резолюции...., за каковым разногласием дело сие... поступило на рассмотрение в общее Прав. Сената собрание.—Между тем б. Кинеш. ф-нт Т-в подал в Прав. Сенат вновь просьбу, что уведомился он, якобы покупщик его ф-ки ф-нт Углеч. в поданном к г. мин. вн. д. прошении о переводе принадлежащих к той ф-ке мастеровых людей на Костр. свою ф-ку изъяснил, что строение той его ф-ки столь ветхо, что и работу в нем производить нельзя, да и работа производилась не иная, как только самого толстого и сурового холста, а кроме сего другого лучших качеств, изделия на ней и не было работано, в чем будто бы и Костр. губ-р удостоверял мин. вн. д. с приложением и пробы холста; а как на его ф-ке работались равендук, фламские полотна, каламенок, салфетки, скатерти и самые тонкие полотна, каковые вырабатывались только на двух Ярославских Яковлева ф-х, на других же нигде таковой доброты не делались, то он, Т-в, представляя выделанные на бывшей его ф-ке скатерти и салфетки, просит по рассмотрении оных, прошение сие выслушать с производящимся о той ф-ке делом, а с объявившими несправедливо поступить по законам, салфетки же и скатерти возвратить ему для отдачи тому, у кого оные взяты. Прав. Сенат.... 22 ноября 1815 г. определил: в сей просьбе ему, Т-ву, отказать с подтверждением, чтоб он таковыми неделовыми просьбами утруждать Прав. Сенат впредь не отваживался. Представленные же им скатерти и салфетки возвратить ему с роспискою. Секретарь Павловский."

IV *Извлечения из Сенатского дела* № 4156-1942 *ф-нта Углеч. о полотн. ф-ке* 1816 г., на 9 лл. Из „Записки по делу Костр. ф-нта Петра Углеч., просящего позволения перевести с купленной им в Костр. губ. пр-ии состоящей при г. Кинешме ф-нта Прокопия Т-ва полотн. ф-ки, заведенной предками Т-ва в 1758 г. по указу б. Госуд. м-р—коллегии мастеровых людей на Костр. его Углеч. полотн. ж ф-ку, а фабр. строение уничтожить."[1])

---

[1]) Записка помечена 2 ноября 1816 г. Из препроводительной записки видно, что 11 октября эта записка была препровождена на консультацию к юрисконсульту Н. Ст. Ильинскому.

1) Как назначение к продаже Т-ва ф-ке, так и самая продажа оной и прочего имения произведена Костр. Губ. пр-ем незаконно и в противность регламента Камер—коллегии 18 п. инструкции канцелярии конфискации и указов 1738 г. апреля 8 и 1797 г. декабря... числ.

На Т-ве к платежу всех долгов неоспоримых оставалось не более, кк. только до 1500 р. с процентами, что легко бы со стороны Т-ва и выплачено было, ежели бы та ф-ка конкурсом по предписанию Кинеш. магистрата не была отобрана и действие оной не было пресечено, но как кураторы, особливо члены магистрата, имеющие небольшие заведения полотн. дела, коим обширность Талановой ф-ки препятствовала усилиться и размножиться, то с намерением употребили всевозможные средства, чтобы Т-ва, как только возможно, лишить ф-ки, а потому насчитали и представили долгов не малые тысячи, включая в то число спорные, судебные порядком не рассмотренные, следуют ли к платежу или нет, и оставленные без законного решения, к тому же некоторые показав ложно казенными, каковых Т-в никогда на себе не имел и вовсе с казною обязательств ни в чем не чинил. Губ. пр-ие, не входя в обстоятельств сего дела рассмотрение и не уважая подаванных от Т-ва прошений, опровергающих несправедливые донесения Кинеш. магистрата и конкурса, представило о продаже недв. имения Прав. Сената 2-му д-ту и настоятельно испрашивало на ту продажу указа. Т-в, узнав о сем, обратясь с прошением Прав. Сената ко 2-му д-ту опроверг и доказал несправедливость представления Губ. пр-ия с подведомственными ему упомянутыми местами.—По расмотрении сего Прав. Сената 2 д-т определил и посланным от 3 ент. 1814 г. указом тому пр-ию предписал полагаемые проценты по 30 п. Векс. Уст. с Т-ва сложить, а положить непременно по 101 п. 1-й ч. Уст. о банкр., а в спорных и прочих долгах поступить по законам, почему и вышло вместо 11000 р. процентов, только до 700 р.; но, прежде нежели получен оный Прав. Сената указ, ф-ка и прочее имение Т-ва были уже правлением запроданы, но еще покупщикам не были сданы.

2) Т-в, предупреждая продажу своего имения, хотя и просил Костр. губ. пр-ие приостановиться продажею оного и обождать на поданное от его прошение в Прав. Сенат в разрешение указа, но прошение его не уважено, ф-ка запродана и по запродаже правление приступило к требованию от магистрата и конкурса, за что продано, сколько имеется на

Т-ве долгов, сколько поступило капитала в конкурс, куда употреблен и на что и сколько действительных долгов, чтобы следовало потребовать прежде, нежели назначены были ф-ка и имение в продажу.

Ф-ка Т-ва состоит из 5 корпусов в два этажа каменных, в коих состоит одних несгораемых материалов, яко то кирпичу, железа, под тем строением и службами земли, кроме дерева, мастеровых не приписных, а купленных предками Т-ва на свои собственные деньги в двух деревнях, опричь пашенных сенокосных земель и прочих угодий, по настоящим ценам на 68000 р.; оценена была, но без архитектора в 3 тыс. р.; кр-не в Кинеш у. продаются не менее каждая душа, как в 300 р.; а мастеровые той ф-кой во всех операциях полотняного изделия снискали достаточный навык и множество людей обучили полотн. делу, отчего в окольности как по Костр. так и в смежной Владим губ., до несколько сот купеческих и помещичьих разведено ф-к; не больше оценены оные, чем по 200 р. душа; машины же и инструменты ценимы были за ничто, да и вся ф-ка продана не больше, как за 24 тыс. р., для того, что сего желали члены магистрата и кураторы, а потому и все Т-ва имение точно также ценимо и продано было.

3) Костр. ф-нт Петр Углеч., предприняв намерение купить ту ф-ку, за несколько еще время до назначенных торгов просил г-на мин. вн. д., чтоб позволил еще с некупленной им ф-ки мастеровых людей, машины и инструменты перевести в г. Кострому на свою ф-ку и строение Т-ва, якобы по ветхости, уничтожить.

Углеч. приступил к испрашиванию такового позволения от г-на мин. вн. д., зная совершенно, что ф-ка Т-ва ни за кем другим с торгов не останется, как единственно за ним, п. ч. из Костр. жителей никто вступить с ним в торг не согласится, кк. п. ч. он был градским главой весьма достаточным капиталистом, так и п. ч. кто из Костр. жителей занимается полотняным мастерством, всяк имеет свою ф-ку соразмерно своему капиталу и у себя под руками, а не слишком за 80 верст, а более п. ч., имел с бывшим тогда гражд. губ-ром г-ном д. ст. сов. Пасынковым особенные связи, по к-рым все, что только хотел, мог делать. Из прочих же городов, кому и нужда в таковой ф-ке настояла, за отдаленностью никого не было, а, м. б., по тем же самым причинам не было.

4) Г-н мин. вн. д. потребовал от гражд. губ-ра о состоянии той ф-ки подробнейшие сведения.

Губ-р совершенно о всем ответствовал на то требование, что он дела о том не видал и не читал, но только известен о том, что будто бы ф-ка та пришла в такую ветхость, что полотн. работы уже производить нельзя, да и на другое употребление предполагать ее не можно, а притом и не было на ней, якобы, иной работы, кроме толстого сурового холста, что весьма несправедливо и ложно, как ниже доказано будет.

5) Почему г-н мин. вн. д., получа от Костр. гражд. губ-ра столь несправедливый о ф-ке Т-ва отзыв, представил его на рассмотрение и решение Прав. Сената в 1-й д-т.

Т-в, узнав о сем отзыве г-на гражд. Губ-ра и о представлении г-на мин. вн. д. в Прав. Сенат, зная же состояние и и пр-во работы, в прошлом 1815 г. поданным в тот Прав. Сената д-т и к г-ну мин. юстиции прошениями опровергал тот несправедливый г-на гражд. губ-ра отзыв и к доказательству той несправедливести представил вытканные на его ф-ке и под клеймом оной травчатые, называемые камчатными, салфетки и скатерти, кои добротою и чистотою, ежели не превосходят, то по крайней мере равняются с производимыми на других лучших ф-х; ныне же уведомился, что то дело по просьбе Углеч. из 1-го д-та передано было в общее Прав. Сената собрание, из оного перенесено на консультацию.

6) Костр. Губ. пр-ие, учиня публики о продаже имения и ф-ки, не сделало постановления к предложению желающим купить ф-ку тех условий, какие должны были предложены быть в силу мануфактурных узаконений в содержании той ф-ки и мастеровых людей по покупке, да и по окончании торгов покупщика в том никакою подпискою ко всегдашнему тех узаконений наблюдению не обязало.

Оными узаконениями повелевается заводимую ф-ку или покупную всегда содержать во всякой исправности, беспрерывном действии и время от времени приводить в совершенство и размножение и чтоб она не упадала, а приходила в лучшее действие, к-рые законы и в данных ф-нтам на заведение ф-к указах прописываются. Между таковыми узаконениями есть и следующее, что ежели ф-ка будет без действия, отбирать оную в казну, а Углеч., получа ее с произведенных в 1814 г. незаконных торгов в свое владение, не токмо никакого на ней пр-ва не имеет, но совсем оставил ее на истребление; вместо того, чтобы покупать к ф-ке людей не далее 20 в. от нее, Углеч. берет их к себе на ф-ку для работы от жилища их за 103 версты.

7) Хотя Костр. губ. пр-ие, публикуя к вызову желающих купить ту ф-ку, и назначило для торгов три срока, один от одного чрез м-ц, но как на первые два срока никого желающих не явилось, а явился на третий—оной Углечанинов, другие два срока для второго и третьего торгов по предложению бывшего тогда губ-ра, второй торг дан был на третий, а третий торг на четвертый день.

В силу узаконений, когда первый торг состоялся в третий срок, то следовало бы вновь публиковать с назначением новых сроков для 2 и 3 торгов также каждый чрез м-ц, но по предложению г-на губ-ра, как упомянуто, совсем инако поступлено, и продажа всему имению Т-ва в Губ. пр-ии окончена на одной неделе. Углеч., получа т. обр. Т-ва ф-ку, не выждав нисколько узаконенного срока, тогда же заложил оную в 40 тыс. р., и Костр. гражд. палата, не уважая тогда существовавший закон, совершила закладную, но тем самым закладом доказывается, что Т-ва ф-ка гораздо более стоит той цены, за какую продана, и она действительно сей закладной цены более стоит, ибо на оную одного кирпича более 2-х миллионов и связей железных более 1500 пудов употреблено, на каковую незаконную продажу от Т-ва принесена Прав. Сената во 2-й д-т жалоба с прошением о переторжке оной ф-ки, а г-на мин. юстиции просил, чтобы оную переторжку произвести не в Костроме, а в СПбурге.—А кк. по сему же предмету по упомянутой жалобе производится дело Прав. Сената по 2 д-ту, в к-ром все обстоятельства подробнее изъяснены, то Т-в и просит, чтобы при рассмотрении по прошению Углечанинова дела и то производимое во 2-м д-те дело в виду было.

Приложение 9-е.

Старцовское дело.

I. *Извлечение из Сенатского дела* 1819 г. „*по прошению Костр. купца Петра Углечанинова по делу о фабричных людях его Старцовых.*"

1) „*Покорнейшее прошение*" *Костр. первостат. купца и ф-нта Петра Григорьевича Углечанинова от июля* 1819 *г. министру юстиции* (князю Дм. Ив, Лобанову-Ростовскому).—„Упр-щий Ярославскою моею полотняною ф-кою чиновник 8-го кл. Петров известил меня, что из СПбурского в Ярославское губ. пр-ие получено отношение с прописанием реше-

ния СПбург. надв. суда 2-го д-та, к-рый присудил крепостных моих фабричных, принадлежащих к Яросл. полотн. моей ф-ке, Степана, Ивана, Егора и Николая Старцовых с их семействами по одной Степана Старцова просьбе, не отобрав от меня ничего. учинить свободными и предоставил им избрать род жизни, в какой сами вступить пожелают, по случаю якобы делаемых им мною притеснений и употребления на дела, якобы к фабр. делу не относящиеся, и таковое свое решение, не объявя даже оного мне, посредством СПбургскаго и Яросл. Губ. пр-ий привел в исполнение.—Дабы Вашему С-ву яснее раскрыть, как неоспоримую принадлежность мне Старцовых и употребление их к законным занятиям, так и противузаконные действия надв. суда, о том осмеливаюсь изложить здесь в подробности следующее:

Первое. Состоящая в губ. г. Ярославле принадлежащая мне полотн. ф-ка первоначально учреждена в 1721 г. Ярославцем Гостиной Сотни Михаилом Затрапезновым с детьми его, а в 1795 г. оная ф-ка и с принадлежащими к ней фабричными людьми куплена родителем моим Костр. именитым гражданином и ф-нтом Григорием Углечаниновым у содержателей ее купца Дмитрия и от армии капитана Ивана Затрапезновых, а по смерти родителя моего в 1805 г. досталась она по наследству мне, на к-рой как родителем моим, а по смерти его и мною, время от времени по единой нашей заботливости изделии ее доведены до совершенства, и оная ныне находится в цветущем состоянии.

Второе: Из числа фабр. людей, принадлежащих к оной ф-ке, дед Старцевых, Федор Старцов, поступил на оную ф-ку из Яросл. посадских прежде еще 1736 г., а имянным указом 7 генв. 1736 г. повелено всем, к-рые обретаются при ф-х и обучались какому-нибудь мастерству, принадлежащему к ф-м и м-рам, а не в простых работах обретались, быть вечно при ф-х. В повеленной же сим указом переписи, последовавшей в 1737 г., упомянутый Федор Старцев показан прядильщиком, а по сему с того времени он, Федор Ст-в, дети и внучата его, по принадлежности к ф-ке и по их наличности во всех ревизиях прежними владельцами, а по покупке родителем моим, по смерти же его мною, и писаны при Яросл. ф-ке; следов., они Ст-вы по всем правам и принадлежат мне законном.

Третие: Из Ст-вых Мелентий, Степан и Николай (сын и два внука Федора Ст-ва), первый, т. е. Мелентий, родителем моим, а потом как оной, равно по смерти первого, и второй,

т. е. Степан, мною по замеченным в них способностям по составу фабричных оборотов, один после другого, употребляемы были при СПбург. бирже для продажи приготовляемых на ф-х разных изделий и по разным комиссиям, относящимся до ф-к, т. е. для закупки принадлежащих ф-ке материалов, а Николай Ст-в с 1814 г. исправлял дела, до Яросл. ф-ке относящиеся, по жительству моему в Костроме, в Костр. моей конторе: последние же Иван и Егор Ст-вы находились на Яросл. моей ф-ке при исправлении разных по ф-ке поручений.—Сие доказывает ясно, что все они, Ст-вы, употребляемы были не в партикулярные и не в домашние услуги и не к работам каковым-либо, вовсе им не свойственным, а согласно указу 16 марта 1798 г. и высоч. корфирмованного доклада 30 июня 1803 гг. по круговращению к повинностям ф-к, по делам и занятиям до ф-к относящимся, ибо оные законоположения содержат в себе силу таковую: указ 1898 г., что при дозволении покупки к ф-м кр-н предписывается наблюдать строго, чтобы кр-не сии не на что иное, как на заводское или фабр. дело употребляемы были, а в высоч. корфирмованном 30 июня 1803 г. докладе изложены и причины неправильного употребления фабр. людей, из коих, м. пр., видно, что фабр. люди от содержателей ф-к притесняются и употребляются на домашние услуги и что содержатель ф-ки Дудышкин, по расстроенному состоянию делая разные притеснения фабричным, употребляет их не к фабричным делам, а к работам, вовсе им несвойственным.—По сей и другим причинам, чтобы с одной стороны пресечь и притеснения, фабричным нередко причиняемые, а с другой, чтобы не стеснить и ф-нтов в тех повинностях, коих они от фабричных людей по составу ф-к необходимо требовать должны, и чтобы слишком строгим и тяжелым с ф-нтов взысканием не ослабить заведенного на ф-х порядка и не расстроить их открытием фабричным слишком удобных способов к отбывательству, но на отобрание фабричных в казну и постановлены правилы, за пределы к-рых с моей стороны отступления нисколько не было и нет, поелику занятия Ст-вых, кк. описано выше, по конторе, по ф-ке, по продаже товаров и по закупке материалов не есть домашние для ф-нта услуги, но входят в общий состав к делам, до ф-ки относящимся, и если бы из фабричных по их способностям иметь при конторах по делам ф-к и по круговращению фабричных надобностей в разные занятии из них употреблять, было бы закону противно, начальство, видев из получаемых

от ф-нтов с давних времен ведомостей, в к-рых фабричные показываются при разных занятиях и при конторах, не упустило бы сделать своего замечания, а к тому ж вышеупомянутым того доклада 2-го пункта 2 отделением не воспрещается ф-нтам из р-х до 3-х ч-к употреблять даже в частную услугу.

Четвертое—По ходу дел при Яросл. моей ф-ке я заметил многие упущения, навлекающие мне чувствительный убыток не от того, чтобы это приписать можно было недеятельности упр-щего ф-кою, но оттого единственно, что по обширности в производстве разных изделий одному упр-щему во всех частях дать настоящего хода почти нет возможности, и счел нужным Степана Ст-ва, яко опытного по части фабричных дел, употребить на оной ф-ке в помощь упр-щему, к исправлению занятий по его способности, для чего бывшее у него на руках, т. е. фабричные изделия и вырученные за них наличные деньги, в первых числах октября м-ца 1817 г. посредством сына моего отобрав, первые передал другому, а деньги получил к себе; ему же, Ст-ву, приказано, чтобы он явился в Кострому для расчета за время бытности его в СПбурге при управлении делами, до ф-ки относящимися, и потом для отправления на Яросл. ф-ку к употреблению к занятиям, к-рому для свободного проезда и паспорт, имевшийся у него от 7 февр. 1817 г., на год оставлен. Паспорту срок минул 7 февр. 1817 г., а Ст-в ни в Кострому ко мне, ни в Ярославль на ф-ку не являвался и с просроченным паспортом проживал самовольно в СПбурге. По сей причине в мае м-це 1818 г. обращался я с просьбой к Вашему С-ву, чтобы повелеть соизволили фабричного Степана Ст-ва, проживающего в СПбурге с просроченным паспортом, чрез кого следует приказать, сыскав, выслать в Кострому для расчета с ним и потом для отсылки его на Яросл. ф-ку, дабы он и далее по единому своевольству от расчета и от пребывания на ф-ке не уклонялся,

Пятое: Между тем, из отношения в Ярославское из СПбург. губ. пр-ия, в к-ром прописано СПбург. надв. суда 2-го д-та, ныне открылось, что Ст. Ст-в, вместо явки к назначенному ему меступроживания, самовольно в СПбурге употреблял разные средства о исходатайствовании себе и братьям своим, Ивану, Егору и Николаю с их семействами вольность, выводя к тому лживо, что якобы мною делаются им притеснении и употребляются они на дела, к фабричному делу не относящиеся. Сперва он, Ст. Ст-в, обращался с таковою просьбою к г-ну мин. вн. д., на к-рую объявлено ему, чтоб он по

претензии своей на мне отыскивал удовлетворение в судебном месте на основ. существ. узаконений и что об оказании братьям его до окончат. решения дела от могущих последовать со стороны моей притеснений защиты и покровительства отнесся он, г-н мин. вн. д., к г-ну Яросл. гражд. губ-ру, а о высылке меньшого его брата, Николая, находящегося у меня в Костроме при доме на Яросл. ф-ку, также сделано отношение к г-ну Костр. губ-ру, а сей о выполнении предписания г-на мин. вн. д. от 20 ноября 1818 г. предписал мне, на что я гражд. губ-ру донес рапортом, описав в нем, что Нилай Ст-в занимается в к-ре по пр-ву Яросл. моей ф-ки разными расчетами и поверками отчетов, к-рые в Костр. моей к-ре производятся как по всегдашнему моему в Костроме жительству, так не менее того и по выгоде покупки и приготовления пряжи для Яросл. моей ф-ки, и, м. пр., в рапорте написал я так; „по занятиям его, Николая Ст-ва, отсылка его в Ярославль хотя и сделает по пр-ву Яросл. ф-ки по к-ре большую расстройку, но, повинуясь предписанию г-на мин. вн. д., ныне же его, Николая Ст-ва, отправляю на Яросл. полотн. ф-ку“. А как он, Ст-в, по занятиям в к-ре по Яросл. ф-ке, имел на руках дела и расчеты разных годов, то и приказано ему было, чтобы он немедленно оные сдал, за каковою сдачею после подачи мною рапорта при к-ре он и оставался, но я, заметя, что сдачу бывшего у него на руках он делал довольно медленно, то, чтобы выполнить волю начальства и свою обязанность, не осмелясь далее удерживать его, 2 янв. 1818 г. и отправил на Яросл. ф-ку, хотя он и не окончил сдачу надлежащим порядком бывшему у него на руках. А Ст. Ст-в, вместо того, чтобы на основ. существ. узаконений ему обратиться с просьбою на меня в Костроме или Ярославле, подал просьбу, как из того же отношения видно, в СПбурское губ. пр-ие, к-рое отослало оную к рассмотрению в 2-й д-т СПбург. Надв. Суда, а во оном, разные бумаги представляя, просил и ходатайствовал о вольности Старцовым по доверенности, от Степана данной, их родственник г-н стат. советник и кавалер Масальский, к-рый силился выставлять мне в вину все вышеописанное мною о Старцовых в другом виде, т. е. что отец Ст-в, Мелентий, а по смерти его из сыновей его Степан были от ф-ки отлучены и употреблены для исправления комиссии по торговле моей в СПбурге и что, хотя де я и признавал необходимым употребить Ст. Ст-ва при ф-ке сообразно его способности, но письмы мои, 1813 г. по Август м-ц 1817 г. к Ст-ву писанные, заключая в себе ругательства и

угрозы, к притеснению его, Ст-ва клонящиеся, открывают совершенно противное тому намерению, с явными для Ст-ва обидами сопряженное (к-рых однако же не только содержания не прописано, ниже м-ца и числа, когда они писаны, не обозначено),—что сын мой, быв. в СПурге, отобрав от Ст-ва товары и деньги, не давал ему в приеме всего квитанции и принуждал отдать ему все приказы мои, равно и доверенность с разными документами, и заставил его удовлетворить меня тремя стами рублей оставшимися на купце Каменском, сделавшимся банкротом, и внесть сию сумму в счет его, Ст-ва, якобы они купцом Каменским были заплачены, принуждал его, Ст-ва, возвратить в сумму, мне принадлежащую, полученное им, Ст-вым жалованье. Но по приказанию начальства как сысканные за купца Каменского 300 р., так и удержанное жалованье Старцову сын мой возвратил, показав притом, что он все те взыскания делал по приказанию моему и что я располагался Ст-ву жалованье выдать в Костроме (разумеется, получил бы он свое жалованье по учинении с ним счета), а сверх того о Николае Ст-ве, что он отвлечен мною от окончания курса учения, взят в Кострому (сие я сделать был в праве, по принадлежности его мне) и находился при доме моем, а когда его по предписанию г-на мин. вн. д. велено было выслать на Яросл. мою ф-ку, то якобы я в данном Костр. г-ну гражд. губ-ру объяснении показал, что я, повинуясь воле начальства, его, Николая Ст-ва, якобы отправил (а я напротив того в объяснении, кк. выше значит, писал, что его, Ст-ва, отправляю), но впоследствие открылось, что Николай Ст-в отправлен после подачи того объяснения более, нежели через м-ц, чем якобы и оказал не только явное непослушание предписаниям начальства, но лживой поступок (что и то и другое неправда, сие ясно видно из описанного мною выше в сем же пункте).—К сим б. ч. несправедливо возведенным г. Масальским обстоятельствам вместил он указ 1798 г. 16 марта и высоч. утвержд. доклад 30 июня 1803 г., содержание которых изложены выше в 3-м пункте. – Пбург. надв. суда 2 д-т изложил в своем определении все писанные Ст. Ст м и доверителем родственником его ст. сов. и кавалера Масальским и по уважению таковых обстоятельств и на осн. упомянутых законоположений в решительном определении заключил просителя Ст. Ст-ва с родными братьями его Иваном, Егором и Николаем, сыновьями умершего Мелентия Ст-ва, с их женами и детьми, яко по отце их составляющими одно семейство, из моего владения, как изобличившагося по собственным якобы моим показаниям, в про-

тивузаконных отца их и их самих употреблениях на разные упражнения, к фабричному делу якобы непринадлежащие, и в вышепоказанных притеснениях (к-рых однакож не объяснено, в чем именно они заключаются), учинить свободными и предоставить им избрать род жизни такой, в какой они сами вступить пожелают, и сие решение на основ. указов 30 июля 1762 г. и 17 авг. 1797 г. по доверенности Ст-ва г-ну Масальскому и мне, Углеч., аппеляционным порядком объявить, а между тем, поелику я, оказавшись уже будто в лживом донесении начальству на счет отсылки Николая Ст-ва на ф-ку, легко могу и находящимся на ф-ке братьям просителя Ст-ва причинить разные притеснения, преграждая притом им и самый путь к принесению на меня жалоб, то по сим причинам, не ожидая явки моей или от меня поверенного для выслушания решения и подписания удовольствия или неудовольствия, находящихся на ф-ке Ивана с женою и дочерью и братий его Егора и Николая Ст-х ныне же отобрать и о том отношения в Ярославское представить и представил в СПбургское губ. пр-ие с тем, чтобы Ст-вы по отобрании от меня на проезд в СПбург снабжены были законными видами с обязанием их подписками, дабы они по прибытии в СПбург явились в оный д-т.

В шестом пункте Углеч., ссылаясь на указы 22 ноября 1799 г. 18 июля 1803 г., доказывает, что действие СПетерб. Надв. суда 2 д-та по делу Ст-ва было совершенно противузаконное, что, т. к Ст-в—фабричный крепостной Яросл. ф-ки, где и братья его проживали и числятся, а сам Углеч. проживает в Костроме, а имение его находится в Костроме и Ярославле, то Петерб. надв. суд не имел права рассматривать это дело, оно должно было разбираться в Ярославле; точно также СПбург. губ. пр-ие не должно было отсылать это дело для решения в Петерб. надв. суд. Далее он указывает, что надв. суду следовало от него, Углеч., потребовать объяснения и тем дать ему средство „все выводимые несправедливости отразить ясными и законными опровержениями; однако ж, напротив того, надв. суд ни чрез кого и ничего от меня не требовал, как бы боясь открыть ход дела, п. ч. просителевы все замыслы были бы тотчас опровергнуты“. Он обвиняет надв. суд в том, что тот всячески силился „на тот конец, чтоб только Ст-х от ф-ки отлучить“, что суд не имел права приводить решение в исполнение прежде его объявления, а оно тяжущимся объявлено не было. Указом 15 янв. 1798 г.—пишет Углеч.—по случаю отбывательства кр-н и заводских людей повелено ищущих вольности оставлять до решения дел в пол-

ном повиновении помещиков, с одною тою предосторожностию, чтобы помещики были обязаны подпискою, никаких наказаний сего рода людям без ведома земской полиции не делать".

Седьмое. По всем вышеписан. обстоятельствам и по самому закону Ст-х до рассмотрения вышним начальством и до совершенного окончания дела и должно было оставить при ф-ке неотлучно и в полном моем повиновении, о чем я посредством упр-щего моею ф-кою хотя и обращался с просьбами в Яросл. губ. пр-ие и к тамошнему губ. прокурору с изъяснением выше прописанных законов, чтобы, за силою оных, отобранием от ф-ки Ст-х по решению надв. суда, прописанного в отношении СПбург. пр-ия приудержались, но Яросл. губ. пр-ие (кк. известил меня упр-щий ф-кою) просьбу мою оставив без уважения, Ст-х от ф-ки отобрало чрез градскую полицию, приняв в основание к отобранию их то, что ищущие вольности Ст-вы из владения моего отбираются по требованию СПетерб. губ. пр-ия, каковаго требования Ярославское за силою 130 статьи высоч. о губернских учреждениях якобы отменить не может, но сила 130 статьи такова, что одна палата не может отменять решение другой палаты, ни собственных своих перевершивать, требование ж СПбург. губ. пр-ия не заключало в себе собственного его решения; только получа представление надв. суда, не видев на оное законного возражения, како выше описано, и в поданном в Яросл. губ. пр-ие прошении было помещено, передало исполнить то представление надв. суда оному Ярославскому, а Ст-вы, воспользуясь таковым случаем, по обороту фабричных изделий бывшему в их заведывании, не дав никакого отчета упр-щему яросл. моею ф-кою, из Ярославля уехали в СПбург.

Сиятельнейший князь! Блюститель святости закона! Всепокорнейше прошу Ваше С-во воззрить на все вышеописанное мною прозорливым вашим оком и по данной вам власти повелите, чрез кого следует, преждевременно противузаконно отобранных с Яросл. моей полотн. ф-ки Ст-х: Ивана, Егора и Николая и проживающего самовольно в СПбурге Степана с их семействами возвратить на ф-ку мою и тем доставить мне законную защиту, чем фабричным пресечется повод к отбывательству по их прихотям, ибо противузаконное действие отобранием с ф-ки Ст-х и прочим фабричным доставит слишком удобный способ выискивать средства учиниться независимыми, а чрез-то неизбежно последовать может не только ослабление заведенному порядку на ф-х,

но и самое расстройство по оным.—Самое же в ходе дела сего отступление от закона повелите, где следует, рассмотреть и постановить преграду таковым противузаконным действиям. Покуда не буду иметь счастие на сию мою просьбу получить от Вашего С-ва разрешение, до тех пор по делу сему не осмелюсь ни к какому действию приступить, даже и к самой аппеляции на беззаконное решение надв. суда, если бы надв. суд и вызывать меня стал к выслушанию его решения и к подписанию удовольствия или неудовольствия, поелику в ходу дела сего, как мною описано, нарушен законами установленный порядок. Июля дня 1819 г. Прошение набело переписывал со слов просителя Костр. мещ. Тимофей Матвеев сын Лебедев. К сему прошению Костр. первостатный купец и ф-нт Петр Григорьев сын Углечанинов руку приложил. На прошение это частное отделение Д-та 21 июля 1819 г. рекомендовало Костр. губ. прокурору объявить Углеч., что если он недоволен решением СПетерб. надв. суда, то должен жаловаться на него аппеляц. порядком. В ответ на это Углеч. в ноябре 1819 г. послал мин. юст. новое прошение, в к-ром писал, что, не пропуская положенного законами срока, к аппеляц. порядку уже приступил и просил министра кому следует повелеть Ст-х, „покуда об них дело в вышних правительствах рассмотрено не будет и окончат. решения оно не получит, до тех пор по силе высоч. указа, состоявшегося в 3 день декабря 1797 г., а от Прав. Сената публикованного 15 генваря 1798 г., возвратить на Яросл. мою ф-ку, а дальнейший ход исполнения по решению надв. суда приостановить, ибо, если Ст-вы по решению надв. суда преждевременно получат дозволение на избрание рода жизни и вступят в какое-либо звание, то с отменою вышним пр-ством решения надв. суда возвращение их на ф-ку сопряжено быть может с неизбежным затруднением“. СПетерб. губ. прокурор 28 дек. 1819 г. дал министру справку, что решительное определение уездного суда 2-го д-та уже приведено в исполнение и что Ст-вым даны на избрание рода жизни свидетельства на основ. указа 17 авг. 1797 г. по неподаче от Углеч. после подписки на решение уездного суда неудовольствия в месячный срок аппеляц. жалобы; г. министр юстиции 1 дек. 1819 г. предписал Костр. губ. прокурору объявить Углеч., что, т. к. решение надв. суда приведено в исполнение, то мин. юст. и не вправе останавливать исполнение решения судебных мест.

II. Извлечения из дела д-та м-ва юстиции по архиву № 3540, по прошению кр-н Старцовых о освобождении их из владения от ф-нта Углечанинова. (Началось 4 окт. 1822 г., кончено 21 февр. 1823 г., 37 лл.).

1) „Всепокорнейшее прошение“ от октября... дня 1822 г. к мин. юстиции князю Дм. Ив. Лобанову Ростовскому от Костр. первост. купца и ф-нта Петра Григ. Угл-ва поверенного СПетерб. мещанина Николая Никифорова Мичурина.— В этом прошении проситель Мичурин, излагая уже известную нам по предыдущему делу историю вопроса, м. пр., пишет: „но как в прошлом 1821 г. последовало высоч. повеление о ищущем свободы из владения графа Потоцкого, Вишневском, учиненное здешним (СПБургским) надворным судом решение уничтожить и дело отослать к законному поступлению в Киевское губ. пр-ие, препроводив туда и самого просителя Вишневского, а при том подтвердить надв. судам, чтобы они, за силою 480-й статьи высоч. учреждения о губерниях, не принимали к своему рассмотрению просьб от людей, отыскивающих вольности, приписанных к имениям, в других губерниях состоящим, вследствие чего здешней палаты гражд. суда 1-й д-т, имея у себя другие подобные сему дела, в т. ч. и упоминаемое о Старцевых, испрашивал от Прав. Сената разрешения, должно ли поступить и с ними на основ. означенного высоч. повеления“. Сенат на это предписал указом, что „по точному содержанию вышепрописанного высоч. повеления подлежат к отсылке для надлежащего рассмотрения и решения все дела ищущих свободы людей в те губернии, по коим они писаны по ревизиям, но покудова гражданской палаты 1-й д т то предписание Прав. Сената приводил в исполнение, люди, ищущие вольности, пользуясь сим и противузаконным действием надв. суда, будучи, куда следует, не высланы и оставаясь свободными, продолжали чрез разные происки производить неудовольствия, как-то Степан Старцов, несмотря на все вышеизложенные узаконения и предписание верховного пр-ва, подал в Прав. Сенат о невысылке его с братьями в Ярославль просьбу, приводя в оной к закрытию поступков своих и надв. суда пропущение якобы Угл-вым на удержание исполнения месячного срока, вследствие чего от Прав. Сената и было предписано гражд. палате указом о доставлении противу прошения Старцова объяснения, а м. т. отсылкою дела в Ярославль приостановиться“. Мичурин далее доказывает несправедливость показания Старцова на счет пропущения

месячного срока ссылкой на то, что надв. суд „не объявя своего решения, привел оное в исполнение, а с тем вместе нарушил и высоч. указ 1798 г. генв. 15 дня, повелевающий „кр-н и заводских людей, ищущих вольности, оставлять до окончательного решения дел в полном повиновении помещиков“, почему и... братья Старцовы пользуются свободою по противозаконному действию надв. суда, и самое дело в гражд. палате осталось без решения по собствен. отбывательству Старцова от рукоприкладства под запискою по поданному от его, Старцова, о том прошению, с каковым намерением утруждает он и Прав. Сенат, ибо, зная несправедливость дела своего, под разными предлогами отдаляет елико можно, решение оного, к явной обиде и расстройству в делах купца Угл-ва, ибо он, лишаясь безвинно принадлежащих ему людей, и по пр-ву здесь дела, терпит убыток“. В заключение поверенный „всенижайше“ просил „о предписании кому следует... дело об отыскиваемой свободе Старцовыми.... отослать.... равно и самих их Старцовых с семействами в тамошнее (Ярославское) губ. пр-ие“.

2) Копия с определения Прав. Сената 4-го д-та в д-т м-ва юстиции 1822 г. июля 17 дня (извлечения): а) Из этого определения видно, что дело об отбывающем из владения купца и ф-нта Угл-ва приказчике Старцове с семейством его, приписанном к Яросл. бумажной ф-ке, началось по прошению Старцова, поданному к ПБург. военному ген-губру в октябре 1817 г. б) 14 дек. 1821 г. Сенат определил, что „по точному содержанию... высоч. повеления по делу ищущего свободы Вишневского.... подлежат также к отсылке для надлежащего рассмотрения и решения все дела ищущих свободы людей в те губернии, по коим они писаны по ревизиям“. в) „28 февр. сего же (1821) года СПбург. купец Степан Старцов поданным в Прав. Сенат прошением показывает, что предки его принадлежали к Яросл. мещанству, но бедность их была причиною, что они по высоч. указу 7-го генв. 1736 г. остались против их желания приписанными к Яросл. бумажной и полотн. ф-ке содержателя Ивана Максимова сына Затрапезнова и впоследствие времени достались во владение Костр. первост. купцу Петру Угл-ву. Отец его Старцова, находясь в сем состоянии с 1797 г. по май 1810 г., по доверенности как показанного купца Угл-ва, так и отца его Костр. купца Григ. Угл-ва занимаясь здесь в СПбурге при бирже продажею полотняных товаров и другими упражнениями к личной владельцам услуге и другими

занятиями, к фабричному делу непринадлежащими, а по смерти его с 1810 г. по октябрь 1817 г. помянутые дела находились в его Старцова распоряжении; из трех же братьев Иван и Егор Старцовы того же рода упражнениями занимались как в губ. г. Ярославле, так и разных других местах, а меньший брат его просителя Николай Старцов воспитывался здесь в Петровском лютеранском училище, но показанный купец Угл-в несколько лет сряду делал им разного рода притеснения, а меньшего брата его Николая Старцова после 8-летнего занятия в помянутом училище науками взял к себе в Кострому и без мала 4 года употреблял его в доме своем на исправление разного рода письменных дел и на домашние услуги, наконец жестокостями своими довел их до того, что он Степан Старцов в начале октября 1817 г. в необходимости нашел себя принесть на него жалобу бывшему СПбург. Воен. ген-губ-ру и кавалеру Вязьмитинову. По жалобе ж сей по предписанию военного ген-губ-ра произведено было СПетерб. обер-полицеймейстером следствие, и, поелику действовавший по доверенности показанного купца Углечанинова сын его Сергей Угл-в поданным того октября 6 дня к обер-полицеймейстеру объяснением не только сам сознался в причиняемых ему отцом его, Угл-ва, притеснениях, но и оправдал его, Старцова, что в приезды его, Угл-ва, сюда он действительно дела их у него, Старцова, находил исправными и дурного об нем ничего ни от кого не слыхал, то военный ген-губ-р помянутое следствие и препроводил к бывшему мин. вн. д., а он, об ограждении братьев его просителя до решения дела от притеснения Угл-ва сделав отношение к Яросл. гражд. Губ-ру, вместе с тем предоставил ему, Старцову, отыскивать себе удовлетворения в судебном месте на основ. существ. узаконений, приказав д-ту м-р и внутр. торг. выдать ему, Старцову, для того с бумаг, помянутое следствие составлявших, засвидетельствованные копии. Получив сии копии.... и формальное на счет отыскивания удовлетворения объявление, он, Старцов, руководствуясь 477 ст. высоч. о губерниях учреждения, обратился с просьбою о противозаконных Угл-ва поступках в СПбург. губ. пр-ие". Последнее препроводило просьбу во 2 д-т надв. суда, к-рый „по соображениям всех представленных им Старцовым к делу доказательств, решительным своим определением, подписанным 26 марта 1819 г., на осн. высоч. утвержд. в 30 день июня 1803 г. доклада мин. вн. д., определил учинить их свободными и

предоставить им избрать род жизни такой, в какой они сами вступить пожелают, снабдив их для того надлежащими от д-та свидетельствовами, а т. к. оные по пропущению Угл-вым на удержание исполнения по означенному определению узаконенного срока, были им, Старцовым, от помянутого Д-та выданы, то из них и записались по ним братья его просителя Иван и Егор Старцовы в здешнее мещанство, а он, Старцов, в купечество, меньший же брат его Николай, желая приобресть большее усовершенствование в науках, представил помянутое выданное ему из надв. суда свидетельство в СПбург. ун-т, в к-рой по выдержании испытания в науках и принят он студентом. г) Когда Сенат предписал все дела ищущих свободы людей отослать в губернию по месту приписки просителей, то Старцовы подали прошение, в к-ром м. пр. писали, что, „по недостаточному их состоянию не находя возможности иметь за помянутым делом в Ярославле хождение и тем более, что пропитание они, Старцовы, получают: он, проситель, находясь при бирже маклером, упражнениями по сему званию, а братья его, Иван и Егор, отправлением у разных людей прикащичьих должностей, меньший же брат его Николай, давая в разных домах частные в учебных предметах уроки, он, Старцов, по всем сим обстоятельствам просит, дабы на все то обращено было милосердное вмимание, и, т. к. следствие произведено здесь и притеснения купца Угл-ва обнаружены собственным даже сына его признанием, а сверх того и дело находится в таком положении, что остается лишь приступить к решению оного, то по уважению сего, а также и недостаточного их состояния, СПбург. палате гражд. суда предписать, чтоб она, не отсылая оного дела в Ярославль, приступила ныне же к решению оного и тем самым не только подала им возможность самим за оным делом иметь хождение, но и избавила их от неминуемого разорения“ Сенат, затребовав по этому прошению от 1 д-та палаты гражд. суда объяснения, предписал отсылкою дела в Ярославль остановиться. д) 1-й д-т 1 июня 1822 г. донес Сенату, что у него имеется дело, взнесенное из 2 д-та надв. суда 21 апреля 1821 г. по апелляции купца Петра Угл-ва поверенного Мичурина „об отсуждении оным судом и отобрании от него, Угл-ва, людей..... Старцовых с семействами их, приписанных к Яросл. его Угл-ва полотн. и шелковой ф-м“. Далее, повторяя историю Старцовых, 1-й д-т сообщал, что предки Старцова остались на ф-ке по указу 1736 г. „против их желания“, что „отец его

просителя Мелентий Старцов, с 1797 г. находясь почти без отлучки в СПбург. и по доверенностям Угл-вых занимаясь при бирже продажею полотн. товаров, а вместе с тем исполняя и другие разного рода поручения, к личной владельцу его услуге и другим упражнениям, к фабричному делу непринадлежащим, относящиеся, все сии дела исправлял также с отличным усердием, каковым их поведением и обратили они на себя внимание показанных владельцов до того, что те и другие неоднократно обнадеживали их возвращением им и всему их семейству потерянной свободы, а дабы более их в том удостоверить, они, оставляя при упражнении при ф-ке одного, лишь его, Старцова, деда Малкова, а отца его, просителя отлучив от семейства сюда в СПбург для исполнения показанных дел, дозволили ему с тремя братьями и двумя сестрами воспитаться совершенно по их желанию и сообразно тому предположению, какое они в рассуждении выбора им состояний сами иметь могли, по каковому дозволению показанные дед и отец его, устранив их от всякого упражнения по ф-ке и посвятив наукам, старалися дать им воспитание, сколько возможно лучшее, но при всем том однако же участь его просителя и показанных братьев его подвергалась совершенному изменению, ибо настоящий владелец, по случаю смерти деда и отца его Старцова оставя первое свое им предположение, вместо того поступает с ними так несправедливо, что, разлучив всех их и дав упражнение каждому из них по своему произволению, одного из братьев его, Егора, жестоким обращением своим довел до того, что едва он не посягнул на свою жизнь, а меньший брат Николай взят им, Угл-вым к себе и, вместо того, чтоб находиться ему вместе, с другими братьями при Яросл. ф-ке, к коей он принадлежит, держит его в Костроме при своем доме и, употребляя на домашние свои услуги и исправление письменных дел, жестокостию своею доводит его также до отчаяния; он же проситель, напротив того, по смерти отца своего, в 1810 г. последовавшей, хотя и оставлен им здесь при исправлении как собственных его, так и разных посторонних по торговле комиссий, но, несмотря на то, что все сии дела с того времени исполнял с отличным усердием, о коем засвидетельствовать может иностранное и российское при бирже купечество, сын того Угл-ва, отобрав от него наличную сумму, до 200.000 р. простирающуюся, и товар более, как на 300.000 р., не дав в том росписки, принуждает его к отдаче всех приказов отца его Угл-ва, равно доверенности и документов;

то, дабы чрез таковую отдачу бумаг не подвергнуться вящим владельца притеснениям, просил оказать ему защиту. Военный ген-губ-р по сей жалобе препоручил обер-полицеймейстеру учинить обследование, по коему сын Угл-ва показывал, что он деньги отобрал по приказанию отца его, найдя все дела у него Старцова в исправности". е) Просьба Ст-ва была ген-губ-ром препровождена в м-во вн. д., и Ст-в получил от д-та м-р и внутр. торг. объявление, предоставляющее ему по претензии его на Углеч. отыскивать себе удовлетворения в судебных местах. Получив это объявление и копию со всего пр-ва, Ст-в просил 24 янв. 1818 г. Петерб. губ. пр-ие о даче ему с братьями на основ. высоч. конфирм. 30 июня 1803 г. доклада мин. вн. д. из владения Углеч. свободы. Губ. пр-ие препроводило дело во 2 д-т надв. суд, к-рый определением 10 марта 1819 г., подписанным 26 марта, Ст-Ст-ва с родными братьями Иваном, Егором и Николаем, сыновьями умершего Мелентия Ст-ва, с их женами и детьми из владения Углеч. учинил свободными. Углеч. пропустил 4-х месячный срок на подачу в палату аппеляц. жалобы. 21 апреля 1820 г. по предписанию палаты дело Ст-ва было взнесено на ревизию, из дела был составлен экстракт, и вызван чрез Управу благочиния купец Ст-Ст-в для рукоприкладства, но он не явился, заявив, что явится по получении из м-ва фин. нужных к сему делу документов. На предписание Сената 31 янв. 1822 г. об отсылке дел ищущих свободы в те губернии, где они писаны, палата определила отсылкою дела Ст-ва впредь до указа Сената воздержаться. ж) Рассмотрев все обстоятельства дела Сенат нашел: „1-е, что Ст-вы, вследствие решения о них здешнего (Пбурского надв. суда) и выдачи им от оного суда о свободе их от купца Углеч. свидетельств, поступили уже в разное свободное состояние, казенному ведомству принадлежащее, о чем палата в представлении ее об отсылке дел ищущих свободы людей в те губернии, где они показаны по ревизиям, вовсе умолчала, и Сенат при разрешении того представления, сего вновь открывшегося обстоятельства в виду не имел, 2-е, что, за силою последовавшего о людях такового рода заключения Прав. Сената, Комитетом гг. министров утвержденного и высоч. соизволения в 6 день сентября 1821 г. удостоенного, означенное Ст-х дело не подлежит к отсылке в Ярославль для дальнейшего рассмотрения. А потому полагает; СПетерб. палате гражд. суда предписать, чтобы она, не отсылая сего Ст-х дела в Ярославль, ни мало не медля

приступила сама к надлежащему оного рассмотрению и решению на основ. законов, но не приводя сего постановления Прав. Сената в надлежащее исполнение, испросив на оное чрез посредство г-на мин. юстиции и кавалера высочайшее его имп. велич. благосоизволения". В заседание к-та министров 3 февр. 1823 г. было объявлено, что указанное соизволение состоялось.

Дополнения:

К стр. 4, 11 *и* 47-й. В „Экономич. примечаниях" по Костр. уезду о ф-ке гр. Воронцова говорится следующее: с-цо Опалихино (5 в. от города)—84 двора, по 3-й ревизии 192 мужч. и 103 женщ., и деревня Реброво—12 дворов—21 м. и 22 ж.—графа Ром. Лар. Воронцова. „При оном же с-це состоит ф-ка каменная о 70 станах, в к-рой ткут фланское полотно от 14 коп., ревендук от 10 коп., каламенку от 11 коп. аршин и отпускают к СПбург. порту.... Кр-не с-ца Опалихино состоят на издельи при ф-ке и ткут показанные мануфактуры, а дер. Ребровой состоят на оброке и платят в год с души по 2 р. 50 к.". Неравновесие между полами в составе населения с-ца Апалихи в сторону резкого преобладания мужчин над женщинами подтверждает, что с-цо это было своего рода ссыльным поселением, куда ссылались кр-не других вотчин Воронцова за разные провинности.

К стр. 8-й, *к примеч.* 4-му. Во время составления указанных в примечании „Дополн. сведений" Судиславская полотн. ф-ка бездействовала.

К стр. 11, 33 *и* 52-й. Полотн. ф-ка Григ. Ив. Таланова так описана в „Эконом. примеч." по г. Кинешме: „бывает поставлено 20 станков, и работы продолжают во весь год; обрабатываемые полотна продаются на Кинешемской и Макарьевской ярмарках по 35 к. аршин, а обрабатывается оная ф-ка купца Таланова собственными кр-нами, коих по ревизии муж. полу 40 и женска 50 душ; доходу господину в каждый год по 2 тыс. руб".

К стр. 17-й. Из дела канц. Костр. губ-ра 1801 г. № 133 (архив б. Губ. пр-ия) видно, что елабужский купец Рудознаев продавал на ф-ку Харл. и Прок. Талановых золу и шадрик; продавал в кредит; выгружались эти материалы из судна в зольник Талановых. Покупался шадрик также и у елабужского купца Бусынина (л. 24 об.).

К стр. 32-й. В Афанасьевском (Ярлыковском) архиве б. Костр. губ. уч. арх. ком. имеется (см. отд. V, № 198) протестованный вексель на 120 р., данный 25 янв. 1773 г. пример-майором Игнатьем Григорьевым Ярлыковым; срок векселя на год. По векселю Ярлыков был повинен заплатить Костр. купцу и полотн. ф-ки содержателю Кузьме Иванову Углечанинову указной ходячей монетою 120 р., „понеже толикое число получил... от него сполна“. Село Афанасово—в Костр. уезде.

Полотняные ф-нты владели землями не только в городах, но и в уездах. Так, напр., по „Алфавиту дач и владельцев с описями и экономич. примечаниями“ по Костр. уезду под № 587 значится с-цо Прудище полк. Вас. Фед. Скрипицына и Костр. купца и содержателя шелковой ф-ки ф-нта Вас. Сем. Ашастина—118 дес. 2020 саж., 19 душ муж. (л. 34); помимо того, тот же Вас. Сем. Ашастин упоминается, как совладелец в целом ряде пустошей и земель вместе с тем же Скрипицыным, а иногда ёще и с другими лицами. М. пр., под № 445 (вместе со Скрипицыным) указана дер. Макшиха с пустошами—397 дес. 1817 саж.—4 души муж.

К стр. 35-й. В „Алфавите дач и владельцев с описями и экономич. примечаниями“ по Костроме указано, что с полотняных ф-к г. Костромы отпускалось „чрез Петербургский порт в разные иностр. европ. города не малое количество полотен фламских, каламенку и равендуку, ценою до 300.000 руб.“ (л. 10).

К стр. 39, *к примеч.* 1-му. В „Экономич. примеч.“ по г. Кинешме упоминается на выгонной земле кирпичный завод Кинеш. купца Таланова—выделывалось на нем до 500.000 кирпича, поставлявшегося в г. Кинешму для продажи по 8 р. с тысячи. По Кинешме же значилась стоявшая на р. Кинешемке мукомольная мельница о двух поставах купца Таланова. Повидимому, оба эти предприятия принадлежали ф-нтам Талановым.

К стр. 49 *и* 50-й. Приводим выписки из наказов Костромских ф-нтов и купечества пригорода Нерехты в Екатерининскую комиссию по составлению проекта нового Уложения, извлеченные из сб-ков Рус. Ист. Об-ва. Сб-ми этими мы не могли воспользоваться при составлении текста:

1) *Пункт 21-й наказа жителей г. Костромы—от ф-нтов**): „Не безизвестно, что от ф-к не малая государственная польза быть имеет платежем пошлин и наложением других государственных доходов. Но как те ф-ки приведены, снабдены и пожалованы были привилегиями, как о том значит в состоявшемся блаженные и вечной славы достойные памяти г-ря имп-ра Петра Вел. за подписанием собственные руки мануфактур-коллегии регламента 1723 году, декабря 3 дня, в 13 пункте, напечатано: кто завод заведет, тот с детьми и братьями свободен от службы, а в 17 пункте, хотя по прежним указом Его Величества купецким людям деревень покупать было запрещено и тогда запрещение было для того, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели; а ныне, как всем видно, что многие люди компаниями и особно возымели к приращению госуд. пользы заводить разные мануфактуры и ф-ки, из к-рых многие и в действо произошли, того ради позволяется для размножения заводов, как шляхетству, так и купечеству, к заводам деревни покупать невозбранно, с позволения м-р-коллегии. А по имянному блаж. и вечной славы достойные памяти г-рыни имп-цы Елисавет Петровны 1744 г. июля 27, Прав. Сената 1752 гг. апреля 8 чисел, указом в покупке к тем заводам и ф-кам кр-н с землями и без земель препорцыя положена к полотняным по 12 душ к стану. А ныне по имянному Ея Имп. Велич. 1762 г. августа 8 дня указу, пока новое уложение действительно от Е. И. В. высочайше конфирмовано не будет, по то время всем фабриканам и завотчикам с землями и без земель покупать не дозволено. А фабриканам и завотчикам без своих собственных кр-н ф-к и заводов размножать и приводить в лучшее состояние никак не можно, понеже вольные люди не могут быть в таком послушании, как собственной приписной или крепостной, и работа, от них производимая, не может быть действительною, и что вздумает ф-нт в делании каких новостей для государственной пользы и славы, но оные, по непривычке их, окажутся противными, то ни за какую плату принудить не можно по их вольности, а только то работают, в к-рой заобыкли, и не так. как на

---

*) Наказ от жителей Костромы подписан 19 апр. 1767 г. В числе подписавших его значатся, м. пр., городской голова, Костр. купец и полотн. ф-ки содержатель Козьма Иванов Углечанинов и Костр. полотн. ф-ки содержатель Алексей Семенов Ашастин.

протчих заведенных ф-х, яко то Ярославской и других, при к-рых не малые собственные вотчины имеются и к-рыми те ф-ки в цветущее состояние приведены, а чрез тож и протчие во оное притти могут. И ежели за непротивное окажется и по премудрому Е. И. Вел. высоч. рассмотрению, в сходственность с российскими прежними узаконениями, к тем ф-м и заводом кр-н мужеска и женска пола покупать дозволить, хотя и не по прежней препорцыи, а по необходимости, менее положить не можно, как к полотняному стану мужеска пола по три души, а женска сколько при них обретаться будет; а без собственных кр-н привесть ф-к в лутчее состояние за предписанными резонами невозможно. К тому ж за размножением полотн. ф-к и вольных людей недостает; а особенно в летнее время на ф-х ни половинной работы не происходит за отлучкою на свои крест. работы“ (т. 93-й, стр. 174).

2) *Наказ от купечества пригорода Нерехты* — пункт 1-й: „Права и прибиллегии купеческие в заведении ф-к, минеральных, стекляных, винокуренных и всяких заводов утвердить российскому купечеству и объяснить оные, в чем именно по высоч. Е. Велич. рассмотрению состоять будут. И к тем заводам и ф-м кр-н покупать без излишества, по пропорции печей или станов, позволить; а при к-рых з-х и ф-х ныне имеются купленные кр-не, оные оставить при тех з-х и ф-х по прежнему“.....

К стр. 67-й. Уже во время печатания настоящего очерка нами просмотрена интересная работа Н. В. Ильинского. „К истории села Леденгского (Тотемский уезд)“, изданная в 1920 г. Североссоюзом. В этой работе для нас особенно ценны указания автора, со ссылками на подтверждения местных старожилов, что на Леденгском солеваренном заводе применялись те же работные регулы регламента 1741 г., которые, как мы отмечали в тексте, применялись не только на суконных ф-х, но и на полотняных ф-х г. Костромы. „Эти регулы—говорит Н. В. Ильинский (стр. 15—16)— конечно, понимались начальниками по своему, и последние допускали много злоупотреблений. Напр., считали „непослушанием“ лишний удар кнутом по лошади дрововоза, простое нерасположение к рабочему было поводом к наказанию“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Приложения:

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

22. Труды, вып. VIII. „Этнографический сборн." 152 стр. Кострома, 1917 г. (разошлись). Содержание: К. Завойко—В Костромских лесах по Ветлуге реке (этнографич. материалы). П. Зорин—Песни черемис Ветлужского уезда Н. Виноградов—Костромская свадьба.

23. Труды, вып. IX „Железные болотные руды Костромской г." 54 стр. Кострома, 1918 г. Содержание: А. Горский. Андобские железные руды. Н Виноградов—Железная руда в Шунг. вол. А. Горский—Анализ железной руды из д. Щегольное, Макарьевского у. Е. Дюбюк—Раменский чугунно-плавильный завод. В. Смирнов—Местонахождения желензых болотных руд. в Костром. губ. ц. 1000 р.

24. Труды, вып. X. „Второй лесной сборник", 174 стр. Кострома 1918 г. Содержание: Е. Дюбюк—Леса, лесное хозяйство и лесная промышленность Костр. г. В. Корш—Классификация насаждений в „Лесном сборнике". А. Орлов—Типы сосновых насаждений в Дымницкой даче и др. мелкие статьи. ц. 1500 р.

25. Труды, вып. XI. „Ест.-Исторический сборник". Содержание: А. Жадовский—К изучению растительности Костромской г. Г. Еремин—Грозы. Наблюдения в г. Костроме с 1915 по 1918 г. В. Куни—Питьевая вода г. Костромы. И. Кириллов—Материалы к изучению флоры Макарьевского у. Г. Еремин—Наблюдения облачности в г. Костроме. Н. Сизова—Костромская черепаха. В. Смирнов—Пункты нахождений костей крупных ледниковых ископаемых в пределах Коттромской губернии. А. Горский—Анализ железных руд из дд. Губино и Абабково Кологр. у. ц. 1500 р

26. Труды, вып. XII. „Экономический Сборник". 151 стр. Кострома 1919 г. Содержание: А. Апушкин—К истории Топливной организации в Костроме в 1915—1918 г. Н. Воробьев—Обзор Костромской губернии в экономическом отношении. Д. Павлов—Экономическая сторона Мисковского хмелеводства. А. Знаменский—Из материалов по кожевенной промышленности Кcстр. г. ц. 1500 р

27. Труды, вып. XIII. „Второй Исторический Сборник". Содержание: В. Апушкин. Печальник Костромской старины (памяти И. Д. Преображенского). Е. Дюбюк—Повесть о том, как польский шляхтич, попав в крепость к русскому помещику, отыскивал свободу себе и своему потомству. В. Минковский—Вичугская фабричная старина. М. Диев—Город Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX в. С. Фрязинов—Архив гр. Волженских, Галич. у. 326 стр. Кострома, 1919—1921 г. ц. 6000 р.

28. Труды, вып. XIV. Содержание: В. Смирнов и Н. Умнов—Материалы по библиографии Костромского края, вып. I. Общие справочные издания и естественно-исторические издания и статьи. ц. 1500 р.

29. Труды, вып. XV. 153 стр. и 9 рисунк. Костр. 1920 г. Содержание: М. Зимин—Плачи и по призванным на военную службу. В. Смирнов—Народные похороны и причитания в Костромском крае. К. Завойко—Врем. жил. кр. ц. 1500 р.

30. Труды, вып. XVI. 95 стр. Кострома 1920 г. Содержание: А. Розин—Разведки фосфоритов в Унженском районе в 1919 г. Г. Еремин—Полярные сияния. Наблюдения в Костроме с 1916 года по 25 марта 1920 г. А. Жадовский—Экологический спектр Костромской флоры. Б. Вишневский—Антропологические заметки о Костромской губ. Д-р Ал. Леман—Из орнитопологических наблюдений в г. Костроме и ее ближайших окрестностях. Н. Беляев—Macrolepidoptera, найденные в Нерехтском уезде Костромской губ. А. Горский—Анализ железной руды из окрестностей Ковернина. ц. 1500 р.

31. Труды, вып. XVII. Содержание: М. Зимин—Ковернинский край (наблюдения и записи). 89 стр. Кострома 1920 г.

32. Труды, вып. XVIII. Содержание: Е. Дюбюк—Из материалов по истории зверовой охоты. 27 стр. Буй, 1920 г. ц. 600 р.

33. Труды, вып. XIX. Содержание: В. Миндовский—К столетию волжского пароходства. 16 стр. Буй. 1920 г. ц. 400 р.

34. Труды, вып. XX. Содержание: Г. Еремин—Метеорологический Ежегодник за 1919 г. 22-1 стр. Кострома. 1921 г. ц 1250 р.

35. Труды, вып. XXI. Содержание: Л. Казаринов—Город Судай Архангело-городской губерний, Нерехта. 1921 г. —

36. Труды, вып. XXII. Содержание: П. Макарьев—Фабрично-Заводская промышленность Костр. губ. накануне мировой войны. Кострома 1921 г. ц. 4000 р.

37. Труды, вып. XXIII. Содержание: Е. Дюбюк—Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине IXX века. Кострома. 1921 г. ц. 5000 р.

Библиотека общественных движений в России в XIX и XX в.

1. Записки П. Черевина (новые материалы по делу Каракозовцев) Костр. 1918 г. 42 стр. ц. 1500 р.
2. Записки предателя П. Гребнева. Костр. 1918 г. 79 стр. ц. 1500 р.
3. Воспоминания П. Черевина. 1863—1865 гг. Костр. 1920 г. 76 стр. ц. 1500 р.

Продаются отдельными оттисками статьи.

1. Б. Вишневский—Антропологич. заметки по Костр. губ., 10 стр.+II таб. 1920 г. . . . . ц. 500 р.
2. Е. Дюбюк—Экономич. положение деревни 1914—1915 гг. 1916 г. 42 стр. ц. 1000 „
3. Г. Еремин—Грозы 1918 г., 12 стр. . . . . ц. 300 „
4. К. Завойко—Временные жилища крестьян 1920 г. 7 стр. . . . ц. 500 „
5. В. Квецинский—О типах лесонасаждений в Кологр. у. 1917 г., 24 стр. ц. 500 „
6. И. Кириллов—Материалы к изучению флоры Макар. у. 1919 г., 30 с. . ц. 500 „
7. В. Корш—Типы лесных насаждений по „Лесному сбор." 1918 г., 24 стр. . ц. 250 „
8. В. Куни—Питьевая вода г. Костромы . . . . . ц. 250 „
9. В. Матренинский—Леса Кологривского уезда, 168 стр. 1917 г. . . ц. 1000 „
10. В. Смирнов—Н. Л. Скалозубов (некролог). 12 стр., 1915 г. . . . ц. 50 „
11. А. Розин—Разведки фосфоритов в Унженск. районе 1920 г. 20 стр. . ц. 600 „
12. А. Форст—Типы насаждений в Екатерин. даче 1917 г. 36 стр. . . ц. 500 „
13. Э. Шпор—Некоторые данные о цветении ряске, 7 стр., 1915 г. . . ц. 100 „
14. А. Языков—Общественная помощь призван. и их семьям, 26 стр., 1916 г. ц. 100 „

Издания Костромской Ученой Архивной Комиссии.

1. П. Алмазов—Путеводитель по г. Костроме и Костр. губ., 42 стр., 1909 г. ц. 250 р.
2. С. П. А(лмазов)—Историч. записка о г. Плесе, 11 стр., 1910 г. . . ц. 250 „
3. Архив сельца Зиновьева (акты и письма), 436 стр., Спб. 1913 г. . . ц. 2000 „
4. Каталог Музея Архивной Комиссии, 73 стр., 1909 г. . . . ц. 50 „
5. „Костромская Старина", выпуск VI, 283 стр., 1906 г. . . . . ц. 3000 „
6. „Костромская Старина", выпуск VII, 280 стр., 1912 г. . . . . ц. 3000 „
7. А. Кузьмин—Сборник молитв и правил по пчеловодству . . . . ц. 500 „
8. И. Преображенский и Н. Альбицкий—Подробная опись 962 рукопис. начала XVII и до нач. XIX ст. „Далматовского архива", 216+90 стр. Спб. 1895 г. ц. 2000 „
9. Руководство к производству археол. раскопок. 115 стр. Спб. 1898 г. . ц. 250 „
10. Н. Селифонтов—Подробная опись 440 рукоп. XVII, XVIII и нач. XIX ст. первого собр. „Линевского архива", с 2 прилож. 85+27 стр. Спб. 1892 г. . . . ц. 2000 „
11. Его же—Подробная опись 142 рук. XVII до нач. XIX ст. (Лосевского) собран. „Линевского архива", с 8 прилож., 71 стр. Спб., 1893 г. . . . . ц. 2000 „
12. Его же—Подробная опись 272 рук. конца XVI ст. второго (Шевлягинского) собран. „Линевского архива", с прилож., 171 стр., 1892 г. . . . . . . ц. 2000 „
13. Его же—Опись документам архива бывших Большесольских избы и ратуши, XVI—XVIII ст., 190 стр., Спб. 1902 г. . . . . . ц. 2000 „
14. Его же—Сборник материалов по истории предков царя М. Ф. Романова I и II части. 273+62 стр. Спб. 1901 г.; 109 стр. 1898 г. . . . . ц. 1000 „
15. Л. Скворцов—Материалы для истор. Костромы, 362 стр. Спб. 1913 г. ц. 6000 „
16. Труды IV областн. археологич. съезда в г. Костроме, 129 стр. 1914 г. . ц. 5000 „
17. Указатель книг, статей и мыслей о Костром. крае, 34 стр., 1907 г. . . ц. [illegible] „

Разные издания.

1. (В. Барыков и Н. Виноградов)—Красильно-набивной промысел Костромской губернии. Изд. Куст. Отд. Губ. Зем., 1915 г., 34 стр.+1+80 рис. . . . . ц. 5000 р.
2. Частный продукто-обмен с сельским населением в г. Костроме Костр., 1919 г., 51 стр. Изд. Стат. Отд. Гор. Сов. Р. Д. . . . . ц. 1000 р.
3. Записки жандармского офицера. Костромское охранное отделение. Изд. бр. Лбовских. Кострома. 1917 г., 38 стр. . . . . ц. 250 р.

Склад изданий—Кострома. Музей местного края.

Р. В. Ц. г. Кострома. Тираж 1000 экз.